

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

октябрь 1977 г.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

октябрь 1977 г.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

Редакционная коллегия:

**П.А.ГРЯЗНЕВИЧ, Г.А.ЗОГРАФ, Е.И.КЫЧАНОВ, Ю.А.ПЕТРОСЯН
(председатель), Э.Н.ТЕМКИН**

© Ленинградское отделение Института востоковедения
АН СССР, 1977.

А.В.Витол

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ИНСТИТУТА ВЕЛИКИХ ВЕЗИРОВ
В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ конца ХУП - начала ХУШ в.

В средневековой османской системе высшей государственной администрации второе место после султана занимал великий везир (садрваз). Он руководил внутренней и внешней политикой и практически обладал всей полнотой власти в империи. Вне его компетенции было только управление султанским двором и непосредственный контроль над духовным сословием - улемами (духовенством руководили шейхульислам и кадиаскеры Румелии и Анатолии).

После Сулеймана Кануни (1520-66) султаны все более отходили от непосредственного участия в решении государственных дел. Одновременно наметился процесс усиления власти великих везиров. В 1654 г. указом Мехмеда IV (1648-87) великий везир Дервиш Мехмед-паша получил официальную резиденцию (Высокая Porta).¹ До этого момента управление (канцелярия) великого везира рассматривалось лишь как первое из многих, находившихся в ведении султана и размещалось в султанском дворе Топкапы. Отныне же управление (фактически - правительство Османской империи) переводилось в особое помещение, что означало признание его изменившегося статуса. Начиная с этого времени общегосударственные вопросы должны были решаться в управлении великого везира, а касающиеся непосредственно османской династии - в султанском дворе. Об усилении власти великого везира говорит и постепенное уменьшение числа везиров - членов государственного совета (дивана) - или куббе-везиров² во второй половине ХУП в. (особенно при Мехмеде Кёпрюлю).

Во времени правления Ахмеда III (1703-30) их число с 7-9 сократилось до 2-3. Великий везир Дамад Али-паша (1718-16) настоял на полном упразднении куббе-везиров.³ Титул везира в диване сохранили только командующий флотом - капудан-паша.

Однако нельзя сказать, что великие везиры приобрели абсолютную власть (правление Кёпрюлю было исключением). Они продолжали зависеть от дворцовой камарильи: в первую очередь от управляющего султанским гаремом кызлар агасы, который был одним из самых влиятельных лиц при дворе. Великих везиров могли смещать и назначать и по настоянию матери правящего султана валиде-султан, как это, например, происходило при матери Мустафы II и Ахмеда III Рабие Гьельше Умметуллах (1642-1715).

Серьезнейшим соперником великого везира был глава янычар - янычар агасы. Несмотря на массовые казни янычар в первые годы правления Ахмеда III (особенно при великом везире Хасан-паше в 1703-1704 гг.) и мероприятия Невзехирли Ибрагим-паши по наведению порядка в янычарском корпусе, политическое влияние янычар на государственные дела не было подорвано.⁴ Янычарскую волюницу использовали в своих интересах самые разные силы - вплоть до послов иностранных держав, но особо прочный "союз" у янычар существовал с духовенством: те и другие были кровно заинтересованы в неприкосновенности существовавшего порядка.

Османские султаны всегда имели сильный противовес везирской власти в лице шейхульислама, который был настолько влиятельным, что при благоприятных условиях мог стать главной фигурой в правительстве - как это удалось в начале XVIII века Фейзуллаху - эфенди. Шейхульисламы прямо или косвенно были причастны к смещению почти всех великих везиров. Так, они приложили руку к смещению таких крупных государственных деятелей как Чордулу Али-Паша (1706-10) и Невзехирли Ибрагим-паша (1718-30).

В назначениях на высший пост государства султаны руководствовались прежде всего своими личными вкусами и привязанностями. Великими везирами, как правило, становились султанские фавориты, которые успевали заслужить доверие султана, когда тот был еще претендентом на трон. Хотя к концу XVII в. строгость содержания османских принцев была несколько ослаблена, однако многолетняя изоляция в окружении дворцовой челяди, следившей за каждым их шагом, не способствовала выработке у будущих султанов способностей к управлению государством или умения выбирать подходящих

для этого людей. Так, в первые 10 лет правления Ахмеда III государственная печать (атрибут власти великого везира) побывала у 9 человек, причем явно неспособный к управлению государством, но фаворит султана Балтаджи Мехмед-паша получал ее дважды: 1704 и 1710 г.

Таким образом, несмотря на укрепление власти великих везиров в конце XVII — начале XVIII в. они по-прежнему зависели от прихоти султанов и интриг двора. Великими везирами зачастую становились случайные люди. Если же на этот пост назначались способные люди, то проведение ими каких-либо радикальных мероприятий, направленных на улучшение внутреннего положения Османской империи, было чрезвычайно затруднено, поскольку их деятельность была жестко ограничена интересами султанского двора, янычарской верхушки и духовенства.

¹ J. H. Uzunçarşılıf , Osmanlı devletinin merkez ve bahriye teşkilâtı . Ankara , 1948, S. 249. Если ранее "Високой Портой" называли султанский дворец, то с 1654 г. этот термин закрепился за управлением великого везира. — J. von Hammer , Des osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung, Wien, 1815, Bd. II, S. 95.

² Условно их можно назвать министрами без портфеля. Первый из них обычно был каймакамом — замещал великого везира во время отсутствия последнего в столице. Во время войн куббе-везиры командовали войсками.

³ M. D'Ohsson, Tableau général de l'Empire Othoman. Paris, 1824, t. VII, p. 213.

⁴ Утверждение английского посла Г. Гренвилля (1762—65) о том, что при Ахмеде III янычарам был нанесен "самый смертельный удар" (H. Grenville , Observations sur l'état actuel de l'Empire Ottoman. Ann Arbor , 1965, p. 18), следует понимать только как низкую оценку современниками боеспособности янычарских отрядов.

К ВОПРОСУ О ХАЙЛАНДУРАХ ИСТОРИКА ЕГИШЕ

Армянский историк У в. Егшиэ называет гуннов северного Кавказа хайландурами.¹ Под этим именем выступает мощное объединение кочевых племен, играющее заметную роль в драматических событиях освободительной борьбы народов Закавказья против сасанидского Ирана во второй половине V в. Однако уже младший современник Егшиэ - армянский историк Лазар Парпеци, говоря о тех же событиях, не знает известного его предшественнику имени гуннов.² Хайландуры отсутствуют в перечне племен, живущих за Кавказским хребтом, в сирйской хронике Захарии Ритора, составленной около 555 г.³ Византийские историки V-VI вв. (Приск, Марцеллин, Малала, Прокопий, Агафий, Менандр, Симокатта) также не знают народа с таким или похожим именем. Даже в двух списках Армянской географии VII в., скрупулезно зафиксировавшей этнические наименования племен и народов, обитавших на Кавказе в историческое время, этот термин не засвидетельствован.⁴

В научной литературе вопрос о хайландурах впервые был поднят И.Марквартом. Полагая, что в тексте Егшиэ речь идет о кавказских гуннах, исследователь, при сопоставлении сведений армянского историка с данными Приска Панийского, приходит к выводу, что хайландурами называлась "царская орда" гуннов.⁵ Аналогичная точка зрения высказана К.В.Тревер, которая, однако, считает, что хоны в армянских источниках ошибочно отождествляются с гуннами.⁶ По мнению М.И.Артамонова, хайландуры - кавказские гунны, не имеющие никакого отношения к гуннам Аттилы в Паннонии, которых имел в виду Маркварт в качестве главной "царской орды".⁷ Согласно Н.В.Лигудевской, прорвавшиеся в IV в. за Кавказский хребет гунны и в середине V в. сохраняли за собой все позиции на северном Кавказе. Эти группы гуннских племен и участвовали в борьбе кавказских государств против Ирана при Иездигерде II (439-457) под именем хайландур.⁸

Анализ текста армянского историка позволяет выделить следующие основные моменты, дающие в целом представление о гуннах, известных под именем хайландур.

Равнозначное употребление историком терминов гунны и хайландуры дает основание полагать, что хайландур — этническое наименование группы племен, выступающих также под общим термином гунны. Хайландуры известны задолго до 442 г., когда они впервые упоминаются Египце, и до 462 г., когда появляются в тексте последний раз. Армянскому исторiku известна "страна хайландур", южная граница которой проходила по северным склонам Кавказского хребта от Аланских ворот (Дарьял) до Чора (Дербент). Эти два прохода использовал хайландуры для вторжений в Закавказье. Хайландуры стояли во главе конфедерации кочевых племен Кавказа и приняли участие в борьбе народов Закавказья против Ирана при Иездигерде II в 50-х гг. V в. и в подавлении восстания алоанского царя Ваче при Перове в 461—462 гг.

В 60-х гг. V в. политическая ситуация на северном Кавказе резко изменилась. Это было связано с появлением в районе Азовско-Каспийского междуморья новой группировки гуннов — савир. К концу V в. в степной полосе Дагестана и северного Кавказа сложился военно-политический союз племен во главе с савирами и определена его основная территория. Данные византийских источников указывают, что территория и границы савирского объединения совпадают с границами и территорией, занимаемой до них хайландурами. Из этого следует, что утверждение на Кавказе господства савирского союза племен вызвало крушение и распад предыдущей группировки гуннов — хайландур. Однако источники VI в. уже не знают гуннского племени с таким именем. Это, в свою очередь, дает основания полагать: либо гуннское племя хайландур, потеряв свое этническое имя и влившись в состав нового объединения, выступает под другим названием, либо этот этноним был не точно воспринят Египце I в армянской передаче выглядит иначе, чем на самом деле, и тогда следует искать этот народ под иным именем.

Единственный синхронный источник, позволяющий представить картину событий, происшедших на Кавказе в начале 60-х гг. V в., и, что очень важно, проследить, с какими племенами столкнулись появившиеся здесь савиры — Приск Панийский.⁹ По его сообщению, на седьмом году императора Льва (457—474), т.е. около 463 г., к восточным римлянам прислали послов сарагуры, огуры и оногуры,

племени, выселившиеся с мест своего обитания, потому что на них напали савиры, изгнанные аварами (Приск, 586,7-12). Сарагуры и огуры встречаются в источниках еще два раза - у Менаандра Протектора (458, 10-19) и в Хронике Захарии Ритора.¹⁰ Больше всего сведений сохранилось о третьем племени Приска - оногурах. Последние хорошо известны авторам VI в.: Агафию в форме оногуры (248, 16-21), латинскому историку Иордану в форме хунугуры (5,871), Захарии Ритору в форме авнагур.¹¹ В форме унугуры их упоминает Феофилакт Симокатта, писавший в VII в. (260,10-12). Анонимному автору Равеннской космографии (VIII в.) известна страна Оногория, расположенная к востоку от Меотиды (170,16-171,5). Именно здесь византийские историки IX в. Феофан и Никифор помещают Великую Болгарию, страну, расположенную около Меотиды (Азовское море) до реки Куфис (Кубань) и населенную, помимо других племен, племенем гунногундур (Феофан, 356, 19-20; Никифор, 33,19-14). По сообщению Константина Порфирородного (X в.), бежавшие от хазар на Дунай болгары во главе с ханом Аспарухом еще в VIII в. назывались оногурами (46,1-4). На основании этих данных Д.Моравчик¹², А.Гарявин¹³, М.И.Артамонов¹⁴ и др. пришли к выводу, что хунугуры, унугуры, гунногундуры - название одного и того же болгарского племени оногур. Эти же оногуры, по заключению исследователей (Ф.Вестберг¹⁵, М.И.Артамонов¹⁶ и др.), в Армянской географии VIII в. названы огхондор-бхар. Этот этнический термин зафиксирован в форме вехендур (вогхондор) и в "Истории Армении" Моисея Хоренского.¹⁷ Таким образом, несмотря на различия в фонетической и графической передаче, этническое имя гуннов - оногуры прослеживается в греческом, сирийском и армянском языках с V по X вв. Возможно, что этот же самый этноним фигурирует у армянского историка Егнэ в форме хайландур. Трудности лингвистического отождествления этих двух терминов не исключают, однако, возможности их идентификации в историческом аспекте.

Очевидно, уже в самом начале V в. в степной полосе северного Кавказа получил завершение процесс политического объединения гунно-болгарских племен во главе с оногурами, этническое имя которых перешло на весь этот племенной союз, известный Егнэ под именем хайландур. Наряду с племенами сарагур, огур и оногур, составлявшими ядро военно-политического союза и его главную силу, последний объединял и другие более мелкие племенные подразделения, выступавшие в качестве подвластного населения и допол-

нительных военных контингентов. Территория расселения этих племен, от низовий Волги на севере до Аланских ворот (Дарья) и Чора (Дербент) на юге, стала известна как "страна хайландур". Причем места кочевий сарагур располагались севернее областей, занятых огур и оногурами.

С первой половины V в. оногуры стали появляться в Закавказье. Хотя их первые набеги носили эпизодический характер, главным образом, в целях грабежа и добычи, шах Иездигерд II предпринял ряд серьезных мер к тому, чтобы обезопасить свои закавказские владения от гуннских вторжений. В проходе Чора были сооружены мощные оборонительные укрепления, а в Албании размещены части иранской кавалерии. В период освободительной борьбы в Закавказье 450-451 гг. оногуры в качестве союзников обязались предоставить воюющим военную помощь. Однако гунны не выполнили своих обязательств и не приняли участия в решающей битве на Аварайском поле 26 мая 451 г. Лишь год спустя оногуры под предводительством своего царя вторглись в Иран, истребляя персидские гарнизоны и опустошая целые области.

В 461-462 гг. нанятые шахом Перозом оногуры вторглись в Албанию и в течение года участвовали в подавлении восстания Ваче. Эти события совпали с появлением в это же время в кавказских степях савир, вытеснением сарагур и началом распада оногурской группировки. К 463 г. племена огур и оногур вслед за сарагурами под давлением двигающейся в прикаспийские степи савирской орды оставили места прежнего обитания и отошли к восточному берегу Азовского моря, где впоследствии стала известна их новая родина - Оногория.

Вопрос о том, почему термин "хайландур" встречается только у Египта, целиком связан с процессом изменения политической ситуации на Кавказе в начале 60-х гг. V в., когда здесь произошла смена одной гуннской группировки во главе с хайландурами другой, более сильной, во главе с савирами. Писавшему в 80-х гг. V в. Лазару Парпеци уже было неизвестно этническое имя гуннов, принимавших участие в событиях 450-451 гг., название их страны и имя их царя, хорошо известных современнику - Египта.

¹ Египта, О Вардане и войне армянской. Пер. И.А.Орбели, Ереван, 1971, с.31, 79, 91, 116, 121, 127, 170.

² Y.Langlois, Collection des historiens anciens et modernes de l'Armenia, t.II, Paris, 1898.

³ Хроника Захарии Ритора, - в кн.: Н.В.Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.-Л.,1941, с.165.

⁴ К.П.Патканов, Армянская география УП в. по Р.Х., приписываемая Моисею Хоренскому, СПб,1877; его же, Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому, ЖМНП,1888,март.

⁵ J.Marquart, Erganzjahr nach der Geographie des Ps.Moses Horencasi, Berlin, 1901, с.96, 98.

⁶ К.В.Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. - VII в. н.э., М.-Л.,1959, с.192,216.

⁷ М.И.Артамонов, История хазар, Л.,1962, с.60-61.

⁸ Н.В.Пигулевская, Сирийские источники..., с.46.

⁹ Excerpta de legationibus, ed.C. de Boor, Berolini, 1903, с. 121-155, 575-591.

¹⁰ Хроника Захарии Ритора, с.165.

II Там же.

¹² J.Moravcsik, Zur Geschichte der Onoguren, - Ungarische Jahrbücher, Bd.X,1930, с.71-73.

¹³ А.Я.Гаркави, Сказания еврейских писателей о хазарах, СПб, 1874, с.92.

¹⁴ М.И.Артамонов, История хазар, с.169.

¹⁵ Ф.Вестберг, К анализу восточных источников о Восточной Европе, ЖМНП,1908, XIII-XIV (февраль-март), стр.45 и сл.

¹⁶ М.И.Артамонов, История хазар, с. 168-169.

¹⁷ История Армении Моисея Хоренского. Пер. Н.Эмина, М., 1858, с.81, прим. на с. 283.

ПЕРВОЕ СВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНИЕ
В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (1840 г.)

Как известно, Гюльханейский хатт 1839 г. провозгласил ряд важных принципов, которые должны были быть положены в основу дальнейших реформ. Эти принципы носили буржуазный характер, хотя инициаторами реформ были представители правящего феодального сословия. Сторонники реформ путем такого рода преобразований намеревались укрепить государство, сохранив вместе с тем его основные традиционные феодальные мусульманские институты. Путем реформ буржуазного характера они намеревались способствовать развитию капиталистического уклада в экономике, ввести буржуазные нормы во все области жизни и уничтожить причины недовольства покоренного населения.

Реформы нового времени в Турции (так называемого периода Танзимата, начавшегося в 1839 г.) изучены недостаточно, в том числе и в области права. Новейшие исследования, специально посвященные изучению права в названный период, крайне малочисленны. Советский историк Ф.Ш.Шабанов, автор книги "Государственный строй и правовая система Турции в период Танзимата" (Баку, 1967), упоминает в своем исследовании и уголовное уложение 1840 г. Он отметил, что в период Танзимата была сделана первая попытка ввести в правовую систему Османской империи элементы светского буржуазного права (с.143). Однако на с.150 Ф.Ш.Шабанов написал, что кодекс 1840 г. составлен на основе шариа и обычного права, а на с.178 - что он в значительной своей части заимствован из западных уголовных кодексов. Противоречивые утверждения об истоках этого уложения встречаются и у других исследователей.¹

Содержание кодекса в историографии чаще всего критикуется за неполноту и бессистемность изложения², а также за примитивность мышления его авторов³.

Однако, уголовное уложение 1840 г. отличается такими особенностями, которые позволяют оценить его как один из важнейших документов первого периода Танзимата, перед которыми меркнут его в общем незначительные недостатки. Оно было первым светским законодательством буржуазного характера, утвердившим принципы

Гьльханейского хатта, такие как гарантии безопасности жизни, чести и имущества всех подданных и равенство подданных всех вероисповеданий перед законом.

В тексте Гьльханейского хатта необходимость составления нового уголовного уложения упоминалась несколько раз в связи с названными принципами и такими их частными проявлениями как необходимость ликвидации нарушений законов улемами, везирами и другими лицами, необходимость ликвидации взяточничества и самосуда сановников.

Несмотря на то, что в тексте хатта все перечисленные в нем принципы и предстоявшие нововведения признавались вытекающими из законов шарията, многие из них противоречили и шарияту, и традициям. Однако, сторонники нововведений считали, что ислам способен адаптировать многие идеи Запада.⁴

Противоречили шарияту принцип равенства мусульман и немусульман перед законом, а также признание султаном светских законов, вытекающих из буквы Гьльханейского хатта, выше его воли. Противоречили традициям принцип безопасности жизни, чести и имущества: до сих пор султан казнил и миловал своих "рабов" — сановников и чиновников — без суда и следствия, так же как, впрочем и сановники в провинции поступали со своими подчиненными; имущество чиновников считалось принадлежащим султану, имущество осужденных султан мог конфисковать. Противоречила традициям и ликвидация взяточничества: до 1838 г. османские чиновники не получали государственного фиксированного жалованья, а жили за счет приношений населения, обращавшегося со своими нуждами к властям; в таких условиях отличить плату от взятки и вымогательства было нелегко.

Таким образом, уголовный закон 1840 г. был призван гарантировать принципы, которые в основном выходили за рамки шарията, он являлся своеобразным дополнением к существовавшим до сих пор и сохранившим в значительной мере свою силу и после 1840 г. юридическим нормам.

Анализ текста уголовного уложения⁵ свидетельствует о том, что основные требования, предъявляемые к нему в Гьльханейском хатте, были удовлетворены. Кодекс 1840 г. строго запрещал казни без суда и следствия даже очевидно виновных лиц, и кара за такие преступления, будь то везир или менее высокопоставленный чиновник, налагалась в соответствии с возмездием (кысас) по закону шарията. (око за око, зуб за зуб). Оскорбление чести, нанесенное должностными лицами, наказывалось их арестом сроком от 5 до 25 суток.

За покушение на имущество, совершенное сановниками или чиновниками, следовало их увольнение со службы, а частными лицами — ссылкой на I год. Применение оружия одним частным лицом против другого наказывалось каторжными работами сроком от I до 3-х лет. Мухассыли (сборщики налогов), судьи и полицейские, нарушавшие служебные инструкции, наказывались в соответствии с установлениями данного кодекса. Наказания за взяточничество полагались суровыми — увольнение со службы, запрещение служить после отбытия наказания и каторжные работы до 3-х лет. Равенство перед законом обеспечивалось дарованием перечисленных в хатте привилегий всем подданным без исключения.

Несмотря на то, что после 1840 г. гарантии безопасности жизни, чести и имущества, также как и принцип равенства перед законом часто не соблюдались из-за нарушений законов, которые повсеместно допускались консервативно настроенными сановниками и чиновниками, все же положительные последствия реформ, в том числе и в области права, безусловно сказались и отмечались современниками⁶.

Содержание уголовного кодекса 1840 г. было вызвано к жизни внутренними потребностями и это более важно, чем тот факт, что ряд его положений был заимствован из европейского права.

Реформы Танзимата, провозглашенные в 1839 г., в том числе и реформы права, явились началом долгого и сложного периода трансформации феодального общества Османской империи в общество буржуазное, которая продолжалась и после буржуазной революции 1908-1909 гг.

¹ См., напр., Е. Недков, Османотурска дипломатика и картография. I. София, 1966, с. 82; О. Коймен, Империализм свободной торговли. Оттоманская империя. М., 1970 (X Международный конгресс экономической истории, Л., 10-14 авг. 1970), с. 15.

² См., напр., А. Д. Новичев, История Турции. Ш, ч. 2, Л., 1973, с. 121; Ed. Engelhardt, La Turquie et le Tanzimat, Paris, 1882, p. 40-41; M. A. Ubacini, Lettres sur la Turquie, Paris, 1853, p. 172.

³ С. Палаузов, Мустафа Решид паша, — "СПб Ведомости", 1858, № 14; Ed. Engelhardt, указ. соч., там же.

⁴ См. Fr.Ed.Bailey , British policy and the Turkish reform movement , Cambridge , 1942, p.274; Н.Милев , Réchid pacha et la reforme ottomane , - "Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte", Bd.II, Hf.3, Berlin, 1912, p.393.

⁵ Текст уложения см. R.Каунар, Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, Ankara, 1954, s.303-313.

⁶ Ed. Engelhardt, указ.соч.,с.109; М.А. Ubicini ,указ. соч.,с.172-173.

С.Г.Кляиторный

ОБРАЗ КАГАНА В ОРХОНСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Среди древнетюркоких рунических памятников Центральной Азии главное место по праву занимают эпитафии Бильге-кагану (735 г.), Киль-тегину (732 г.) и надпись Тонькука (около 725 г.), открытые в бассейне р.Орхон. Анализ этих сравнительно крупных текстов как исторического источника, начатый В.В.Бартольдом, Й.Марквартом, П.М.Меллиоранским, П.Пельо и продолженный многими другими исследователями, осуществлялся а) сопоставлением орхонских надписей с независимыми от них группами источников (византийскими, арабскими, персидскими, согдийскими, китайскими, тибетскими, хотано-оаокскими, тохарскими) и б) посредством выявления закономерностей изложения самого древнетюркокого текста. Новые возможности для историографической интерпретации надписей открывает еще мало освоенный прием - функциональный анализ типических образов надписей, первым из которых является образ кагана.

Орхонским памятникам, как и другим произведениям средневековой историографии, была свойственна политическая тенденциозность, определяемая прежде всего общим социальным идеалом аристократической верхушки тюркского племенного союза. Таким социальным идеалом выступает в надписях "вечный эль народа тюрков", созданная тюрками раннефеодальная империя. Гарантом благополучия "вечного эля" был избранный Небом каган, а основным условием существования эля провозглашены верность кагану бегов и "всего народа".

Имя кагана выступает как эпоним ("в эде Ильтерин-кагана", "в эде Бильге-кагана") и как синоним названия государства ("земля Капаган-кагана"). Ради "тюркского эя" каган должен "приобретать (т.е. предпринимать завоевания) до полного изнеможения", ради "народа тюрков" он должен "не спать ночей и не сидеть (без дела) дней". Война и мир, битва и союз - все решается по воле кагана для благоденствия "тюркского эя".

Военные и дипломатические прерогативы кагана абсолютны, но ими не исчерпываются все его функции. Надписи постоянно фиксируют конкретные действия кагана и тем определяют его место в системе управления. Так, каган а) поселяет и переселяет побежденные племена, т.е. заново определяет их территорию; б) расселяет тюрков на завоеванной территории, распределяя земли между племенами; в) собирает и расселяет тюрков в "стране Отюкен", т.е. на коренной территории "народа тюрков"; г) передает на определенных условиях часть племенных земель в своей собственной стране каким-либо группам иммигрантов (например, согдийцам). Главным преступлением "народа" против кагана и "вечного эя" была откочевка на другие земли, т.е. выход из-под каганской власти. Поэтому памятники полны предостережений и угроз против тех, кто замыслил отделение=откочевку, а к числу главных функций кагана отнесено "собрание" и "устроение" народа на подвластной кагану земле, т.е. создание политической организации, системы подчинения.

Более детальный анализ действий кагана в орхонских надписях несомненно добавит к образу тюркского правителя многие другие черты, определяющие его положение в общественной и государственной системе. Однако, важно установить, подчинялась ли характеристика кагана в тексте заранее определенному идеалу, например, идеалу мудрого и смелого правителя, что полностью или отчасти искажает подлинные черты изображаемого лица, или же описание следовало в каждом случае установке автора надписи.

В орхонских памятниках упоминаются две плеяды каганов - древние каганы и каганы=современники создателей памятников. Из древних каганов двое, Бумын и Истеми, родоначальники династии и создатели империи, изображаются как великие завоеватели, добывшие тюркскому эю земли и богатства. Таким же образом изображают этих каганов византийские, арабские и китайские исторические сочинения. Относительно всех других древних каганов в надписях говорится нечто совершенно противоположное: "После них (т.е.

после Бумына и Истеми - С.К.) стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами. После того, так как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели на царство, надо думать, неразумные каганы, надо думать, сели на царство трусливые каганы" (Памятник в честь Кюль=тегина, большая надпись, стк. 4-5. Пер. С.Е.Малова). Противопоставление "мудрых" и "неразумных", "смелых" и "трусливых" каганов, сделанное через полтора столетия после описываемых событий, полностью соответствует историческим результатам правления наследников Бумына и Истеми (длительная кровавая междоусобица, развал и гибель тюркского эля) и свидетельствует о причастности автора надписи к надличеству в государстве историографической традиции.

Из "новой" плеяды каганов упомянуты трое - Ильтерис, его младший брат Капаган и сын Ильтериса Бильге. Деятельность Ильтериса, основателя новой династии и второго каганата, в двух текстах из трех оценивается в панегирических тонах. А в надписи Тоньюкука он представлен совсем иначе - это деятельный, но отнюдь не мудрый каган, обязанный всеми успехами своему советнику; более того, и каганом он стал по выбору Тоньюкука. Образ следующего кагана, Капагана, еще более противоречив. Наряду с выражениями, вполне пристойными для характеристики царствующей особы и близкого родственника кагана, орхонские надписи прямо намекают на политическую неполноценность предшественника Бильге=кагана. Он - единственный из "новых" каганов, который не был избран Небом, а сам "сел на царство" без божественной санкции. О времени его правления прямо сказано: "Тогда в Отжкенской черни не было хорошего (т.е. настоящего) владыки" (Памятник в честь Кюль=тегина, малая надпись, стк.4). "Стеснения", которые пережил тюркский эль в последние годы правления Капагана отнесены не только за счет "неразумного" поведения и "измен" подданных, но и за счет "теперешней порчи" самого кагана. Еще более уничижительно рисуется Капаган в надписи Тоньюкука. Иначе говоря, в более завуалированной форме (речь идет о недавней междоусобице!) повторено противопоставление между "мудрыми" и "неразумными" правителями.

Очевидно, что облик того или иного кагана характеризовался надписью по результатам его деятельности на пользу аристократического и иерархического тюркского эля, т.е. в соответствии

с социальной сверхзадачей эпитафийного текста и политической тенденциозностью его автора. Вступая в противоречия друг с другом, споря в оценках и выводах, авторы орхонских надписей соперничают друг с другом в точности и убедительности описания событий, представлявшихся им главными в недавней истории тюркского эля. Именно поэтому орхонские надписи подлинно историчны. Их лапидарность огорчительна, а селективность неизбежна. Их политическая тенденциозность не только не умаляет, а, напротив, повышает значение надписей как исторического источника, так как сооставление программных деклараций и дискуссионных суждений позволяют ясно обозначить социальные конфликты и политические противоречия в государстве древних тюрков.

В. Н. Кобец

ФУКУДЗАВА ЮКИТИ О СУЩНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Одной из определяющих черт деятельности японского правительства в первые годы после переворота Майдзи (1867-1868) явилась попытка перестройки экономической, социальной, политической и административной деятельности государства по образцу, существующему в странах Запада. "Государство будет богатым, сильным и спокойным лишь тогда, когда во все области жизни страны проникнет современная мировая цивилизация"¹, — гласила официальная точка зрения.

Однако общественное мнение не было так однозначно. Блага цивилизации многим представлялись сомнительными, ибо конкретные представители Запада, прежде всего, купцы и предприниматели были весьма далеки от идеала цивилизованного и просвещенного человека. Идеализируя западную цивилизацию, японцы стремились сию минуту найти зримое воплощение своего идеала, а не находя, разочаровывались. "Они смотрят на современное состояние цивилизации как на некую завершенность, не осознают величия достигнутого прогресса, не осознают и того, что современная цивилизация еще не дошла до середины на пути своего потенциального развития. Как же можно стремиться увидеть здесь и сейчас картину

утопического совершенства?"² - в недоумении восклицал крупнейший японский мыслитель-просветитель второй половины XIX века Фукудзава Юкити (1835-1901), первый среди тех, кто способствовал "наведению культурного моста" между Японией и Европой³. Такие работы Фукудзава как 西洋事情 (Положение дел на Западе, 1866-1869), 西洋旅案内 (Путеводитель для [путешествий] по странам Запада, 1867), 條約十一国記 (Описание одиннадцати стран, связанных с нами договорами, 1867) и др. были первыми книгами, познакомившими японцев с политической системой, социальными институтами, промышленностью, системой коммуникаций цивилизованной Европы.

Но это было знакомство лишь с формами цивилизации и оно не давало представления о явлении в его целостности. К середине 70-х гг. в условиях интенсивного заимствования различных форм и аспектов западной цивилизации появилась необходимость установить, что следует понимать под феноменом цивилизации. Для этого требовалось проделать большую аналитическую работу, всесторонне рассмотреть явление и его возможные толкования. Фукудзава Юкити считал необходимым провести эту работу и доказать с ее помощью необходимость восприятия Японией и японцами сущности цивилизации Запада. В результате, в 1875 году Фукудзава выпустил в свет книгу, название которой 文明論之概略 очень удачно переведено Р.Г.Каряиной и В.Н.Марковой как "Общие сведения о том, что такое цивилизация"⁴.

Путь, по которому идет Фукудзава Юкити в поисках ответа на вопрос, что же такое цивилизация, естествен для японца его времени. Признавая превосходство уровня развития западной цивилизации над цивилизацией Японии, он признавал и приоритет мыслителей Запада в исследовании ее сущности. "История цивилизации в Европе" Франсуа Гизо не случайно была прочитана Фукудзава уже в начале 70-х годов. Рассуждения Гизо стали основой, на которой выстроил свои рассуждения японский мыслитель.

Пытаясь найти критерий цивилизованного общества, Гизо предлагает читателям рассмотреть и оценить состояние четырех гипотетических обществ. В первом из них господствует материальное благосостояние, но умственная и нравственная жизнь народа пребывает в оцепенении, с подданными обращаются, как со стадом. Во втором материальные условия достаточно хороши, существуют и возможности для духовного развития людей. Однако умственные по-

требности удовлетворяются лишь в той степени, в которой это желательно и выгодно правителям. В третьем обществе господствует диктатура меньшинства, своевольно и анархично распределяющего материальные и духовные ценности, препятствующего развитию индивидуальности в массах. И, наконец, в четвертом обществе каждый волен развивать свои способности, следовать своим склонностям, но отсутствует организация, способная придать действиям людей целесообразность. В результате жизненные силы каждого проявляются автономно, не оказывают влияния на состояние общества в целом.⁵

Ни одно из рассмотренных обществ не может, по мнению Гизо, считаться цивилизованным, т.к. при всей разности форм социальной жизни ни в одном из них не складываются условия для прогрессивного развития. А Гизо уверен, что "развитие — суть, заключающаяся в понятии цивилизация; идея прогресса — основная идея цивилизации, конкретная сущность ее — усовершенствование гражданской жизни, развитие общества, развитие людских отношений"⁶.

Строго следуя Гизо, почти дословно переводя слова французского историка, рассматривает четыре гипотетических общества и Фукудзава Юкити. Постановка проблемы та же, но решение Фукудзава отличается от решения Гизо.

Теоретически Фукудзава поддерживает представление о цивилизации, как о процессе развития, принимает историзм Гизо. Это знаменательно, т.к. представление о возможности и необходимости прогресса коренным образом противоположно конфуцианской философии истории. Фукудзава первым из японских мыслителей присоединился к получившей повсеместное развитие на Западе теории прогрессивного развития человеческого общества. Однако при конкретном анализе он оказывается, все же, в плену конфуцианских представлений. Так, констатируя, что ни одно из рассмотренных четырех обществ не может считаться цивилизованным, Фукудзава далее говорит, что "цивилизация — это достижение как материального благосостояния, так и возвышенности человеческого духа"⁷. Нецивилизованность рассмотренных обществ он объясняет, с одной стороны, недостаточным уровнем их экономического и духовного развития, с другой стороны, — отсутствием гармонии между степенью материального и духовно-нравственного развития. Такой ход мыслей объясняется, скорее всего, бессознательным отождествлением конфуцианской идеи о необходимости неустанного самосовершенствования человека на всем протяжении его жизни с идеей поступательного развития общества. Подобное отождествление дает Фукудзава возмож-

ность попытаться соединить несоединимое: ввести понятие гармонического прогресса.

Далее, если Гизо, рассматривая понятие развития говорит о двух его принципах: "развитии общественной деятельности и развитии деятельности личной, прогрессе общества и прогрессе человека"⁸, то Фукудзава в ходе рассуждений о том, что движет цивилизацией приходит к выводу, что определяющее значение имеет развитие знаний и нравственности каждого члена общества"⁹. Этим утверждением Фукудзава Юкити показывает, что для него не существует качественной разницы между деятельностью отдельного человека и функционированием сложного социального организма. Общество для него — простая сумма отдельных человеческих единиц, а волевые волюнтаристские действия его членов — фактор, способный влиять на темпы общественного развития.

Следы конфуцианского мироощущения сказываются и в мысли Фукудзава о том, что ни духовное, оторванное от мирских дел отшельничество, ни жизнь, направленная на удовлетворение одних лишь материальных потребностей не может быть признана достойной человека цивилизованного общества, так как "Небо (天) не могло предназначить человека для такого существования... Такое существование не может быть признано волей Неба"¹⁰. Объяснение цели человеческой жизни и неминучести прогресса общества волей Неба — это и непроизвольное желание опереться на высший авторитет, и стремление к соединению путей человека и природы в единое гармоническое целое, своеобразная конфуцианская телеология.

Подобное введение конфуцианских представлений в разработку рожденного идеями нового времени представления о цивилизации — вполне закономерный результат осмысления на японской почве выработанных в качественно отличных условиях представлений.

1 Тойме Сигаки, Мэйдзи исин, М., 1959.

2 Фукудзава Юкити дзэнсю (в дальнейшем Ф.Ю.д.), т.4, с.38.

3 Mauchama Masao, Fukuzawa, Uchimura, Okakuro: Meiji Intellectuals and Modernization in "The Developing Economies", vol.4, N 4, 1966, p.595.

4 История современной японской литературы, М., 1961, с.19.

5 Ф.Гизо, История цивилизации в Европе, СПб., 1905, с.8-9.

6 Там же, с.10.

7 Ф.Ю.д., т.4, с.37.

- 8 Ф.Гизо, указ.соч.,с.12.
 9 Ф.Ю.д., т.4, с.37.
 10 Ф.Ю.д., т.4, с.37.

Е.М.Козина

ПОЛОЖЕНИЕ ЗАВИСИМЫХ ЛЮДЕЙ "БУЦЮЙ" И "КЭНЮЙ" ПО
 ДОКУМЕНТАМ ПЕРИОДА ТАИ (УП-IX ВВ.)

Несвободное население, именуемое общим термином "подлые лю-
 дя" ("цзянь кэнь") 賤人 включало в себя не только собствен-
 но рабов, но и зависимых от казны, а также людей, являвшихся
 частной собственностью семьи или отдельного лица. К ним относи-
 лись своего рода домашние крепостные - "буцюй" 部曲 и
 "кэнюй" 客女.

По мнению Ван И-дуна, термин "буцюй" впервые появляется в
 документах, относящихся к династии Хань. Для этого периода поня-
 тие "буцюй" означало военную единицу: иероглиф "бу" 音 перево-
 дился как крупное военное соединение, а "цюй" 曲 - более мелкая
 единица. Постепенно его значение изменилось, и в период Северных
 династий (386-618 гг.) термин "буцюй" применялся только в смысле
 "частной армии", принадлежащей отдельной влиятельной семье. Пра-
 во командования этими армиями передавалось по наследству, а сол-
 даты соответственно рассматривались как собственность семьи,
 т.е. находились в зависимом состоянии [I; 352-54].

Постепенно роль частных армий значительно понизилась и при
 династии Таи род занятий бывших воинов - "буцюй" стал сугубо
 мирным. В это время "буцюй" уже являлся частным зависимым челове-
 ком, причем "буцюй" назывались как мужчины, так и женщины - их
 жены.

По закону их положение приравнивалось к казенным людям
 "гуаньху" 官戶, и степень зависимости этих групп насе-
 ления была меньшей на одну ступень, чем у рабов. "Буцюй" (по
 определению Ван Кань-ляна) назывался такой человек, который
 должен был "... с малых лет не возвращаться домой, беззавет-
 но служить, (получая за это) одежду и пищу, быть для своего
 хозяина как рыб или домашний скот. Когда же он вырастет и женит-
 ся, то он заносится в списки населения вместе с хозяином и от-

дельно его семья не подлежит переписи. Если все соблюдается таким образом, то этот человек и именуется "буццой" [II; 91].

Такого законодательства "Тан Ли и ну" следующим образом определяло положение "буццой": "Буццой" называются люди, являющиеся собственностью отдельной семьи. Женщины, на которых они женятся (могут быть из ословия) свободных, "кэнцой" или рабынь [III; II4-II5].

"Кэнцой" назывались дочери "буццой", либо частные рабыни, чей статус повысили до "кэнцой". Юридическое положение "кэнцой" полностью соответствовало положению "буццой", таким образом, все законы, касающиеся "буццой", в равной мере относятся и к "кэнцой".

Правовое положение лиц этих категорий нашло полное отражение в кодексе, в котором число статей, посвященных частным зависимым, превосходит число статей о казенных людях. В них наибольшее внимание уделяется регламентации положения частных рабов, "буццой" и "кэнцой" как членов семьи хозяина.

Юридическое понятие "семья" в Китае означало группу людей, связанных родственными узами, живущих одним двором и имеющих общее имущество и орудства к существованию. Частные рабы, "буццой" и "кэнцой" также входили в семью, владевшую ими, как самые бесправные ее члены, что определяло двойственность их положения.

С одной стороны, их правовая дееспособность ограничивалась положением самих младших членов семьи. "Буццой" и "кэнцой" не имели право доносить о преступлениях, совершенных хозяином (кроме первых трех преступлений из разряда "десяти зол" - антигосударственные преступления ("ши з") 十惡 и давать свидетельские показания. Этим "правом укрывательства хозяина" "буццой" приравнивались к его внукам [III; II3,406,413]; за донос на хозяина "буццой" подлежал смертной казни через удушение [III; 88-90,519,525-526]. Строжайше запрещалось вступление в связь с женщинами из своей семьи; за изнасилование родственницы хозяина "буццой" подлежал смертной казни путем удушения [III; 618]. Даже если буццой отпускали на свободу, связи с прежним хозяином не обрывались. Так, особо оговаривались случаи наказания бывшего "буццой", если он осмелится убить своего прежнего хозяина [III; 513-514], либо разрушить или осквернить его могилу [III; 415-416]. За избитие же хозяином "буццой" до смерти закон предусматривал наказание виновного на один год каторги, а за намеренное убийство "буццой" - всего полтора года каторги [III; 498-500]. За избитие "буццой" родственниками его хозяина наказание виновного умень-

налось по сравнению с аналогичным наказанием, определенным за преступление против свободных людей.

При разборе любого дела всякий раз исходили из одного неизменного правила: если преступление совершено "буццой" ("кэнцой"), то мера наказания определялась на одну степень выше, по сравнению с подобным преступлением, совершенным свободным. Если же свободный человек совершал преступление против "буццой" ("кэнцой"), то наказание было на степень ниже, чем если бы преступление было совершено против свободного человека [III; 124].

И само собой разумеется, что наиболее тяжким преступлением для "буццой" и "кэнцой" оказывалось убийство своего хозяина, либо поднятие на него руки. Это преступление приравнивалось к разряду "э ни" エニ ノ シ - одно из "десяти зод"; виновный безусловно подлежал смертной казни путем обезглавливания и приговор выносился даже в запретные для экзекуций дни [III; 401, 715-718. IV; 761, 765].

С другой стороны, когда затрагивались экономические стороны отношений, "буццой" и "кэнцой" наряду с рабами рассматривались не как члены семьи, а как ее собственность, передаваемая по наследству. Люди, относящиеся к этим категориям, не подлежали переносу населения, т.е. их имена не вносились в окружные и уездные списки, и налогами они не облагались.

Если хозяин "буццой" совершал преступление из разряда "э ни", то все члены семьи, включая частных зависимых, передавались в казну по закону о несении семейной ответственности. Однако, если "буццой" или "кэнцой" совершали подобное преступление, то ответственность нес лишь виновный, а его родственники ей не подлежали, что обеспечивало сохранение рабочей силы для хозяина. Если "буццой" совершал преступление, то хозяин не имел право укрывать его, и преступник нес должную кару [III; 113].

Основным положением, регламентирующим жизнь зависимых людей, было сохранение их исконного статуса. В связи с этим имелись многочисленные законы, препятствующие изменению социального положения "подлого люда". Так, запрещалось выдавать "буццой" за казенного раба, что являлось двойным преступлением: человек из частной зависимости переходил в казенную, и, что самое основное, его статус понижался на одну степень. Ссылкой до 3 тыс. ли наказывался виновный в обращении свободного в "буццой" [III; 611]. Если "буццой" был отпущен на свободу, то поработать его

снова запрещалось; виновный подлежал наказанию в размере 2 лет каторги [III; 280-281]. Строго преследовалось и сманивание частных зависимых людей, сокрытие беглых [III; 438-439, 440-441, 583-584].

Запрещалось изменение статуса зависимых людей через посредство семейных связей. "Буццой" имел право жениться на свободной, но при этом его жена также причислялась к сословию "буццой", и их дети записывались как "буццой" [IV; 261]. Если в результате незаконной связи "буццой" и свободной женщины рождался ребенок, то его записывали как "буццой" при том, что было известно, кто его отец, если нет - то как свободного [IV; 262-63].

Категорически запрещалось заключение браков свободных мужчин и "кэнной". Виновный в нарушении этого закона подлежал наказанию от одного до полутора лет каторги [III; 292-293].

"Буццой" и "кэнной" были собственностью семьи, передаваемой по наследству. Однако, в отличие от рабов, они не были объектом купли-продажи. "Буццой" могли передавать от одного хозяина к другому и за это перемещение (чжуань ши 轉手) старый хозяин получал компенсацию за израсходованное пропитание и одежду. Цени на "буццой", как это было с рабами, не существовало, но стоимость возмещения должна была быть не меньше, чем I ли E [III; 44-46]. Если "буццой" покупали как раба, то виновный в этом подлежал наказанию.

"Буццой" принадлежали сановникам, простым свободным людям (для хэнь) 良人, а также буддийским и даосским монастырям и храмам. Они в основном занимались обработкой земли, принадлежащей семье хозяина. "Буццой" можно было послать вместо хозяина на несение регулярных трудовых повинностей [IV; 668]. О непосредственном использовании труда "кэнной" у нас сведений нет; можно предположить, что оно ограничивалось сферой домашних услуг.

Закон признавал право для "буццой" иметь свою семью, интересы которой он охранял (пример такой семьи приводится в книге Хамагути Сигэкуни [II; 63]). "Буццой" также имел право на частную собственность, что явствует из закона о взимании откупов с самих "буццой" в случае, если те совершат какое-либо преступление [III; II4-II5].

Закон предусматривал возможность отпуска "буццой" и "кэнной" на свободу. Процедура освобождения была такова: отпускаемые на свободу должны были получить от главы семьи собственноручное свидетельство об освобождении, на котором ставили подписи все

члены семьи. При этом соответствующее ведомство извещалось о факте отпуска [IV; 262]. После получения свободы бывшие "буццой" освобождались от несения повинностей и выплаты налогов сроком на три года [IV; 682-683]. Таким образом, несмотря на сохранение исходного статуса человека, закон в отдельных случаях предусматривал возможность изменения положения несвободных людей.

К сожалению, мы практически не располагаем данными об использовании труда "буццой" и "кэнцой". Из статей законодательства династии Тан "Тан лэй шу и" следует, что юридический статус "буццой" и "кэнцой" в семье хозяина был двойственным и определялся одновременно как их принадлежностью к сословию "подлых людей", так и положением младших членов семьи. Имеющиеся материалы позволяют рассматривать людей, относящихся к категориям "буццой" и "кэнцой", как частных зависимых людей, несвободное положение которых было закреплено в Законодательстве династии Тан.

¹ Wang Yi-t'ung, Slaves and other Comparable Social Groups during the Northern Dynasties. Harvard Journal of Asiatic Studies, v.16, December 1953, Numbers 3-4, p.293-364.

² Хамагути Сигэкуни, Тō бō тō-но сэн мин сэйдо. Тōсси Кэн кю кай. (Институт "подлых людей" при династии Тан), Киото, 1966г.

³ Тан лэй шу и (Законодательство династии Тан), изд. Цун шу цзи чэн.

⁴ Нишида Нобору, Торэй сэн. (Собрание законов "лин" династии Тан), Тōкэй, 1964 г.

Ю.Л.Кроль

ХАНЬСКИЙ "ДЕКРЕТ О ПОЖАЛОВАНИИ В УДЕЛЬНЫЕ ПРАВИТЕЛИ И НАГРАЖДЕНИИ ЗА ВОЕННЫЕ ЗАСЛУГИ "

1. Древнекитайское общекультурное представление о взаимном влечении объектов "того же рода" оказало сильное влияние на ханьское право. В частности, как такие объекты рассматривались заслуги и награды, преступления и наказания. Считалось, что определенные поступки как бы "притягивают" к себе определенные воздаяния, причем соответствие между ними понималось как сходство:

и в наградах, и в наказаниях видели "ответы" на действия "того же рода", что и они.

В связи с этим награды и наказания должны были отличаться определенным сходством с соответствующими деяниями людей. В некоторых случаях ханьские законы дают возможность указать на такое сходство. В сфере уголовного права оно проявляется в принципе талиона. "Законы в трех разделах" (207 г. до н.э.), дают пример "права талиона", предусматривая смертную казнь за убийство. В области наград следы сходства с деяниями, как кажется, могут быть найдены в формуле закона, которому посвящено это сообщение.

2. "Декрет о пожаловании в удельные правители и награждении за военные заслуги" остался незамечен специалистами по ханьскому праву Чэн Шу-дэ и А.Ф.П.Хулсева. Известно о нем немного. Но и это немногое позволяет связать его с одним из законов Шан Яна.

В 356 г. до н.э. в государстве Цинь были введены законы, устанавливавшие прямую зависимость между числом срубленных вражеских голов и числом полученных "степеней" (цэи) ранга знатности: за каждую голову давали одну степень; этот принцип подверг критике Хань Фэй, показавший его неспособность служить общей основой для продвижения бюрократии по службе. Один из законов Шан Яна гласил: "Каждый имеющий военную заслугу в соответствии с узаконенной нормой получает ранг от высшего". Термин лэй ("узаконенная норма") был не очень удачно передан Я.Дайвендаком и Л.С.Переломовым словами hierarchical ladder ("иерархическая лестница") и "[установленным] порядком". Между тем, видимо, этот термин указывает на количественное соответствие между военной заслугой и наградой за нее, о котором писал Хань Фэй. Именно идея количественной "узаконенной нормы" повлияла на ханьское право.

3. Вопрос об этом влиянии связан с так называемым "соглашением" (лэ) Гао-цэу, в верности которому тот поклялся в последние годы своего правления (ок. 195 г. до н.э.). Оно гласило: "Если кто, не являясь человеком по фамилии Лю (т.е. сородичем дома Хань - Ю.К.), станет царем (ван), и если кто, не имея заслуг и не будучи поставлен на престол высшим, станет князем (хоу), - их сообща покарают жители Поднебесной". Это соглашение играло важную роль в истории Западной Хань. В частности, в период 150-147 гг. до н.э. оно дало аргумент в руки "канцлера" Чжоу Я-фу, когда тот возражал против желания Цзин-ди пожаловать старшего брата своей супруги Ван Синя титулом князя: "По соглашению

августейшего божественного властителя Гао, не являющийся человеком по фамилии Лю не может стать царем, не имеющий заслуг не может стать князем. Если кто поступает не по соглашению, жители Поднебесной сообща нападают на него. Ныне, хотя [Ван/Синь - старший брат августейшей государыни, он не имеет заслуг, и сделать его князем не соответствует соглашению". На этот раз Цзин-ди уступил Чжоу Я-фу, но, когда тот высказался также против награждения княжескими титулами нескольких сдавшихся начальников сюнну, ибо, по его мнению, они нарушили долг верных подданных по отношению к своему правителю, Цзин-ди не внял ему и всех их сделал удельными правителями.

В связи с последним эпизодом в ханских текстах и упоминается название "декрета о пожаловании [в удельные правители] и награждении [за военные заслуги]". Бань Гу пишет: "Поэтому, когда дошло до того, что Почтительный к родителям [божественный властитель] Цзин впервые захотел сделать князьями тех, что сдались, "канцлер" Чжоу Я-фу стал отговаривать его, блюдя соглашение [Гао-цау], но божественный властитель отринул его суждение и впервые отменил декрет о пожаловании [в удельные правители] и награждении [за военные заслуги] (кай фэн шан чжи кэ). Но кроме этого, когда имело место происшествие - [восстание царей] У и Чу - и когда [божественный властитель] У осуществил карательные походы против варваров ху и кэ, воеводы и полководцы получали ранги знатности таким образом, что это отвечало первоначальному соглашению..."

Отсюда явствует, что "декрет о пожаловании и награждении" реализовал принцип соглашения Гао-цау о пожаловании в князья только за заслуги, оформлял это соглашение и что он действовал во время подавления мятежа семи государств (154 г. до н.э.) и позднее, во время войн времен У-ди (141-87 гг. до н.э.), хотя Цзин-ди не посчитался с ним при пожаловании сдавшихся сюнну в начале 40-х гг. П в. до н.э.

4. В процитированном высказывании Бань Гу встречается слово с не вполне ясным значением - кай. Как кажется, оно значит здесь "отменить" (досл. "развязать") закон в каком-то случае, т.е. частично отступить от него. Это слово в том же значении встречается в тексте, где, по нашему предположению, содержится еще одно упоминание о рассматриваемом декрете. В докладе чиновника Лян Туна, представленном после 36 г. н.э., говорится, что в трех столичных округах в I г. до н.э. начали появляться "граби-

тели и разбойники" и что в 7 г. н.э. движение повстанцев приняло такой размах, что глава "государства и правящего дома отменил декрет о пожаловании в удельные правители (кай фэн хоу чжи кэ)", стал преследовать и хватать "грабителей и разбойников" в соответствии с законами войска, и лишь тогда удалось разбить их. События 7 г. н.э., о которых говорит Лян Тун, известны также из других источников, откуда явствует, что весной 8 г. н.э. военачальники, участвовавшие в карательных операциях, были в большом числе пожалованы титулами за свои дела (наряду с другими военачальниками, воевавшими с варварами цян), причем для их пожалования использовались не обычные ханьские, а древние чжоуские титулы (хоу, бо, цян, нань) и имели место еще кое-какие новшества в том же духе. По-видимому, это пожалование Лян Тун и называет "отменой декрета о пожаловании в удельные правители". В названии этого декрета мы склонны видеть вариант уже знакомого нам названия "декрет о пожаловании [в удельные правители] и награждении [за военные заслуги]". Следовательно, про этот декрет дважды говорится, что от его буквы было сделано отступление (кай): в первый раз оно заключалось в пожаловании княжескими титулами людей, не имевших заслуг, во второй раз - в применении чжоуских титулов и норм земельных пожалований.

5. Каким же образом рассматриваемый декрет решал вопрос о соотношении между заслугами и наградами? Мы склонны считать, что в соответствии с мыслью Шан Яна об "узаконенной норме" награды за "военные заслуги". Действительно, Сыма Цянь пишет о временах У-ди (123 г. до н.э.), когда, как мы знаем, действовал "декрет о пожаловании и награждении": "Разные воеводы по большей части удовлетворяли узаконенной норме [отрубленных] голов и [взятых] пленных (шоу лу люй) и были сделаны князьями (хоу) за свои заслуги". Лу Шунь в своем комментарии к "Ши цзи" по этому поводу замечает: "Согласно первоначальному закону [государства] Цинь, добывший столько-то [отрубленных] голов жаловался в удельные правители (хоу)". Комментатор "Хань шу" Янь Ши-гу добавляет: "Узаконенная норма" (люй) говорит про декрет о пожаловании [в удельные правители] и награждении за военные заслуги (цзюнь гун фэн нан чжи кэ), который был записан среди законов и указов".

В таком случае этот декрет устанавливал награды, которые в известном смысле (количественно) были похожи на заслуги: за определенное число убитых и взятых в плен врагов он предусматривал награждение соответствующим числом степеней ранга знатности.

Иными словами, этот декрет реализовал представление о заслуге и воздаянии как объектах "того же рода".

К.К.Курдоев, И.С.Мусаевян

К ИЗУЧЕНИЮ КУРДСКИХ ПЛЕМЕН (ПО МАТЕРИАЛАМ ХУІ-ХХ вв.)

Впервые большое количество названий курдских племен приводится в труде видного курдского историка ХУІ в. Шараф-хана Бидлиси "Шараф-наме".¹ В источнике говорится, главным образом, об истории курдских эмиратов, но вместе с тем, даются 248 названий племен, живших на территории Турции и Ирана в ХУ-ХУІ вв. По труду Шараф-хана можно установить географическое расположение племен, населявших территорию Турции и Ирана в тот период, а также их роль в истории Курдистана.

После сочинения Шараф-хана мы не располагаем другим источником, который сообщал бы подробные сведения о курдских племенах. Интересные данные о курдах и их племенах исторического, географического, этнографического, лингвистического характера можно, однако, найти в трудах историков, географов, этнографов, путешественников второй пол. ХІХ в. на русском, западных и восточных языках.

Первая попытка собрать все сведения о курдских племенах была сделана в России в начале второй половины ХІХ в. По поручению Академии Наук крупный ученый-востоковед П.Лерх начал заниматься изучением истории, культуры, языка курдов. Результатом этих изысканий явился его 3-х томный труд "Исследования об иранских курдах и их предках северных хаддеях", первая книга которого посвящена курдским племенам.² П.Лерх использовал работы на западных и русских языках, а также труд Шараф-хана Бидлиси и работы арабских ученых.³ Он привел все известные в тот период сведения.

П.Лерх указывает названия племен, а во многих случаях и численность семей, районы расселения, роль племена в истории, численность войска, сведения о языковой принадлежности племени, его занятии. Эти данные приведены о небольшом количестве племен, но тем не менее они дают представление о социально-экономических отношениях, а также о быте и жизни курдов Турции и Ирана во второй половине ХІХ в.

Историку и этнографу сравнение труда П.Лерха с сочинением Шараф-хана Бидлиси показывает сдвиги, происшедшие за этот период в жизни курдского народа.

Одним из важных вопросов, встающих перед исследователем, является вопрос о соотношении оседлого и кочевого населения среди курдов в позднем средневековье вплоть до первой пол. XIX в., то есть в период, когда Шараф-хан и П.Лерх писали свои труды.

Прямых указаний на общее количество оседлого и кочевого населения мы не находим ни в "Шараф-наме", ни в работе П.Лерха. Однако, на основе приводимых ими сведений о курдских племенах можно составить, в общих чертах, некоторое представление об этом.

По данным Шараф-хана, уже в XVI в. значительная часть курдского населения жила в селах и городах-крепостях, занимаясь земледелием и скотоводством. Приведем сведения о правителях племен, племенных союзов и феодальных княжеств в Турции и Иране, Шараф-хан отмечает, что они жили в городах-крепостях, вокруг которых обитало подвластное им оседлое и полукочевое население. Таких городов-крепостей по "Шараф-наме" насчитывается около тридцати.

П.Лерх в одних случаях указывает количество шатров в племенах. Так, он приводит данные о 13 племенах в районе Мардина, живших в шатрах. В других случаях он определяет численность племени количеством обитающих в районе семей. Например, указывает количество семей для 6 племен, живущих в районе Муша и Дيارбекира. По этим данным трудно установить, какие племена были кочевые, а какие - оседлые. Жило ли в шатрах полностью кочевое население, или же, как можно предположить, это были племена, живущие зимой в селениях, а весной перекочевывающие со своими стадами на пастбища, в горы.

П.Лерх перечисляет оседлые курдские племена (например, бахдинанские и берадост - в вилаете Мосул, баджидан - в селениях вокруг Мосула, секкир - в Сулейманийской области, синджарские, занимающие 34 езидских селения) и называет кочевые (джафы - в пограничных иранско-турецких районах; чигени - в Сулейманийской области; омери, кочующее между Мардином и Дيارбекиром; синегари, обитающее между Дيارбекиром и Смиртом; заза, кочующее к югу от Муша и т.д.).

Исследование трудов Шараф-хана Бидлиси и П.Лерха показывает, что в XVI - первой половине XIX вв. значительное число курдов были оседлы, а остальная часть веда полукочевой и кочевой образ жизни.

Осев в селениях и занимаясь отгонным скотоводством в летний период, многие курды жили вне племенной организации и племенных союзов, но продолжали носить названия племен. Можно сказать, что племенное деление курдов уже в средние века в ряде районов Курдистана носило номинальный характер. Такое положение наблюдалось в пограничных областях Турции, Ирана и России.

В период, когда Шараф-хан, а затем и П.Лерх писали свои труды, территория, населенная курдами, была поделена между двумя странами - Турцией и Ираном. Первая империалистическая война сильно повлияла на политическое и демографическое состояние курдских племен. В связи с распадом Турецкой империи образовались новые государства - Сирия и Ирак; образовались четыре части территории, населенной курдами. Происходили естественные и искусственные переселения племен, распадалась и создавались вновь союзы племен.

После труда П.Лерха наиболее интересными работами, дающими сведения о курдских племенах, явились исследования русских и зарубежных авторов второй половины XIX в. - первой половины XX в., такие, как "Путевой журнал" Е.И.Чирикова (1875 г.), работы Б.Колдобкина "Состав населения Персии по племенам и провинциям" (1883 г.), С.А.Егизарова "Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии" (1891 г.), Ю.С.Карцова "Заметки о курдах", с приведенной им картой расселения курдских племен (1896 г.), П.Аверьянове "Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия" (1900 г.), В.Ф.Минорского "Сведения, собранные во время поездки в Марагу" (1907 г.) и "Сведения о населении некоторых пограничных турецко-персидских округов" (1915 г.), А.Вострова "Племена Ирана и племенная политика иранского правительства" (1936 г.), сборники "Свод сведений о сопредельных странах" (1911-1913 гг.), работы Ф.Грязнова, А.Жабы, С.Зелинского, И.Лихутина, П.Максимовича-Васильковского, Э.Сона, П.Томилова, И.Шопена, Эдмонса, В.Никитина, Шейха А. Вахиди и многие другие.

В этих трудах встречаются сведения, касающиеся численности, месторасположения, занятия, одежды, жилищ; языка и религиозной принадлежности племен.

Наряду с исследованиями общего характера были опубликованы работы, специально посвященные некоторым курдским племенам, таким как гураны, джелалзевенд, сенджаби.

Первую попытку доказать расселение племен по районам, отошедшим к Ирану, Турции, Ираку и Сирии предпринял Надо Махмудов. В своей работе "Курдский народ"⁴ он приводит список курдских племен и союзов племен (526 названий). Из них ок. 200 - в Иране; 6 союзов племен и 198 племен - в Турции; 121 племя - в Ираке и 19 племен - в Сирии.

К сожалению, автор не сообщает, какими источниками он пользовался, не приводятся подробные сведения о племенах, не указана их численность, а также конкретные районы расселения.

Сравнение названий курдских племен, приведенных в работах Нараф-хана Бидлиси, П.Дерха, Надо Махмудова и других авторов, выявляет чрезвычайно пеструю картину. Европейские и русские ученые получали сведения о племенах либо от самих курдов, либо от представителей местной власти, или же извлекали данные из источников на персидском, турецком, арабском языках. Вследствие этого в написании названий племен наблюдается большой разноречивый. Так, племя мангур встречается, как манкур, менгур, менгор, менкор, могоур, мугур, менкури; племя мукри - как микри, мекри, мекры, мокри, мекризи (от англ. мн.ч. *micksis*); племя бильбаси - как бальбаси, бильбаси, бельбаси, бульбасы; племя жанеки - как джунаки, джуники, джунуки, джюники, дженги, дженган, джинги, джинникан, джинниканли, джунуканли, джинниканли, дженукянлу, дженикенлу и т.д.

Как правило, название племени на курдском языке имеет две формы: ед.ч. на -и и мн.ч. на -ан: сипки, сипкан; адами, адаман. В списках племен, приведенных европейскими и русскими авторами, встречаются названия с грамматическими показателями турецкого языка -ду, -ду/ли. Эти показатели наращивались на форму ед. или мн.числа и создавалось впечатление, что у одного и того же автора мы имеем дело не с одним, а с несколькими племенами. Есть основания утверждать, что названия племен с показателями на -и или -ан автор записал у курдов, а названия с показателями на -ду, ли/ли - у турок.

По имеющемуся в нашем распоряжении материалу можно утверждать, что значительная часть названий курдских племен образована от географических названий (например, Бидлиси, равандузи, хаккари, бохти, Бахдинани и т.д.).

В трудах исследователей наблюдаются расхождения и в обозначении общего количества племен. Как отмечалось выше, в "Шараф-наме" упоминается 248 названий, по Лерху - в Турции - 232 названия, в Иране - 372, в России - 29. Курдский ученый Амине Заки в работе "Краткая история курдов и Курдистана"⁵ помещает список племен, обитающих на территории Турции, а в статьях, опубликованных курдским общественным деятелем Сирии Османом Сабри, приводится более 20 названий племен, не отмеченных в труде Амине Заки.

Некоторые племена, встречающиеся в "Шараф-наме", мы не находим в позднейших источниках. Объясняется это двумя причинами: либо авторы не получали сведений о них, либо племя исчезло, слившись с другими племенными союзами.

В отдельных исследованиях приводятся названия многих некогда единых племен, которые сейчас живут в отдаленных друг от друга районах. Так, племена кикан и милан в прошлом обитали в области Бохтан (Турция). Теперь кикан живет в Турции и Сирии, а милан - в Сирии, Турции, Иране. Племя механ прежде обитало в Сийдхарских горах (Ирак), сейчас - в Сирии и Ираке. Племя зезе раньше жило в Ираке, в настоящее время - в Ираке и Турции и т.д.

Раздробленность курдских племен объясняется их кочевничеством в прошлом, частыми межплеменными распрями, войнами между Турцией и Ираном, а также административным переселением курдов турецкими и иранскими властями. Так, Шах Аббас переселил часть курдских племен в Хорасан; в 1925 г. во время подавления крупного курдского восстания много курдов было переселено турецкими властями в район западнее Анкары.

Таким образом, со времени написания Шараф-ханом Бидлиси "Шараф-наме" прошло почти 400 лет, а с момента выхода в свет труда П.Лерхе - 120 лет. За этот период произошли большие политические и социально-общественные изменения на Ближнем Востоке. Все разбросанные по различным источникам XIX-XX вв. сведения о курдских племенах являются далеко неполными, а во многих случаях спорными

и даже неправильными.

На современном уровне историко-этнографической науки и советского курдоведения ощущается настоятельная необходимость собрать все известные исторические, этнографические, географические, лингвистические сведения о курдских племенах, внести дополнения, уточнения и исправления в определение их этнической, языковой и религиозной принадлежности и тем самым подготовить предпосылки для решения проблемы этногенеза и формирования курдского народа.

Исходя из этого, Курдский кабинет ЛО ИВ АН СССР приступил к выполнению коллективной темы "Курдские племена (к вопросу этногенеза и формирования курдского народа)". Работа будет носить справочно-энциклопедический характер и будет написана на основе исторических, этнографических, географических и других исследований на русском, персидском, арабском, курдском, армянском и западноевропейских языках.

В справочнике найдут свое отражение следующие вопросы:

1. Название и самоназвание племени (этническое, географическое, религиозное и административное).

2. Численность племени (в тех случаях, если ее можно будет установить).

3. Название района, населяемого племенем (старое и новое название района).

4. Занятие племени в прошлом и настоящем (скотоводство и земледелие: формы скотоводства и земледелия; продукты скотоводчества и земледелия, производимые для себя и для сбыта).

5. Жилище (сельское, городское, кочевое).

6. Одежда (женская и мужская), изменения в одежде.

7. Характеристика племенной организации.

8. Отношение племени к союзу племен.

9. Распространение племени по районам.

10. Письменные сведения о племени.

11. Предания о происхождении племени.

12. Религиозная принадлежность племени.

13. Язык племени и его диалектальная принадлежность.

14. Исторические личности (писатели, поэты, историки и государственные деятели), сыгравшие заметную роль в жизни племени, своего народа или в истории соседних народов.

¹ Scheref-nameh ou Histoire des Kourdes par Schreffer, prince de Bidlis, publiée pour la première fois, traduite et annotée par V.Véliaminof-Zernof. Texte persan. T.I, S.-Pb., 1860.

Шараф-хан Бидлиси, Шараф-наме. Пер., предисл., примеч. и прил. Е.И.Васильевой, т. I, М., 1967.

² П.Лерх, Исследования об иранских курдах, кн. I, СПб., 1956.

³ Арабские географы X в. ал-Масуди и ал-Истахри приводят 23 названия курдских племен.

⁴ Надо Махмудов, Курдский народ, Ер., 1959 (на арм. яз.).

⁵ محمد أمين زكي 'خلاصة تاريخ الكرد وكردستان' 1937

В.И.Кычанов

ТАНГУТСКИЙ ГВОН

С широким употреблением термина гвон в тангутских текстах мы впервые сталкиваемся в "Измененном и заново утвержденном кодексе законов [девиза царствования] Небесное процветание (1149-1169 гг.)" и в "Новых законах", являющихся дополнением к нему. Из имеющихся материалов прежде всего становится очевидным, что гвоны являлись универсальными социальными ячейками, по которым было распределено все население страны с целью наиболее эффективного использования его труда. "В [нашем] государстве все отцы и сыновья находятся в подчинении у направляющих¹ и среди тех из них, кто состоит как в гвонах управления [местным населением], так и в [армейских] солдатских гвонах, нет таких, которые не использовались бы для какой-нибудь работы".² Люди были прикреплены к тому или иному гвону "по приказу" и самовольная смена гвона, т.е. места приписки, влекла за собой наказание смертной казнью для людей, занятых тяжелым физическим трудом, или каторжными работами на большой срок для чиновников и лиц, занятых так называемым легким трудом. "Если исполняющие тяжелые работы уклонятся от тяжелой работы и уйдут с теми, кто исполняет

легкую работу, или из пограничных войск перейдут в [войска] внутренних районов страны, или сменят гвон и... окажутся не в том гвоне, в котором [они] должны [находиться] по приказу, то [виновные в том] одинаково подлежат смертной казни путем удавления", Те же, кто, "состоя в очереди на легкие работы", "по своему желанию и ради собственной выгоды" уходил с легких работ, "менял гвон", осуждался на пожизненные каторжные работы или на каторжные работы сроком на 12 лет.³

Гвон как социальная ячейка занимал свое определенное место в пространстве, ибо каждый управляющий гвоном управляющий имел "зверенную ему территорию".⁴ Гвон являлся фискальным органом и органом назначения населения на работы по трудовой повинности. "Деньги, поступающие в счет уплаты налогов с гвонов ... ежемесячно подсчитываются [и об итогах подсчета] подается доклад".⁵ Специальному расследованию подлежали дела, связанные со "сбором местными гвонами подлежащего уплате зерном поземельного налога с орошаемых и неорошаемых земель".⁶ Закон устанавливал, что скотоводческие гвоны, снабжавшие лично государя, "в отличие от всех скотоводческих гвонов освобождались от поставок шерсти овец и коз"⁷, а "в гвонах разные налоги государю и работы на государя взимались и выполнялись в соответствии с установленными нормами".⁸ Судя по указанию к кодексу, в несохранившейся статье 1342-ой говорилось "об установлении [норм] трудовых повинностей для скотоводческих гвонов, которые не работают ни на какое управление".

Социальное положение членов одного и того же гвона было не одинаковым. Например, если какой-то хозяин из данного гвона разорялся и оказывался "не в состоянии кормить [государева] коня, ремонтировать доспехи", то он должен был "передать [государева коня и доспехи] кому-либо из [того же] гвона"⁹, кто мог, будучи военнообязанным, содержать в порядке государева боевого коня и сохранять в готовности оружие и доспехи. Один член гвона мог работать на другого. "Если кто-то из солдат в нашем государстве, бедный сын немущего хозяина, будет квартировать в доме человека того же самого или другого гвона и добровольно наймется на работу к кому-то из хозяев, то [он] может наняться на работу".¹⁰

Все члены гвона, независимо от их социального статуса, лично свободные и лично несвободные, также являвшиеся членами гвона,¹¹ брались на строгий учет. Списки членов гвона вели специальные писцы гвона.¹²

На основании тех материалов, которыми мы располагаем, можно выделить три основных типа гвонов. Армейские гвоны. Они совпадали или с воинскими частями — "регулярные войска любого гво-на"¹³, или с теми территориальными и производственными единицами, которые образовывали соответствующий армейский гвон, обязанный выставлять определенное число военнослужащих.¹⁴ В данном случае гвоны походили на сотни и тысячи у чжурчженей, а позднее и у монгол. Так называемые "местные гвоны" составляли самые низшие административные единицы страны. Это были гвоны "департаментов, армий, областей и уездов внутренних и пограничных районов страны".¹⁵ Эти гвоны различались по величине.¹⁶ Основным их населением были хозяева¹⁷, как лично свободные, так и лично несвободные люди, ведшие самостоятельное хозяйство и несшие определенные повинности, выполнение которых и обеспечивал гвон. Они имели "ничейные", не государевы (казенные) и не частные земли общего пользования — выпасы, леса и т.п.¹⁸ Для хранения собранного в качестве уплаты налога зерна такие гвоны строили общественные амбары, склады.¹⁹ Местные гвоны следили за тем, чтобы родственники кормили старых и слабых, малолетних и нетрудоспособных членов гвона²⁰, т.е. выполняли некоторые функции, часто присущие общине. Третью группу составляли те гвоны, которые представляли собой специализированные хозяйства и мастерские. Часть таких гвонов была при дворе государя, часть при управлениях. Для надзора за имуществом в таких гвонах "начальник управления ... направляет уполномоченных в каждый гвон и назначает их интендантами".²¹ В числе производственных гвонов можно назвать государевы скотоводческие гвоны, гвоны по добыче соли, гвоны по производству шелка, конные дворы (гвоны), монетный двор (гвон) и др.²² Производственные гвоны объединяли, вероятно, в первую очередь, всех мастеров и работников казенного ремесленного производства.

Закон требовал, чтобы каждый житель Ся был там, "где бон обязан находиться".²³ Лично несвободные люди — пхинга и нини, принадлежавшие частным лицам, и так называемые "государевы люди" — не могли располагать собой и это был как бы первый уровень зависимости части населения Ся, зависимости полной, вплоть до продажи одним человеком другого. Но и лично свободные граждане Ся были ограничены в свободе деятельности и передвижения, и социальной ячейкой, ограничивавшей их свободу, был гвон. Люди были разверстаны по гвонам и не могли, не рискуя быть подвергнутыми уголов-

ному наказанию, по собственному волеизъявлению покинуть гвон. Это был уже второй уровень, уровень своеобразного тотального закрепощения. Властная сила приковывала человека, труженника или чиновника, к месту труда и месту жительства. Его могли куда-то перевести, но он не мог сделать этого сам. Верхние границы этого тотального крепостничества не четки, хотя они явно были сильны для чиновничества.

Более высокий уровень закрепощения населения Си Ся объясняется, по нашему мнению, особой обстановкой, в которой это государство существовало. Нелегкие природные условия, многочисленные, а для XI в. перманентные, войны и постоянная угроза уничтожения требовали напряженного состояния экономики страны для поддержания ее жизнедеятельности, а, значит, и повышенных норм эксплуатации населения.

Мы считаем, что являясь институтом, возможно, специфически тангутским, термин гвон, тем не менее, мог быть заимствован из китайского языка. Чтение передающего на письме слово гвон тангутского иероглифа реконструируется М.В.Софроновым как *won*, Нисидэ Тацзо как *γō*. Вероятно, это было китайское слово 院 "двор", "поместье", "управление", "ведомство", которое имело древнее звучание (по Б.Калгрэну) *g'wân*, корейское чтение *won*, вьетнамское *nguen*. Слово "вань" в значении "поместье", "хозяйство" было широко распространено в соседнем с Си Ся сунском Китае. В Си оно приобрело значение хозяйственно-административной единицы и воинского подразделения, что отражало характерное для Центральной Азии еще с гуннского периода неразделение администрации гражданской и военной, когда весь государственный механизм строился по единому военно-административному принципу.

¹ Наименование должности администратора низшего звена и младшего командира.

² Новые Законы, гл. XII, стр. 3.

³ Измененный и заново утвержденный кодекс [деви́за царствования] Небесное процветание, гл. XI, л.6а-8б, ст.720. В дальнейшем: Кодекс,

⁴ Кодекс, гл. XI, л.23а-23б, ст.754.

⁵ Кодекс, гл. XII, л.11а, ст. 1220.

⁶ Кодекс, гл. IX, л. 7б-10б, ст.554.

⁷ Кодекс, гл. XIX, л. 16б-18б, ст.1854.

- 8 Кодекс, гл.УП, л. 30б, ст. 450.
 9 Кодекс, гл.УІ, л.ІІб-ІІс, ст.333.
 10 Кодекс, гл. УІ, л.І7б - 18а, ст.343.
 11 Кодекс, гл. XII, л. 3а, ст. 813.
 12 Кодекс, гл. УІ, л. 21а-21б, ст. 350.
 13 Кодекс, гл. У, л. 20б-21а, ст. 296.
 14 Кодекс, гл. УІ, л. 24б-25а, ст. 362, л. 26а, ст. 364.
 15 Кодекс, гл. ХУП, л. 16б, ст. 1227.
 16 Кодекс, гл. XIII, л.19б-20а, ст.925.
 17 Кодекс, гл.ХІ, л. 48а-48б, ст.803.
 18 Кодекс, гл. ХІ, л. 48а-48б, ст. 803.
 19 Кодекс, гл. ХУП, л. 4а-11а, ст.1219.
 20 Кодекс, гл. ХІ, л.49а, ст. 806.
 21 Кодекс, гл. ХУП, л. 12а-14а, ст.1223.
 22 Кодекo, гл. XIX, л. 35б-36а, ст. 1389, гл. ХУШ, л. 19а,
 ст. 1307, гл. ХУП, л. 37б-48а, ст. 1256, гл. У, л. 2а-8б,ст.273.
 23 Кодекс, гл. УІ, л.31б-32а, ст.380.

А.Г. Лундин

ПО ПОВОДУ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦАРЯ, СОВЕТА И НАРОДА
 В КАТАБАНАЕ В ІУ-І вв. до н.э.

Среди катабанских юридических надписей легко выделяются две категории текстов, несомненно близких по значению и характеру, но различающихся по формуляру. В первой из них преамбула строится по схеме: $hgkm/hgr/wshr/ N /mlk/qtbn$

"Вот что предписал и узаконил такой-то, царь Катабана" (см. RES 3566, 3854, 3878, 4325, 4337 - с небольшими вариантами в каждом из текстов), во второй - по схеме:

$N /mlk/qtbn/hgr/wshrm$

"Такой-то, царь Катабана, предписал и заповедал" (см. RES 3879, 4931).

Возникает предположение, что разница в формуляре отражает различия в характере надписей и их содержании. Однако незначительное число памятников, фрагментарность некоторых из них,

разнообразие сюжетов и ненадежность интерпретации не позволяют установить смысловую разницу между этими двумя типами декретов и заставляют ограничиться исследованием формальных моментов: формуляра и структуры текстов.

Здесь выясняется, на первый взгляд, весьма существенное различие: тексты второй категории исходят только от царя, тогда как в надписях первого типа обычно упоминаются и другие органы, от которых исходит декрет: совет старейшин (mšwd, RES 3878, I; 3566, 1) или народ - народное собрание (qtbn, RES 4337, 3-4. Ср. также RES 3566, 6: ṣ^cbn/mšwdn/wṭbnn "народ - совет и собрание"). Таким образом, возникает весьма заманчивая мысль - разделить эти две категории текстов как царские декреты (RES 3879 и 493I) и законы, изданные советом старейшин и (или) народным собранием (остальные тексты), хотя и при участии царя.

Однако такому выводу противоречат данные надписи RES 3854, которая по формуляру относится к первой категории, но не упоминает ни совета, ни народного собрания, и установлена только от имени царя. Соответственно и во фрагментарном тексте RES 4325, где конец преамбулы не сохранился, восстановление с упоминанием совета или народа (по типу RES 3566 или RES 4337) становится весьма сомнительным.

Остановимся, однако, подробнее на надписи RES 3854. Ее преамбула гласит: hgkm/šhr/whrg/šhr/hll/bn/d^r'krb/mlk/qtbn/š^cbn/qtbn/wa^clān/wm^cnm/wd^ctt "Вот что узаконил и повелел Шахр Хилал сын Зара'кариба, царь Катабана, народу Катабана и (общинам) зу-^cАлсан и Ма^cин и зу-^cАсат". В ней можно обнаружить лишь одно незначительное отличие от преамбул других декретов: глагол hgr "предписать", обычный для декретов (см. RES 4337, I; 4325, I; 3879, I; 493I, I и восстановлено в RES 3878, I) заменен синонимичным глаголом hrg "повелеть", который в преамбулах других катабанских декретов не встречается, хотя иногда и применяется в них в других разделах для обозначения действий царя (см., например, RES 3566, 2; 3878, II; 493I, 4).

Глагол hrg довольно часто встречается в южноарабской эпиграфике и его значение "приказывать, повелевать" можно считать установленным вполне надежно. В Катабана он встречается в надписях разных типов^I и в различных контекстах, что позволяет, видимо, более точно выяснить его терминологическое значение в юридических надписях (или специально в декретах).

Наиболее общее значение глагола "приказывать, повелевать" - четко проявляется в контексте посвятительных надписей, где он обозначает приказание божества, переданное через оракул: $hg/hrg/{}^c ttr/w{}^c m/bms'lsmy$ "как повелели c Астар и c Амм в оракуле их двоих".²

Близкое значение дают и строительные надписи, где глагол встречается в стандартной формуле $tqdm/whrg/wahlk/kl/{}^c yq/wmbny$ "встал во главе и распорядился и исполнил всю работу и постройку" (KES 3552, 3553. Ср. очень близкие контексты в KES 4095 и 4328). Все эти надписи сообщают о выполнении общественных работ по постройке оборонительных сооружений (KES 3552, 3553) или дорог на горных перевалах (KES 4328. Надпись KES 4095 фрагментарна и характер работ неясен) какими-то частными лицами или, во всяком случае, лицами, не указывающими своего титула и общественного положения. Отмеченные работы, по-видимому, совершались во исполнение каких-то обязанностей, в форме повинности или литургии. Наиболее ясно это видно в KES 4328: эта надпись поставлена мукаррибом Катабана Йада c 'абом Зубйаном сыном Шахра и сообщает, что мукарриб построил дорогу через перевал Зарум $b'mr/{}^c m/dsq$ "по приказу c Амма зу-Шакара". Мукарриб не применяет глагола hrg . Но строки 9-II надписи представляют собой приписку, сообщающую, что некий 'Авс c амм сын Йасур c амма $tqdm/whrg/kl/{}^c sq$ "встал во главе и распорядился всей работой" на перевале Зарум $bthrg/mr's/yd{}^c b$ "по поручению (приказанию) господина его Йада c 'аба".

Такие приписки, сделанные реальными исполнителями работ, вообще довольно часты в катабанской эпиграфике. Они или включаются в основную надпись номинального исполнителя, или выделяются в самостоятельную надпись (ср. KES 3550 и Ry 390). Особенно интересен комплекс надписей KES 4330 - Ry 387 - Ry 386, где основную надпись Набат c амма сына Йакахмалика зу-Зар'ана сопровождают две надписи: "подрядчика" Хавф'ила из рода Шахаз (ветви Зар'ан), выполнившего работу $ls/wl/mr's/nbt{}^c m$ "для себя и для своего господина Набат c амма", и "субподрядчика" Шакар c амма зу-Зар'ана. Выполнение "подрядных" работ всегда обозначается глаголом $tqdm$ "возглавил".

Таким образом, здесь глагол hrg имеет, видимо, оттенок "распоряжаться во исполнение приказа, осуществлять полученные полномочия". Это значение подтверждает фрагментарная надпись Ja 2437, сообщающая о строительстве южных ворот Тимна c зу-Са-

дав $b\dot{t}hr\dot{g}m/h/\dot{t}gs/mr' s/\dot{s}hr/ / \dot{g}y\dot{l}/n$ "по приказу, который дал /ему гос/подня его Шахр Гайлан" (или, более точно, "согласно полномочиям, которые дал ему Шахр Гайлан")³. Отметим, что о таком же строительстве ворот Садав сообщает надпись царя Катабана Шахра Гайлана сына Абшимама Ja 2436 (=NES 388I), так что и в Ja 2437 речь идет о "подрядных" работах.

Видимо, то же значение имеет глагол и в надписи VL 1a: $ywm/hrgs/mr' s/yd^c b/\dot{d}byn/bn/\dot{s}hr$ "когда вручил ему полномочия господин его Йада^c, аб Зубйан сын Шахра"⁴. К сожалению, начало надписи не сохранилось, и мы не знаем, о каких действиях автора идет речь. Однако можно сказать, что передача полномочий осуществлялась не только в области общественного строительства. В аналогичной "формуле с ywm " глагол встречается в тексте NES 3858,3: $ywm/hw\dot{l}/whrg/yd\dot{m}rmlk/\dot{d}dr'n/bn/\dot{s}hr/b\dot{t}hr\dot{g}/wh\dot{l}t/yd^c b/\dot{b}dr\dot{m}/tn\dot{s}'/... sb' ... b^c\dot{l}y/yd^c b/wqtbn$ "когда управлял и повелевал Йазмармалик зу-Зар'ан сын Шахра, по приказу и распоряжению Йада^c, аба, в войне, которую вели ... сабейцы ... против Йада^c, аба и Катабана". Здесь контекст, пожалуй, наиболее ясен: речь идет о том, что Йазмармалик получил от Йада^c, аба, правителя Катабана, командные полномочия в войне с Саба'. Глагол $hr\dot{g}$ выражает несомненное осуществление этих полномочий.

В юридических надписях $hr\dot{g}$ обычно переводится "управлять" (*verwalten* - Н.Родоканакис, *to administer* - А.Бистон). Это значение вполне соответствует контекстам, особенно в надписи NES 3688, где глагол встречается несколько раз и обозначает либо "управление" племенем Кахад (см. строку 2: $bykrb/whrg/\dot{s}^c bn/khd$ "чтобы он был кабиром (старейшиной) и управлял племенем Кахад", ср. строку 5), либо "исполнение" этого декрета (см. строки 2-3: $w\dot{l}/y\dot{s}hf/whrg/\dot{d}n/\dot{s}hf n$ "и пусть зарегистрируют и исполняют это соглашение", ср. строки 4,6,8)⁵. Но и здесь отчетливо выступает значение "распоряжаться во исполнение полученных полномочий".

Еще более четко выражен этот смысл в NES 3566,2: $\dot{d}m/hr\dot{g}/mlkn/\dot{s}hrmw/b\dot{t}ht/\dot{s}hr/wqtbn$ "то, что приказал царь Шахр по решению⁶ Шахра и Катабана", где повторение имени царя можно объяснить только тем, что в первом случае он назван лично, как исполнитель решения, а во втором - в формуле "Шахр и Катабан (т.е. "народ Катабана)", обозначающей законный орган, принявший "решение". Аналогичный контекст дает и декрет NES 3878,4: $[by\dot{t}f]/\dot{t}/whrg/mlkn/bn/hgr/\dot{s}^c b/^c m$ "[пред]писал и повелел царь по

(законам) города племен ^САмма". Интересно отметить более краткую формулу в "царском декрете" RES 493I,4: mmdm/bytft/wbrg/ud^С'b "то, что предписал и повелел Йада^С'аб". Здесь не указаны основания для повелений царя и может создаться впечатление, что он действует своей властью, но точная параллель с более подробной формулой надписи RES 3878,4 показывает, что царь и здесь несомненно действует во исполнение каких-то решений законодательных органов (или, может быть, божества).

Таким образом, все известные случаи употребления глагола brg в катабанских надписях показывают, что он обозначает исполнение каких-то решений или приказов, отданных высшей по отношению к автору текста инстанцией - царем, советом старейшин, народным собранием, божеством⁷. По отношению к царю такими высшими инстанциями являются совет старейшин и народное собрание Катабана. Соответственно преамбула RES 3854 показывает, что этот декрет нельзя считать "царским декретом"; царь выступает здесь лишь как административная инстанция, издающая декрет во исполнение решения законодательных органов.

Такой характер носят все сохранившиеся катабанские декреты, начинающиеся формулой hg(km) ; следовательно, и во фрагментарном тексте RES 4325 следует предполагать в несохранившейся части преамбулы упоминание совета старейшин или народного собрания, или обоих этих органов вместе.

Анализ юридических надписей показывает, что власть царей в Катабана была в известной мере ограничена независимыми от царя законодательными органами: советом старейшин и народным собранием. Царям принадлежала, по-видимому, лишь административная власть⁸. Однако неясно, насколько последовательно проводилось разграничение административных и законодательных функций. Существование "царских декретов" RES 3879 и 493I показывает, что и цари могли выступать с какими-то актами законодательного характера; к сожалению, фрагментарность текстов не позволяет установить, существовала ли какая-нибудь специфика этих актов. Впрочем, уже упомянутая формула mmdm/bytft/wbrg/ud^С'b в RES 493I, может быть, показывает, что и "царские декреты" издавались также во исполнение решений законодательных органов.

¹ См. также сабейские RES 4I37,5; 4I76,13; Ja 2867,10.

² См. M.Höfner, Eine qatabanische Weihinschrift aus Timna^c. "Le Muséon", v. 64, 1961, p.459. Cp. AM 60.1332,3-4: A.Jamme, Miscellanées d'ancien arabe, II. Washington, 1971, p.133-134.

³ A.Jamme, Miscellanées d'ancien arabe, III. Washington, 1972, p.42-45.

⁴ Здесь, как справедливо отметил М.Гуль, глагол имеет форму породы O2 (M.Ghul, New Qatabani Inscriptions. BSOAS, XII, 1959, p.I-2), как и в надписи Ja 2437.

⁵ См. A.F.L.Beeston, Qahtan. Studies in Old South Arabian Epigraphy, II. London, 1971, p.12-13.

⁶ О значении термина tḥt(y) "решение" см. А.Г.Дундин, О характере надписей из Джар ал-Лабба. ВДИ № I, 1972, с.31. Термин несомненно связан с арамейским twhjt, которым в палмирских надписях обозначается решение "совета и народа", см. CIS П,3959; Inv. X,44.

⁷ В тех случаях, когда контекст содержит значение "приказать" - при оракуле бога (Höfner, Timna^c; AM 60.1332) или приказе царя (VL Ia, Ja 2437) - глагол, несомненно, имеет форму породы O2 с каузативным значением - "дать полномочия".

⁸ Ср. А.Г.Дундин, Царская власть в Южной Аравии в I тыс. до н.э. ВДИ № 3, 1970, с.3-16.

А.С.Мартынов

О КОНЦЕПЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ОРУЖИЯ В ИМПЕРАТОРСКОМ КИТАЕ

I. Известный цинский ученый Ван Мин-шэн (1722-1798) в своем капитальном труде "Критические заметки к тексту 17 династийных историй" оставил, анализируя "Историю династии Хань" Бань Гу, весьма любопытное рассуждение, озаглавленное "Три неверных положения трактата о наказаниях". Все три положения имеют непосредственное отношение к нашей теме.

Ван Мин-шэн упрекал Бань Гу прежде всего в том, что тот объединил в одном трактате рассуждения о применении боевого оружия и инструментов наказаний. "Но ведь инструменты наказаний, -

писал цинский эрудит, — употребляются в мирное время, а боевое оружие — в карательных походах. И эти две вещи объединять невозможно" [3, цз. II, с.93]. Вторая грубая ошибка автора "Истории династии Хань", по мнению Ван Мин-шэна, состоит в том, что он неправильно расположил материал: следовало вначале описать наказания, а затем — применение оружия. Бань Гу поступил наоборот. Третья ошибка — Бань Гу, в сущности, не дал изложения "бин фа", то есть, "норм и способов применения оружия" в ханьское время. "Хотя ханьцы и не упорядочили [свою систему] управления и норм поведения, но [у них] не было такого периода, когда бы не существовало норм и способов применения оружия. Разве система организации [военного дела] в определенную эпоху не заслуживает изложения" — недоумевал и негодовал Ван Мин-шэн [3, цз. II, с.93].

2. Бань Гу и Ван Мин-шэн представляли одну и ту же традицию китайской мысли — конфуцианскую, но на совершенно различных стадиях ее развития. Бань Гу (I век н.э.) жил и творил в тот период, когда ханьский политический синтез был основным предметом историко-философских размышлений (см. об этом у Д.Л.Кроля [1, с.134-150]) и апология идей классического конфуцианства о неформальных и ненасильственных средствах управления переживала свой апогей. Ван Мин-шэн — ученый цинского времени, которое предъявляло к историческому тексту более прагматические требования, главное — по иному относилось к проблеме применения оружия.

Как известно, теория "десяти побед" начала складываться у Цянь-луна в конце 80-х годов XIII века. Она была призвана придать маньчжурской экспансии II половины XIII века характер последовательных этапов на пути к "окончательному" мироустройению и достижению классических образцов легендарной античности. Естественно, что в этот период к применению оружия относились несколько по-иному, чем во времена Бань Гу, когда основное направление политической мысли определялось сравнением между насильственным правлением династии Цинь и "ненасильственным" — династии Хань.

На смену этой дилемме при маньчжурах, несмотря на весь их истовый традиционализм, стала понемногу выдвигаться другая: засилие пустословия в прошлом, маскировавшее реальные политические неудачи, противопоставлялось трезвому реализму настоящего, отводившему применению оружия надлежашую роль. Но все это, разумеется, в рамках конфуцианской традиции. Так, Цянь-лун писал по пово-

ду непальской камлани: "Покорять людей, не воюя, - это пустые слова, которыми прикрывались императоры династий Хань, Тан, Сун и Мин. И все прогневшие начетчики считали их истиной. Однако, именно в них и заключалась причина [внешнеполитических] неудач [Китая]" [4, цз. "Шоу 2", л. 156].

Модификация конфуцианской традиции во II половине XV в. была не столь сильной, чтобы поколебать ее основы. Они остались неизменными. По-прежнему считалось, что главным способом управления является воздействие на Поднебесную благой силы монарха, оружию же отводилась вспомогательная роль. Однако важность внешней экспансии возросла настолько, что некоторые безупречные, с конфуцианской точки зрения, положения ханьского историка показались цинскому историографу совершенно ошибочными, хотя единственным их недостатком было лишь то, что ханьский догматический утопизм существенно отличался от цинского, что и обнаруживается при конкретном анализе "Трактата о наказаниях".

3. В трактате Бань Гу тема применения оружия вводится после краткого общесоциологического вступления о причинах возникновения коллективной жизни людей, появления у них политической организации, о принятии на себя носителями власти роли "родителей народа" и о выработке ими различных способов поддержания стабильного состояния общества. Применение оружия приходит в этот контекст в качестве акта, предваряющего нормальную социальную жизнь, в качестве борьбы с хаосом во имя привнесения в мир порядка и потому подается в ореоле мифологической традиции.

Для Бань Гу "военная история" начинается с битвы Хуан-ди - основателя китайской цивилизации - с императором Янь-ди, символизировавшим стихию огня. Также посредством применения оружия обрели Поднебесную династии Инь и Чжоу [2, с.1081]. И хотя о приходе к власти дома Хань говорится менее определенно - Гао-цзю получил Поднебесную, "сочетая просвещенность и воинственность" [2, с.1090], - за всеми мифологическими и историческими прецедентами привнесения порядка в мир явно просматривается именно ханьский реальный исторический опыт прихода к власти в результате применения оружия.

После установления мира в Поднебесной на авансцену выходят ненасильственные методы управления - "вань дэ", то есть, "просвещенность и благая сила дэ" монарха [2, с.1081, с.1091]. Оружию же теперь отводится вспомогательная роль [2, с.1091], где оно и обретает свое функциональное единство с наказаниями,

рвняясь от них лишь сферой применения: "Битье палками не может прекратиться в семье, наказания [через нанесение увечья] не могут прекратиться в государстве, карательные походы не могут прекратиться в Поднебесной" [2, с. 1091]. Цели и методы применения оружия определены его главной функцией - поддержанием порядка: "Оружие - это то, с помощью чего поддерживается гибнущее и продолжается прерывающееся, [с помощью чего] спасаются от беспорядков и устраняют вред" [2, с. 1089]. Поэтому оно не должно утрачивать своей связи с гуманностью и долгом [2, с. 1086]. Когда "при взятии города город переполнен трупами, а при захвате земли поля устланы погибшими" [2, с. 1089], - это пример неправильного использования оружия. Идеалом является противоположный полюс: "Искусно владеющему армией [не приходится даже] выстраивать ее в боевой порядок, а искусно выстраивающему [армию] в боевой порядок [не приходится] давать сражений" [2, с. 1088].

4. Таким образом, существенным для Бань Гу являлся лишь внутренний аспект применения оружия, внешний аспект - либо вообще оказывается вне пределов его внимания, либо рассматривается просто как продолжение внутреннего. В связи с этим оружию отводилась лишь роль инструмента наведения порядка, главного инструмента - на первом этапе, но второстепенного - на последующих. Этим объясняется показавшееся Ван Мин-шэну ошибочным расположение материала: в начале - об оружии, а затем - о наказаниях. Объединение оружия и наказаний в рамках одного трактата, таким образом, было, с точки зрения Бань Гу, не только естественным, основанным на функциональном единстве, но и должно было подчеркнуть убежденность историка в том, что династия Хань установила в Поднебесной прочный порядок и что оружие отныне никогда уже не будет выполнять роль, отличную от системы наказаний. Он мечтал об "оружии покоящегося" [2, с. 1091], как это было во времена "трех династий". Поэтому конкретному описанию военного дела при Хань не нашлось места в его трактате. И это также не было ошибкой историка, как полагал Ван Мин-шэн.

5. Бань Гу был одним из наиболее ярких представителей ханьского конфуцианства, воссоздавшего и систематизировавшего античные традиции. Его "История династии Хань" стала образцом для династийных историй. И, несмотря на критику Ван Мин-шэна, то же можно сказать и о его доктрине применения оружия. Несмотря на некоторую деформацию при маньчжурах, она дожила вплоть до нового

времени, сохранив все свои самые существенные черты: отождествление Китая с миром вообще и пренебрежение к внешнему миру, в связи с чем оружие рассматривалось преимущественно как средство "управления", даже тогда, когда речь шла о явной экспансии вовне. В результате, находясь в плену конфуцианской традиции, китайское государство вплоть до нового времени не знало внешней политики как особого вида государственной деятельности и не выработало доктрины войны как особого межгосударственного состояния. В подобном развитии политической мысли императорского Китая сыграло свою, и весьма существенную, роль ханьское конфуцианство, и в частности, один из его корифеев - историк Бань Гу.

¹ Ю.Л. Кроль, Сыма Цянь - историк. М, 1970.

² Бань Гу, Хань шу (История династии Хань). Пекин, 1964.

³ Ван Мин-шэн, Ши ци ши шан цзе (Критические заметки к тексту 17 династийных историй). Пекин, 1959.

⁴ Цинь дин ко эр ка цзи люе (По высочайшему соизволению напечатанное собрание документов о войне с Непалом). Кс. (б.м.), 1795(?).

Ю.Д. Михайлова

О РЕСПУБЛИКАНСКИХ ИДЕЯХ В "ДВИЖЕНИИ ЗА СВОБОДУ И НАРОДНЫЕ ПРАВА" В ЯПОНИИ (1870-80-е гг.)

При изучении конституционных воззрений участников "движения за свободу и народные права" встает вопрос о том, были ли они республиканцами или сторонниками конституционной монархии. Этот вопрос имеет особую значимость для выяснения демократических традиций японского народа, поскольку КПЯ и прогрессивные японские ученые рассматривают "движение за свободу и народные права" как первое демократическое движение в стране.

Если мы обратимся к проектам конституции, составленным участниками движения, то увидим, что ни в одном из них не говорилось об упразднении власти императора. Сторонники "свободы и прав народа" считали, что в Японии должна быть создана "система совместного управления монарха и народа", то есть конституцион-

ния монархия. Выдвигая требование создания парламента, они хотели ограничить власть бюрократического правительства, почти все посты в котором занимали представители княжеств Сацума и Тёсю. Участники движения при этом наивно полагали, что парламентарная система станет "основой для счастья и благоденствия императорского дома и народа".¹

Однако нельзя сказать, что антимонархические идеи вовсе отсутствовали в Японии в 1870-80-е гг.

Известно, что участники движения были приверженцами теории естественных прав человека и народного суверенитета. Сама по себе эта теория предполагала возможность критического отношения к официальной концепции Мэйдзийского правительства, согласно которой основателем японской империи и родоначальником правящей династии был божественный император Дзимму. Соответственно, все последующие императоры считались потомками богов. Признание божественного происхождения монархической власти в Японии приводило к утверждению вечности и незыблемости государственного строя страны.

Опубликованные японскими учеными после Второй мировой войны записи полицейской охранки, а также дневники и письма радикально настроенных участников движения показывают, что среди них была довольно распространена точка зрения, согласно которой в основе возникновения монархической власти лежало подавление естественной свободы и равенства людей. Так, идеолог радикального крыла движения Уэки Эмори считал, что в древности монарх был просто главой наиболее знатной и богатой фамилии, но постепенно с помощью силы подчинил себе другие семьи и присвоил титул "небесный".²

Редактор местной газеты в префектуре Сидзуока, Маэдзима Тоётаро, выступая с речью на митинге в защиту идей "свободы и прав народа", сравнил императора Дзимму с Хатисука Кэроку (полководец XVI в., известный своими захватническими войнами, по преданию, был родом из разбойничьей шайки) и обвинил его в том, что он "сидой захватил Японию и стал правителем украденной страны".³

Участнику движения из г. Киото Оба Нариаки принадлежит высказывание о том, что "император Дзимму покорила японцев силой оружия, своевольно взомел на престол... Другими словами, он крупный вор и разбойник, - заявил Оба, - вся подлая компания от министров и советников до мелких чиновников - грабители страны".⁴

Японский ученый Исии Такэси приводит слова неизвестного сторонника "свободы и прав народа" из Кумамото: "Если не снять с гречихи шелуху, она не пригодна в пищу. Если не уничтожить императора, невозможно обеспечить свободу народа" (по-японски, игра слов: шелуха гречихи в форме треугольника - мицу-но кадо, микадо - японское название императора).⁵

Авторы этих высказываний, как видно, выступали не только против власти бюрократического правительства, но и против императора, хотя форма выражения их протеста была несколько грубой и примитивной.

Об антимонархических настроениях участников движения говорит и их восторженное отношение к казни монархов Европы - Людовика XVI и Карла I, и к убийству русскими народниками Александра II. При этом подчеркивалось, что причиной их гибели была "проводимая ими политика угнетения народа" и делался вывод, что "в любой стране, где народ поработен, может возникнуть организация, ставящая своей целью свержение монарха".⁶

Имеются данные, которые свидетельствуют о том, что участники движения считали республику идеальной формой правления. Так, в опубликованной в 1877 г. работе Кодзима Сёдзи "Проблема народных прав" говорилось, что "из трех политических систем - абсолютистской, конституционно-монархической и республиканской - нет системы лучше республиканской. Ибо только республика соответствует природной справедливости".⁷ Вместе с тем как насущную задачу деятельности участников движения Кодзима рассматривал создание конституционной монархии, основывающейся на учреждении избираемой народом палаты.

В начале 1880-х гг. появился ряд переводов работ западно-европейских авторов, в которых содержалась критика конституционной монархии. Наиболее известным был перевод сочинения Ж.Неккера "Принципы республики", сделанный активным деятелем радикального крыла Окуномия Такэюки. В работе доказывалось, что республиканское правление является более разумным, чем конституционная монархия, так как существование монарха приводит к лишней трате государственных денег, невыгодно обществу в экономическом отношении и, следовательно, препятствует социальному прогрессу.⁸

Спрашивается, почему радикально настроенные идеологи движения не выдвигали в те годы требования создания в Японии республики.

По мнению идеологов движения, "вводить республиканскую систему в стране можно лишь в том случае, когда весь народ ее действительно желает". Они же не считали, что общественное сознание японцев ("интеллект народа") дошло в своем развитии до понимания необходимости создания республики.

Однако взгляды самих идеологов явились в определенной степени отражением этого общественного сознания. Сторонники "свободы и прав народа" были полны конституционных иллюзий, возлагали большие надежды на предстоящее открытие парламента. Их глубоким убеждением была идея постепенной эволюции общества "от деспотии [т.е. монархии] к конституции, от конституции к демократии [т.е. республике]"¹⁰. Они считали, что между деспотией и республикой должна быть промежуточная стадия в виде конституционной монархии, которая и была, по их мнению, приемлемой для Японии 1870-80-х гг. Поэтому критика божественного происхождения императорской власти не была доведена ими до логического конца - полного отрицания монархии и утверждения республики. Таким образом, можно говорить лишь о зарождении республиканских идей у отдельных представителей радикального крыла "движения за свободу и народные права" в Японии в 1870-80-е гг.

¹ Ои Кэнтаро, Дэию рякурон (Кратко о свободе), "Мэйдзи бунгаку дзэнси" (Полное собрание литературы периода Мэйдзи), т.12, Токио, 1978, с.81.

² Уэки Эмори, Сэйгаку Сёрон (Введение в политические науки), цит. по: Иэнага Сабуро, Уэки Эмори кэнкю (Изучение Уэки Эмори), Токио, 1960, с.326.

³ Сообщения полиции префектуры Сидзуока от 12 октября 1881 г., см.: Кониси Сиро, Дэию Минкэн ундо-то кёвасэйрон, тэннорон (Движение за свободу и народные права, теории республиканизма и тенноизма), "Нихон рэкиси", 1956, № 100, с.95.

⁴ См.: Иэнага Сабуро, Уэки Эмори кэнкю, с.333.

⁵ Исии Такаси, Дэию минкэн ундо-то кёвасэй сисо (Движение за свободу и народные права и республиканские идеи), "Рэкиси гаку кэнкю", 1960, № 239, с.25).

⁶ Оки Сатаро, Тоё-но кёмуто (Сторонники нигилизма на Востоке), "Кинко синси", март 1882 г., цит. по: Кониси Сиро, Дэию минкэн ундо-то кёвасэйрон, тэннорон, с.95-96.

7 Кодзима Сёдзи, Минкэн мондай (Проблема народных прав), 1877, "Мэйдзи бунка дзэнсю" (Собрание сочинений по культуре периода Мэйдзи), т.2, Токио, 1955, с.159-160.

8 Иэнага Сабуро, Уэки Эмори кэнкю, стр. 334-335.

9 Уэки Эмори, Мутэн дзэцу року (Записки о ненужности императора), запись от 21 января 1880 г., цит. по: Иэнага Сабуро, Уэки Эмори кэнкю, с.326.

10 Накаэ Тёмия, Сансуйдзин кэйрин мондай (Беседа трех подвыпивших о государственном управлении), 1887, цит. по: "Современные японские мыслители", М., 1958, с.103.

Ю.А.Петросян

АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ ТУРЕЦКИХ БУРЖУАЗНО-ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМАТОРОВ СЕРЕДИНЫ XIX - НАЧАЛА XX вв.

В середине XIX века, когда стали вырисовываться реальные перспективы превращения Османской империи в полуколонию европейских империалистических держав, в воззрениях ряда представителей буржуазно-либеральных реформаторских идейных течений стали проявляться первые признаки зарождения антиимпериалистических идей и тенденций.

Опасность подчинения Османской империи иностранному влиянию сознавали уже первые турецкие реформаторы эпохи танзимата. Сложность ситуации состояла в том, что само по себе реформаторское движение в период танзимата было, в основном, построено на изучении и использовании европейского опыта в экономике и культурной жизни. Поэтому турецкие реформаторы эпохи танзимата весьма осторожно подходили к проблеме пагубного для будущего страны экономического и политического влияния европейских держав. С другой стороны, лидер турецких реформаторов этого периода Решид паша и его единомышленники, стремясь к обеспечению экономического прогресса своей страны, были, как правило, бессильны в проведении проекционистской политики, будучи связаны не только вековыми

традициями системы капитуляций, но и торговыми договорами Османской империи с крупнейшими капиталистическими державами.¹

В 60-70 гг. XIX века, когда носителями реформаторских идей стала молодая турецкая разночинная интеллигенция, когда реформаторское движение обрело буржуазно-либеральный облик и тенденции, идеи противодействия иностранному контролю и влиянию стали звучать более осознанно и требовательно. И в этот период, конечно, антиимпериалистические идеи не носили у идеологов движения скольнибудь обобщающий характер. Дело не шло дальше общих высказываний о невыгодных для Турции внешних займах, особо льготных условиях представляемых султанским правительством иностранным предпринимателям, недовольства вмешательством европейских держав и их представителей в столице Османской империи в ее внутренние дела,

Так, идеологи первых турецких конституционалистов Намык Кемаль и Зия прямо писали о том, что одной из причин отсталости страны является иностранная конкуренция. Кемаль писал в газете "новых османов" "Хурриет" ("Свобода"): "В то время как с импортных товаров взималась таможенная пошлина в размере 5%, с товаров внутреннего производства взималось 8%, — словно специально задались целью разрушить нашу промышленность"². Против засилья иностранного капитала в экономике страны резко выступал и другой идеолог "новых османов" Али Суави. В издававшейся им газете "Мухбир" ("Корреспондент") он, в частности, резко критиковал финансовую политику правительства, выступал против предоставляемых иностранцам концессий, строительства ими железных дорог на невыгодных для Турции условиях, создания иностранных банков и компаний.³ Идеологи "новых османов", отражая интересы нарождавшейся турецкой буржуазии, весьма решительно выступали на страницах издававшихся ими в эмиграции газет за ликвидацию капитуляционных привилегий иностранцев, за пересмотр неравноправных для Османской империи торговых договоров с европейскими державами. Примечательно, с какой резкостью пресса "новых османов" выступила против права иностранных подданных владеть землей в пределах Османской империи (такое право было им предоставлено в 1867 году). По этому поводу газета "Хурриет" писала, что подобное решение означало для экономически слабой страны откровенное пренебрежение интересами развития своей собственной промышленности, сельского хозяйства и торговли.⁴

В идейных воззрениях наследников "новых османов" — младотурок конца XIX — начала XX вв. тема о необходимости избавить Османскую империю от экономической и политической зависимости от европейских держав звучала еще четче. Уже на страницах стамбульского периода издания газеты "Мизан" ("Весы") ее издатель, позднее один из лидеров младотурецкой эмиграции Мизанджи Мурад-бей публиковал статьи, в которых говорилось о необходимости прекратить вмешательство европейских держав во внутренние дела страны, высказывался протест против капитуляций и прочих привилегий иностранцев в Турции.⁵ Во многих номерах эмигрантского издания этой газеты печатались статьи, направленные против экономического засилья иностранных купцов, против политического вмешательства иностранных держав во внутренние дела Османской империи.⁶ Один из лидеров младотурок в эмиграции известный публицист Ахмед Риза писал в издававшейся им в Париже газете "Мешверет" ("Обсуждение"): "Мы считаем не только хозяйничание иностранцев внутри страны, но даже их вмешательство в наши дела извне позором для чести и достоинства нации".⁷ Ахмед Риза на страницах указанной газеты протестовал против вмешательства иностранных держав в решение острых национальных проблем страны, подчеркивая, что это вмешательство преследует цель обеспечить корыстные экономические или политические интересы европейских держав. На страницах "Мешверет" с острыми статьями на эти темы выступал другой видный деятель младотурецкой эмиграции Халиль Ганем. Он резко выступал против экономической и политической зависимости Османской империи от империалистических держав, обвинял султана Абдул Хамида в том, что его политика превратила честь подданных Османской империи в игрушку в руках иностранцев.⁸ В одном из программных документов младотурок, относящемся к 1897 году, утверждалось, что восстановление конституционного режима, обеспечив свободу всем подданным империи, "...освободит страну от постоянного вмешательства иностранных держав, сохранит национальные богатства, расхищаемые в виде разных концессий, и даст возможность свободного развития родной промышленности".⁹

Антиимпериалистические идеи звучали и со страниц других изданий младотурок в эмиграции. Так, газета "Османлы" ("Османец") призывала в одной из опубликованных в ней статей понять, что вмешиваясь во внутренние дела Османской империи, европейские державы используют это вмешательство для обеспечения своих корыстных интересов. На страницах этой газеты выражался протест против

условий заключаемых Османской империей внешних займов; газета выступала против кабальных для страны условий "километрических гарантий". "Османцы" отрицательно оценивала факты проникновения немецких советников в турецкую армию.

Пожалуй, наиболее определенно антиимпериалистические идеи были сформулированы в программном номере одной из наиболее значительных газет младотурок "Шура-и уммет" ("Совет общины"), где идеи противодействия экономическому и политическому давлению со стороны европейских держав были поставлены в один ряд с требованиями о восстановлении конституции 1876 года, созыве парламента, пропаганде идей османизма. Во многих статьях и книгах, написанных в конце XIX - начале XX века видными идеологами младотурецкого движения, мысль о необходимости защитить Османскую империю от иностранного вмешательства в ее внутренние дела звучала весьма сильно.

Оценивая эти факты, следует, конечно, иметь в виду, что подобные требования были также связаны с неуклонным стремлением младотурок обеспечить территориальную целостность страны и, объективно, были направлены против национально-освободительных движений нетурецких народов империи. Это было естественно для молодой турецкой национальной буржуазии, идеологами которой стали лидеры младотурок, ибо он вытекал из двойственности положения этой буржуазии - принадлежа к господствующему народу империи, она в то же время сама постоянно испытывала гнет феодального абсолютизма и иностранного капитала¹².

Необходимо упомянуть также и о том, что антиимпериалистические идеи соседствовали во взглядах многих идеологов младотурок с идеями "западничества", т.е. изучения и применения в конкретных условиях Османской империи опыта развитых капиталистических западных держав в области государственного управления, экономического и культурного развития.¹³ В одном из программных документов младотурок 1902 г. говорилось: "Мы идем по дороге, по которой шла сама Европа, и даже в нашем нежелании допускать вмешательство иностранцев мы вдохновляемся патриотическими решениями, которые принимали европейские народы, гордые своей независимостью".¹⁴

Таким образом, можно констатировать, что антиимпериалистические идеи и тенденции занимали в системе взглядов турецких реформаторов эпохи нового времени заметное место. Нельзя, разумеется утверждать, что эти идеи входили в число важнейших про-

граммных установок на всех этапах развития реформаторского движения. Но очевидно, что многие деятели реформаторского движения постепенно приходили к выводу о необходимости обеспечить независимое экономическое и политическое положение и развитие своей страны. Наиболее четко антиимпериалистические идеи и тенденции формулировались идеологами младотурецкого движения конца XIX – начала XX вв., когда идеи противодействия европейскому политическому и экономическому влиянию находят место в важнейших программных документах младотурок.

В конечном счете взгляды и высказывания турецких буржуазно-либеральных реформаторов середины XIX – начала XX вв. стали значительной вехой на пути формирования антиимпериалистических идей и концепций, проявивших себя как в подготовке первой буржуазной революции 1908 года, так и особенно ярко в идеологии турецкой национальной буржуазии периода национально-освободительной борьбы 1918–1928 гг.

¹ А.Д.Новичев, История Турции, III, Новое время, ч.П, (1839–1858). Изд. ЛГУ, 1978, с.159. Исключением, на наш взгляд, для этого периода представляется англо-турецкий договор 1838 года – См. об этом: Н.А.Дулина, Англо-турецкий договор 1838 года и его влияние на экономическое развитие Османской империи, ("Народы Азии и Африки", 1976, № 3, с.69–80).

² "Hurriyet", 31.VIII, 1868, с.1.

³ "Muhbir" , 5.X, 2.XI.1867, цит. по: А.Д.Желтяков, Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции, М., 1972, с.106–107.

⁴ "Hürriyet", 16.XI.1968.

⁵ А.Д.Желтяков, ук.соч., с.244.

⁶ Mardin, S. Jön türklerin siyasi fikirleri, Ankara, 1964, s. 73.

⁷ Цит. по: там же, с.140.

⁸ Там же, с.142.

⁹ Цит. по: А.А.Алимов, Революция 1908 г. в Турции, – в сб. "Пробуждение Азии", ОГИЗ, 1935, с.20.

¹⁰ А.Д.Желтяков, ук.соч., с.262–263.

II Bayur, Y.H., Türk inkilâbî tarihi, cilt I, kısım 1, Ankara, 1963, s.252.

I2 Подробнее об этом см.: Ю.А.Петросян "Младотурецкое движение", М., 1975, с.271.

I3 См. об этом подробнее: М.Н.Тодорова "Европеизация Османской империи (постановка проблемы и ее освещение в современной западной и турецкой историографии)", "Народы Азии и Африки", 1977, № 2, с.204-211. См. также: Yuri Petrosian, Die Ideen "Der Europäisierung" in dem sozialpolitischen Leben des Osmanischen Reiches in der Neuzeit (Ende des 18 - Anfang des 20 Jh.), in "La revolution industrielle dans le Sud-Est Europeen - XIX", Sofia, /1977/, p.61-75.

I4 Цит. по: А.А.Алимов, ук.соч., с.22.

Т.П.Селиванова

ОБ ОДНОЙ ФОРМЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В КАШМИРЕ

Общинники в Индии с древних времен были обязаны принудительным трудом государству или непосредственному господину. В домусульманском Кашмире принудительный труд назывался рудхабхародхи, а позже кар-бегар и бегар. Первые упоминания о рудхабхародхи (rūḍhabhāroḍhi - "переноска грузов") содержатся в "Раджатарангини" Калханы (XII в.)¹. Автор этой поэмы-хроники приписывает введение системы рудхабхародхи царю Шамкараварману (883-902): "Он оштрафовал крестьян, не приходивших переносить грузы в течение года, на стоимость этого груза по ценам той области. На следующий год он оштрафовал всех безвинных крестьян в каждой деревне на стоимость груза из того же расчета. Так впервые им была введена эта переноска грузов (rūḍhabhāroḍhi), которая была 13-ти видов, - предвестник бедности деревень" (У.172-174).

Не вызывает сомнения то, что практика рудхабародхи существовала в Кашмире задолго до IX в. По Кашмиру через горные проходы в Гималаях шли торговые пути. Горные тропы здесь недоступны вычным животным, и только человек в состоянии пройти по ним с грузом. Географические условия веками определяли неизменную форму принудительного труда. Возможно, что в IX в. принудительные работы были систематизированы и разделены на 13 видов, подробности о которых нам неизвестны. Размер наложенного штрафа, равный стоимости грузов, о котором говорится в приведенном примере, не позволяет считать его денежной компенсацией натуральной повинности.

Следующее упоминание рудхабародхи относится к XI в. В правление царя Харши у храма Бхимакешава были отобраны богатства, и члены паришада (храмового совета брахманов) применили испытательное средство давления - голодовку. В результате они "принудили царя даровать в качестве компенсации освобождение от переноски грузов (*rūḍhabhārodhi*)" (УП.1088). Это важное свидетельство позволяет заключить, что крестьяне, работавшие на храмовых землях, обязаны были нести государственную трудовую повинность. Следовательно, храмовые земли вопреки обычаю не были полностью "обремененным" владением.

Третье упоминание этой системы связано с военной кампанией царя Джаясимхи (XII в.) против претендента на трон Лотханы. Войско царя расположилось лагерем в специально срубленных строениях на р. Магхумати. Стоянка напоминала город и в изобилии снабжалась всем необходимым в течение трех-четырёх месяцев. "Но хотя опасность была предотвращена, как только возникла, вопли деревенских жителей, принуждаемых к переноске грузов (*bhārodhi*), были похожи на искупительные возлияния" (УШ.2513). А.Стейн в примечании к этому месту поясняет, что лагерь находился в долине, окруженной лесистыми горами, вдали от источников снабжения. Следовательно, речь в данном случае идет о крестьянах, которым пришлось оставить свое хозяйство и обеспечивать в течение нескольких месяцев необходимыми припасами войско царя. Непосредственно за этим Калхана сообщает о мятеже дамаров и добавляет: "Везде в деревнях крестьяне оставили свои поля, а брахманы - чтение вед, и взялись за оружие, готовые к восстанию" (УШ.2518). Не было ли волнение крестьян вызвано этой тяжелой повинностью?

В конце XVI в., вскоре после присоединения к своей империи Кашмира император Акбар распорядился об отмене бегара. К этому времени относится надпись на стене форта Хари Парбат в Шринагере: "Здесь никто не исполнял бегара, все сполна получили [плату] из государственной казны".² По-видимому, эта реформа Акбара означала не отмену принудительного труда, а введение платы занятым на таких работах крестьянам. Возможно, эта система действовала в течение всего правления Моголов в Кашмире, поскольку еще один пример платы за принудительный труд в правление Аурангзеба (1658-1707) дает французский врач и путешественник Ф.Бернье, описывая поездку императора в Кашмир в 1665 г. Для переноски багажа императора, его свиты и сопровождавших его торговцев требовалось несколько десятков тысяч носильщиков. "Часть их явилась по принуждению, повинаясь приказу губернатора Кашмира и окрестных раджей, а другие пришли из деревень по собственному почину, чтобы что-нибудь заработать, ибо по распоряжению государя им полагается платить по 10 эку за сто фунтов груза".³ Правда, из приведенного примера не ясно, была ли плата носильщикам единовременной, связанной с обслуживанием необычайно большого императорского каравана, или это являлось постояннодействующим правилом. Однако, в любом случае система принудительного труда открывала чиновникам широкие возможности для злоупотребления ею.

Еще одну попытку упорядочить систему принудительного труда предпринял махараджа Гуляб Сингх в нач. XIX в., когда в Кашмире создалось исключительно тяжелое экономическое положение. Каждой деревне было предписано выделить определенное число человек, обязанных выполнять работы по требованию властей. За это им назначалась плата один кхарвар риса в месяц и питание во время работы, те из них, кто не использовался на работах в течение года, получали только 6 кхарваров риса в год. Специальный чиновник должен был следить за этим.⁴ Заметим, что в сходных условиях Непала еще в V-VI вв. была введена подобная система выделения определенного числа носильщиков от населенного пункта.⁵ Невозможно, однако, допустить, чтобы плата за этот труд могла в серьезной степени компенсировать отрыв от сельскохозяйственных работ большей части крестьянства. К тому же хорошо известно, что в конце XIX в., например, государство полностью устранилось от оплаты за труд носильщиков, и не существовало никакой регламентации этого труда.

Подробное и эмоциональное описание бегара в Кашмире в это время оставил английский чиновник В. Лоуренс.⁶ От бегара было освобождено население столицы и различных привилегированных групп, тяжесть его полностью ложилась на крестьян, особенно на жителей ближайших к столице деревень. Взятками можно было откупиться от этих работ, и чиновники видели здесь возможность наживы. Запросы на носильщиков поступали как от государства, так и от частных лиц, причем только от последних носильщики получали небольшую плату — 4 ана в день. Особенно трагично было положение крестьян, посылаемых с грузами в Гилгит: это означало иногда двух-трехмесячное путешествие, из которого не все возвращались. Лоуренс приводит свидетельство доктора А. Нива, медицинскую миссию которого во время эпидемии холеры сопровождало более 5 тыс. носильщиков: они сотнями умирали во время этого трудного марша. Не удивительно, что при эксплуатации такого масштаба сельское хозяйство страны терпело большой ущерб.

Строительство дорог, доступных гужевому транспорту, было единственным выходом из создавшегося положения. Одним из главных событий в Кашмире конца прошлого века явилась постройка дороги в Гилгит.

Под влиянием географических условий, а также в результате потребностей торговли и военной необходимости при отсутствии свободных рабочих рук в Кашмире веками сохранялась специфическая для горного района форма принудительного труда — принудительная переноска грузов. Нигде в Индии принудительный труд не был так тяжел и разорителен, как в Кашмире, где он был официально отменен лишь в 1933 г. Принудительный неоплачиваемый труд является существенной чертой феодальной эксплуатации зависимого крестьянства, и его изучение имеет важное значение для характеристики феодальных отношений.

¹ Kalhana's Rajatarangini, ed. M.A. Stein, v.1 (Sanskrit text), Bombay, 1892, v.2 (English translation), Westminster, 1900.

² Цит. по: R.K. Parmu, A history of muslim rule in Kashmir, Delhi, 1969, p.289, n.31.

³ Ф. Бернье, История последних политических переворотов в государстве Великого Могола, М., 1936, с. 317.

⁴ K.M. Panikkar, The founding of the Kashmir state, L., 1930, p.136.

⁵ U.N.Ghoshal, Contributions to the history of the hindu revenue sistem, Calcutta, 1929, p.233.

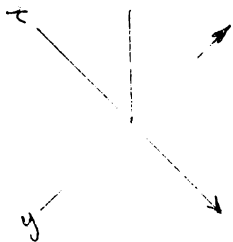
⁶ W.R.Lawrence, The valley of Kashmir, L., 1895, p.411-415.

В.С.Спирин

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА ПОНЯТИЯ "ПРЯМАЯ ВЕРТИКАЛЬ" (ЧЖИ) В "ЛУНЬЮЕ"

Весьма интересен вопрос о принципах работы той умственной лаборатории, в которой были выработаны положения "Луньюе". Предлагаемый ниже анализ ряда фактов, возможно, облегчит поиски путей к решению этой проблемы.

Рассмотрим понятие "чжи" (直). Это слово, прежде всего, значит "прямое и вертикальное". Часто его переводят, подчеркивая лишь его эквивалентность моральным понятиям: "прямота", "откровенность", "стойкость". Представляется, однако, что забыть первичное образно-пространственное значение нельзя, так как оно органически входит в пространственную структуру, соответствующую уже не непосредственно образному, а опосредованному, явно понятийному мышлению. Под "чжи" в "Луньюе" иногда имеется в виду "чжи дао" - прямой вертикальный график. Сместив на 45° обычную для нас систему координат, мы получим следующий чертеж, объясняющий ряд высказываний относительно "чжи".

Вертикальная линия здесь представляет "чжи" или "чжи дао". Как график эта линия указывает на убывающую функцию. В отрывке 5·24^I выражением "прямая вертикаль (чжи) постепенно растущего вверх" описывается тот факт, что некто берет что-то у одного (x убывает) и отдает другому

(y растет). В отрывке 15·25 отношение между "я" и "(другой) человек" характеризуется тем, что кто-то "превозносится" и кто-то "унижается". Это связывается с действием "прямого вертикального графика" (чжи дао).

В отрывке 13·18 констатируется, что имеется "наклон прямой вертикали" (чжигун). Этому соответствует следующая ситуация. Отец украл барана (x увеличивается), а сын донес на него (y не растёт). Это обратная пропорция. Линия этой пропорции, вероятно, проходит не вертикально, а с наклоном. Конфуций говорит, что "прямая вертикаль" (чжи), которая присуща его последователям, "отлична от этого". Формулировка Конфуция следующая: "отец (x) действует (+) - сын (y) в тени (-); сын (y) действует (+) - отец (x) в тени (-). Прямая вертикаль (чжи) находится в середине (чжун) этого". Таким образом получается, что конфуциева линия "прямой вертикали" проходит в середине районов ($+x -y$) и ($-x +y$). Здесь дано довольно точное определение местоположения прямолинейного графика убывающей функции $x+y = c$, при $c = 0$. В отрывке 18·22 Конфуций формулирует положение: "Выдвинув прямо (чжи) против кривизны, можно кривизну привести к прямоте (чжи)". Цзы-ся поясняет это положение тем, что "выдвигаются" достойные люди, а "удаляются" "не человеческие". Здесь опять обратная пропорция. В отрывке 16·4 есть противопоставление "прямой вертикали" (чжи) и "горизонтальности" (би). Первая связывается со сложением, а вторая с вычитанием. Если иметь в виду операции $x + y = c$ и $x - y = c$, то ясно, что здесь также имеются в виду графики соответствующих функций.

На основании слов Мань Гоу-дэ в "Чжуан-цзы" мы можем констатировать следующее. Понятие "чжи" связывается с системой координат (обозначается терминами "границы неба", "четыре страны света"). При этом "чжи" не считается постоянно однозначной характеристикой. Ее смысл меняется в соответствии со сменой времен года или в согласии с "колебанием Графика (дао)"². Это значит, что возможны измененные направления осей координат. Такая смена состояний, соответствуя смене четырех времен года, будет неизбежно связана с "колебанием Графика (дао)". В частности, прямая вертикальная линия будет менять свое значение: она будет означать то возрастающую, то убывающую функцию. Весь процесс будет строго закономерным. Все эти соображения имеют отношение к "Дуньюю". В отрывке 18·2 говорится, что действующий по принципу "чжи" Лю Ся-хуй трижды отходил от дел. Это значит, что "прямая вертикаль" сохраняет свое первичное значение лишь в одной из четырех возможных ситуаций, определенных циклом, подобным годичному.

Вообще говоря, при таком подходе те или иные действия, начаемые какой-либо пространственной чертой, меняют свое значение в соответствии с изменением ситуации. В каждом конкретном случае они должны приобретать особую форму, пригодную для данной ситуации. Эта форма является "правилом поведения" (禮). Это относится и к действиям, проходящим по принципу "вертикаль-прямой". Поэтому в отрывке 8·2 отмечается, что "вертикальная мая" без "правил поведения" превращается в "удушающие пути". Избегания последнего предлагается "учиться" (сюэ).

Не случайно в состав иероглифа "сюэ" входит элемент, графически близкий иероглифу 興. Он, означая соединение, может указывать на отношение вообще. "Сюэ", скорее всего, означает усвоение отношений, содержащихся в словесных выражениях. Эти отношения, однако, могут быть представлены и графическим способом, как это наблюдается в случае с понятием "чжи". Поэтому "учение" (сюэ) ни в коем случае не исключает построения и понимание зрительно воспринимаемых образов. В отрывке I·7 способность к "зрительным образам непосредственных отношений" (исэ) принимается за основание для характеристики соответствующего человека как "научившегося".

В отрывке I8·20 определяя "достигшего предела знаний" (дождо), учитель отмечает, что он "всматриваясь в изречения (янь) постигает (умом) зрительные образы" (сэ). Настойчивое желание соотносить словесные выражения со зрительными образами проявляется в повторении оборота: "искусное изречение вызывает зрительный образ" (цяоянь линсэ). При этом в отрывках 5·25 и I7·I7 этот оборот относится к положениям о "чжи". Глубокий смысл имеет и явное соотношение "зрительных образов" (сэ), с "изречениями" (янь) или "суммирующими рассуждениями" (лунь) в отрывках I4·8, I4·37 и др. Здесь мы, вероятно, имеем дело с выделением взаимодействия аналитических и синтетических элементов в процессе разумного познания.

Создание и понимание соответствующих зрительных образов было для учеников делом довольно трудным. Учитель дважды сетует на то, что "еще не встретил такого, который бы приверженность к Достижениям (дэ) сблизил бы с приверженностью к зрительным образам" (сэ)³. В отрывке 6·I2 Жань Цюй жалуется, что у него нехватает сил для построения "выводов (шо)" относительно "Графика (дао)". Учитель, пояснив, что в данном случае речь идет о "Графике, про-

ходящем через центр" (чжун дяо), дает решительный совет: "А ты нарисуй [его]".

Трудности в понимании зрительных образов часто оставались непреодоленными и в более поздние времена. Упомянутое ранее выражение "наклой прямой вертикали" уже в "Чжуан-цзы" предстает как имя собственное. Символика этого имени почти неуловима по тексту, а ее понимание полностью отсутствует в комментариях. Это же наблюдается в "Хань Фэй-цзы" и в "Люйши чуньцю". Такую интерпретацию современный исследователь Ян Шу-да распространяет и на Лунъюя⁴. Непонимание роли и смысла зрительных воспринимаемых структур было одним из источников вульгаризации китайской классики.

Приведенные сведения ни в коей мере не характеризуют особенность гносеологии лишь "Лунъюя". Этот источник лишь пропагандирует достижения науки своего времени. Ядро этих достижений заключается в нащупывании одной из главнейших черт продуктивного мышления - взаимодействия зрительных конфигураций со словесно-логическими выражениями. Эта черта является проявлением самой сути мыслительного акта, понимаемого как "непрерывный обратимый перевод психически отраженных отношений с символически-операторного языка на язык пространственно-временной структуры"⁵. Материал, на котором разрабатывались соответствующие проблемы мышления в классическом Китае, по основной идее очень близок к аналитической геометрии в ее примитивной и общей форме. Пример классического Китая еще раз демонстрирует огромную роль геометрии в формировании философского мировоззрения.

¹ Разбивку текста "Лунъюя" мы берем по книге: Ян Бо-цзюнь, "Лунъюй шичжю", Пекин, 1958, Перевод Ян Бо-цзюня далеко не всегда является основанием для наших утверждений.

² См. Чжунцзы цзичэн, т.3 . "Чжуан-цзы цзицзе", с.200.

³ См. отрывки 9-12, 15-13.

⁴ См. Ян Шу-да. "Лунъюй шучжэн". Пекин, 1955, с.233.

⁵ М.Л.Веккер. Психические процессы том 2. Мышление и интеллект. Ленинград, 1976, с.137.

ОБ ИДЕЙНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ДИСКРИМИНАЦИИ ЯПОНСКИХ ПАРИЕВ

Идейно-психологический аспект явления дискриминации все еще мало исследован. Особый интерес в этом плане представляет анализ истории японских париев (а в Японии на протяжении столетий существовали самые различные группы презираемых, сэмин, каварамоно, сандзё-но моно, онбо, кавата, эта, хинин и др.), ибо они, в отличие от многих дискриминируемых общностей в других странах, — в расовом, национальном и религиозном отношении составляли со всем остальным населением Японии единое органическое целое. Это обстоятельство дает возможность лучше понять роль идейно-психологического комплекса в функционировании механизма дискриминации.

Обычно утверждается, что японские парии — это кожевники, бойцы скота, сапожники и т. д., которых презирают и дискриминируют на основе буддийских догм "осквернения" смертью и кровью. В таком определении эти догмы выглядят основным источником возникновения в Японии явления дискриминации.

Но так ли это?

Низшие социальные группы, поставленные в особое положение дискриминируемого меньшинства, возникли в Японии задолго до широкого распространения в ней буддийских догм "осквернения" (IX-X вв.), которые часто рассматриваются источником явления. Уже в 7 в. (в результате реформ Тайка, проводившихся с 645 года) существовавшие тогда низшие социальные группы по китайскому образцу были выделены в особое объединение — сэмин ("подлых"), противопоставленных рёмин ("благородным"). Таким образом юридически была закреплена ранее существовавшая практика сегрегации какой-то части населения страны.

В определенной мере она была связана с идеей "осквернения", которая входила не только в буддизм, но и в свод синтоистских представлений. Однако эта идея тогда вовсе не совпадала с рамками сэмин. Так, представители этой социальной категории занимались самыми разными видами деятельности в ремесле и сельском хозяйстве, в основном "неоскверняющими". А убоим скота

и кожевным производством довольно широко занимались крестьяне и ремесленники из числа "благородных". Таким образом, презрение к самми определялось тогда скорее чисто социальными идеями и предрассудками. В Китае, откуда было заимствовано деление людей на самми и рёмин, к самми относилось все лично несвободное население страны.

В 9-10 вв., когда буддизм уже проник и в бытовое мировосприятие народа, в положении низших социальных групп произошли заметные перемены. На них (на так называемых каверамано, сандзё-но моно, цурумэсо и др.) постепенно наложилась идейная схема буддизма, что в гораздо большей степени придало им дух "оскверненности". Все виды занятий, считавшиеся теперь уже неоспоримо "грязными", правящие круги навязали именно самми. Однако и после 9-10 вв. "оскверненность" вовсе не совпала с рамками низших социальных групп. Прежде всего, потому что большинство париев по-прежнему не были связаны с "оскверняющими" занятиями и деяниями. А кроме того, эта идея "оскверненности" в какой-то мере (как правило, временно) распространялась и на представителей "простого народа", на "обычных" японцев. Например, на какой-то срок любого человека могли "осквернить" смерть близких, употребление в пищу мяса, участие в похоронах, а женщины - менструация и роды. Наконец, одна из основных групп париев - хинни - вообще почти не была связана с оскверняющими занятиями.

Следовательно, и буддийские догмы "осквернения" не совпали с какими-то определенными социальными границами и даже в восприятии средневековых японцев не были основным и единственным источником формирования явления дискриминации.

В идейно-психологический комплекс этого явления, наряду с представлениями об "оскверненности", вошли и другие идеи. Например, идея навлечения беды. В бытовом сознании "обычного" японца существовало убеждение, что равное общение с париями может навлечь на него или на его близких любую беду - пожар, травму, болезнь, неурожай и т.д. Но и эта идея связывалась не только с социальной "оскверненностью" и была шире рамок париев. Например, и "обычные" девушки, родившиеся в год лошади (по 12-летнему циклу), также считались источником разных бед и практически находились в положении изгоев, которых боялись и презирали.

Кроме того, в идейно-психологический комплекс дискриминации входило также и представление о париях, как об особых, даже в биологическом плане, существах. "Обычные" японцы верили, например, что у них меньшее число ребер, чем некоторые кости собачьи и т.д. А эти представления уже полностью совпадали с группами сэммин.

И наконец, в рассматриваемый нами комплекс входили также и суждения о нравственной, личностной неполноценности, обязательной порочности всех париев. О том, что для них всех якобы характерны какие-то обязательные отрицательные черты, которые (не менее, чем все остальное) и делают их дискриминацию неизбежной и вполне оправданной и естественной. Это такие черты, в частности, как нечистоплотность, лень, склонность к предательству, обману, воровству, агрессивность, трусость и т.д. Правда, и эти черты, естественно, даже для самого предубежденного японца не ограничивались рамками сэммин. Но для последних, в отличие от "обычных" членов общества, они считались генетически заданными, неизбежными и обязательными, составлявшими важный элемент их социальной субстанции.

Таким образом, явление дискриминации и оказалось немного долговечнее догм "осквернения" и "навлечения беды", которые, следовательно, не могут рассматриваться в качестве источника его формирования.

И.Ш.Шифман

К ИСТОРИИ ПУНИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В СВЕТЕ АНТИЧНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРЕДАНИЯ

Памятники финикийско-пунийской литературы до нас не дошли; некоторые из них известны либо по изложениям или упоминаниям в сочинениях поздних античных авторов (такие как перипл Гимилькона, повествование Санхониятона, труд по агрономии Магона), либо в греческих переложениях (перипл Ганнона). Во всех этих случаях пунийские тексты подвергались обработке, так что более или менее определенно можно судить только о содержании этих памятников в общем плане. То же самое можно сказать и о пунийских исторических

повествованиях, нашедших отражение в сочинениях Юстина (Домпея Трога), Дiodора, Саллюстия, Страбона и некоторых иных авторов. Сравнительное изучение античной историографии показало, что существовало несколько вариантов пунической исторической традиции (например, датирующие основание Карфагена 814 и 825 годами до н.э.). В нашем распоряжении имеются также памятники, позволяющие выявить изменения в трактовке отдельных сюжетов поздней пунической историографией под влиянием распространения в Северной Африке христианства.

Одним из важнейших источников по истории финикийской колонизации Северной Африки является сочинение Саллюстия "Югуртинская война" (19,1 и 78,1). Сведения Саллюстия восходят, по его собственным словам, к сочинениям пунических историков (Саллюст., 17,7). Саллюстий говорит об основании финикийцами Гиппона, Хадрумета и Лептиса, причем постройку последнего он приписывает сидонянам, изгнанным вследствие гражданских смут из родного города. Причинами финикийской колонизации Саллюстий вслед за своими источниками считает стремление уменьшить население метрополии, как у власти и стремление к новшествам, т.е. к радикальному общественному перевороту. Из изложения Саллюстия ясно, что пуническая историография объясняла финикийскую колонизацию обстоятельствами внутренней жизни городов азиатской Финикии, а не их конфликтами с соседними обществами.

Между тем, в сочинении Прокопия о войне с вандалами (2,10) имеется восходящее также к пуническим источникам предание о происхождении маврусиев (одна из этнических групп Северной Африки), связывающее это событие с библейским преданием об исходе из Египта. Согласно этой версии, маврусии (в сущности, пунийцы, поскольку они говорят по-финикийски) происходили от ханаанцев, якобы бежавших в Северную Африку от Иисуса Навина. В подтверждение своих слов Прокопий ссылается на надписи, якобы имевшиеся в Тигрисице и составленные на финикийском языке, где сказано: "мы - те, что бежали от разбойника Иисуса сына Навина" ἡμεῖς ἐσμὲν οἱ φυγόντες ἀπὸ προσώπου Ἰησοῦ τοῦ Ἀητοῦ υἱοῦ Ναυῆ. Оставляя в стороне едва ли разрешимый в настоящее время вопрос, существовала ли подобная надпись в действительности, заметим только, что семитизм ἀπὸ προσώπου определенно свидетельствует о финикийском происхождении информации Прокопия.

Так как обстоятельная библейская традиция о походах Иисуса Навина и завоевании Ханаана не сохранила каких-либо упоминаний о

богстве ханаанцев за море, можно, несмотря на всю опасность заключений такого рода, считать информацию Прокопия исторически достоверной. Ее возникновение легко объясняется распространением в Северной Африке вместе с христианством также и Библии. Североафриканские пунийцы называли себя ханаанцами, и на этой основе сложилась традиция, связывавшая их с библейскими ханаанцами; древнее пунийское предание оказалось забытым.

Подобное переосмысление исторической традиции под влиянием христианства не было изолированным явлением; в качестве параллели к занимающему нас явлению можно указать, например, на "Историю против язычников" Орозия, где была предпринята попытка обработать римскую историческую традицию в христианском духе.

М.Х.Абусеитова

О ТАШКЕНТСКОМ И ЛЕНИНГРАДСКОМ СПИСКАХ
"МУСАХХИР АЛ-БИЛАД"

В рукописном фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (шифр С465/574 agf) хранится рукопись сочинения "Мусаххир ал-билад" ("Покорение стран") автором которого во введении назван Мухаммадйар б.Араб кататан.¹ Рукопись дефектна, отсутствует конец.

Другие списки этого сочинения ни в одном из известных нам каталогов не упоминаются. Однако при ознакомлении с рукописью анонимного сочинения, хранящегося в собрании Института востоковедения АН УзССР, и известного под условным названием "Тарих-и найбани",² становится очевидным текстуральное совпадение его с "Мусаххир ал-билад". Это наблюдение позволяет нам считать "Тарих-и найбани" не особым сочинением, а лишь другим списком "Мусаххир ал-билад". Судя по почерку, ленинградский список изготовлен в XVII веке и он моложе ташкентского списка. Ташкентский список (далее Т.) дефектен, отсутствуют 34 листа в начале и около 100 листов в конце (по сравнению с ленинградским списком - далее Л. - который насчитывает 224 листа). Ташкентский список начинается со слов:

... محمد باقى ترخان و فتح بلده بخارا به سمرقند رسيد ...
(соответствует л.346 Л.), и кончается словами:

... اين نوع مخالفت بيان امرا افتاد و اكثر مردم فوج فوج از بلخ برآمده

... روى باردوى محمد ابراهيم خان مينهاد ...
(соответствует л.124а Л.).

Как известно, "Мусаххир ал-билад" - сборник биографий найбанидов . Оно посвящено Абдаллах-хану II (991/1583-1006/1598) и описанию событий эпохи найбанидов. В Т. отсутствует повество-

ванне об Абу-л-Хаир-хане, Шейх Хайдар-хане, небольшая часть первой главы о Мухаммад Шайбани-хане и часть четвертой главы о правлении Абдаллах-хана II.

Тексты ленинградского и ташкентского списков в своей основе повторяют друг друга почти слово в слово. Например:

Л.104б

Т.70а

۰۰۰ و زمانی که عبدالمومن خان از دست مخالفان جلم شهادت در کشید سید محمد سلطان بجانب بلخ متوجه کردید و در ولایت شهرغان واقعه جلوس عبدالامین خان را شنید درین اثنا مقابل شدن والی بخارا پیرمحمد خان بن سلیمان سلطان را در موضع اوج قرا با توکل سلطان قزاق و سپاه دشت قیچاق بسمع او رسید بی توقع و اهمال بسرعت و استعجال بمدد والی بخارا ایلخارانداء و از سایر سلاطین دیگر پیشتر ملحق گشته خود را آماده رزم و قتال و حرب آماده رزم و قتال و حرب و جدال ساخت ۰۰۰

۰۰۰ و زمانی که عبدالمومن خان از دست مخالفان جام شهادت در کشید سید محمد سلطان بجانب بلخ متوجه کردید و در ولایت شهرغان واقعه جلوس عبدالامین خان را شنید درین اثنا مقابل شدن والی بخارا پیرمحمد خان بن سلیمان سلطان را در موضع اوج قرا با توکل سلطان قزاق و سپاه دشت قیچاق بسمع او رسید بی توقف و اهمال بسرعت و استعجال بمدد والی بخارا ایلخار انداخت و از سایر سلاطین دیگر پیشتر ملحق گشته خود را آماده رزم و قتال و حرب و جدال ساخت ۰۰۰

Сравнение Л. с соответствующими местами Т. дает возможность уточнить и исправить текст. Л. (Т.12б-Л.44а, Т.15б-Л.47а, Т.22а-Л.54а, Т.26а-Л.57а, Т.64б-Л.98б). В. Л. отсутствуют лл. 63б, 64а, 64б, 65а, имеющиеся в Т. (лл. 32б, 33а, 33б, 34а, 34б), где речь идет о завоевании Астрабада Мухаммад Шайбани-ханом. Имеются и некоторые различия между двумя списками. Так в Л. отсутствуют названия глав, в то время как в Т. они выписаны киноварью (ср. Т.12б-Л.44а, Т.13а-Л.45б, Т.15б-Л.47а, Т.17а-Л.48б, Т.19а-Л.50б, Т.19б-Л.51а и т.д.), а в трех случаях (Т.51б-Л.84а, Т.44б-Л.78б, Т.41б-Л.70б) названия одних и тех же глав разные, хотя содержание их одинаковое.

Переписчиком допущены некоторые неточности и пропуски, в том числе механический пропуск отдельных слов:

Л.
(38a) در بخارا مانده بود دست باز داشته مراجعت نمودند (47a)

Т.
(5a) در بخارا حسب العکم مانده بود دست از جنگ باز داشته مراجعت نمودند (15a)

و امرای کرام مثل محمد تیمور
سلطان و جان بیک سلطان (556)

و امرای کرام مثل محمد تیمور سلطان
و عبدالله سلطان و حمزه سلطان و
مهدی سلطان و جانی بیک
سلطان (246)

механический пропуск отдельных фраз:

I.

ولایت ماورالنهر را بایشان
گذاشت (72a)

بعد از دوازده روز از طرفین
آتش فرستاده (94a)

بعد از آنکه لشکر بولایت تاشکند
کشیده از قبضه تصرف کیلدی محمد
سلطان شجاع‌ترین ایشا بود فاسبق
آمد (986)

T.

ولایت بلخ را ایشان طلب‌داشت از
کنار اب اومه ولایت ماورالنهر را
بایشان گذاشت (436)
بعد از آنکه دوازده روز از طرفین آتش
قتال و نیزه جنگ و جدال اشتغال
یافت مخالفان دیدند که مهم ایشان
روی نداد کس فرستادند (60a)

بعد از آن لشکر بولایت تاشکند کشیده
از قبضه تصرف تیمیم سلطان ولد حق نظر
خان که در آن عسر والی آن دیار بودند
استخلاصی نموده و از آن جمله کیلدی
محمد سلطان شجاع‌ترین ایشان بود فاسبق
آمده (646)

Некоторые другие разночтения: употребление синонимов или слов близких по значению:

I.

الوقت (52a)
به بلده شیرغان آمد (1226)
بازگشتن = بازگشتند (67a)

T.

حالا (206)
به بلده شیرغان رسید (886)
باز گردیدند (876)

Дефекты в результате неправильного запоминания источника:

I.

خود را بملازمت تیمور سلطان اورا
نیز پدیر فرستاد (546)

T.

خود را بملازمت محمد تیمور سلطان رسانید
و کیفیت حال را معروض‌کردانید و محمد
تیمور سلطان او را نزد پدیر فرستاد (238)

Известным исключением в ленинградском списке является заключительная часть главы об Абд ал-Гаффар султানে, подвергшаяся значительной редактуре и сокращению по сравнению с таджикским списком:

L.996

بعد از قسرات (تاک) عبدالومون خان
و ابتدای دولت باقی محمود خان ...
کثیر از مردم ترکستان از ایل ابول
منغت شخصی که بقدر مشابهت
بعبدالغفار سلطان داشت عبدالغفار
نام نهاده خروج نمودند ولایت
ترکستان و تاشکند و اخیسی و
اندجان را فتح نموده اشیم
سلطان و بهادر سلطان و سایر
سلطاین قزاق را هزیمت داد
و جمعی دیگر که تقلید باو کرده

T.656

بعد از وفات عبدالله خان وعبدالومون خان
مردم قراقاهاق در (ترکستان مردی را
که بعبدالغفار سلطان بقدری مشابهتی
داشت عبدالغفار نام مانده بر تخت سلطنت
نشاندند بهادرخان و اشیم خان وسلطاین
قزاق با لشکر تاشکند وسیرام با جمعیت
تمام آمده با عبدالغفار سلطان دوازده روز
جنگ کردند روز سیزدهم شکست بر طرف قزاق
افتاده عبدالغفار ولایت ترکستان و سیرام و
تاشکند و اخیسی کند و اندکان را بتحت
تصرف خود در آورده تاشکند را پای تخت کرد
تاریخ در هزارودوازده و موافق بارسنیل و
در فصل بادیز بود که خروج کرده و در هزار
وسیزده و موافق با پوشقان عییل و فصل بهار
بود که از شهر تاشکند بیرون آمده در مرغ
زار قراقامیش که از دروازه نیم فرسنگ است
در آنجا خیمه زده ننسته بود بهادرخان و
ایشم خان از الاتاغ با جمعیت فراوان بقصد
عبدالغفار سلطان نزدیک تاشکند آمده مردی را
گرفته احوالات عبدالغفار را تحقیق نموده ا و
همه را یک یک تعیین کرد بعد از آن بتحجیل
رانده در اول صبح صادق در چمن قراقامیش
بخیمه او ریختند عبدالغفار در خواب بود از
مهدای سم اسب بیدار شده سراسیمه وار از
خیمه بیرون دوید در آن حین اشیم خان حاضر
شده بلارک بییل مانند را بنای عبدالغفار زده ...

В остальном оба списка совпадают. Таким образом, характер разночтений и все сказанное выше являются достаточным основанием для отождествления вышеупомянутых рукописей.

¹ Рукопись в каталоге не упомянута (О.Ф.Акимускин, В.В.Кушев, Н.Д.Миклухо-Маклай, А.М.Мугинов, М.А.Салахетдинова, Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР, краткий алфавит. каталог, Л., 1964), Краткие сведения об авторе и сочинении см.: С.Saleman, Das Asiatische Museum in Jahre 1890, Nebst Nachträgen, - MA, T. 10, 1894, S. 277; И.И.Умняков, Абдулла-наме Хафизи Таванша и его исследователи. ЭЖВ, т.У, Л., 1930, с.322; Persian Literature. A Biobibliographical Survey by C.A.Storey, Section П, London, 1936, p.375; П.П.Иванов, Новые данные о каракалпаках. Исторические заметки. СВ, № 3, М.-Л., 1945, с.64; М.А.Салахетдинова, "Мусаххир ал-билад" Мухаммад Яр ибн Араб катанана. III и ПМКНВ, 1973, М., с.76-78.

² Краткие сведения о рукописи см.: "Персидские, арабские и турецкие рукописи Туркестанской Публичной Библиотеки". Сост. Е.Каль, Ташкент, 1889, ст.19, № 23, "Собрание восточных рукописей АН УзССР, т.1, Ташкент, 1952, с.80; О "Тарих-и шайбани" как источнике по истории казахов XVI-XVII вв. кратко сообщил В.П.Юдин - В.П.Юдин, "Тарих-и шайбани" как источник по истории казахского и каракалпакского народов XVI-XVII вв. Тезисы докл. науч.конф., Алма-Ата, 1971, с.155-157.

^X в л. 9

Т.М.Айтберов

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА XV-XVI ВВ.

В Рукописном фонде Института ИЯЛ им. Г.Цадасы под номером 2088 хранится книга "Навр ал-махъсин ал-гълибат" (автор 'Абдаллах б.Са'д ал-Иффи'), переписанная в "городе (мадинат) Гумук" 'Умаром б.Ахмадом б. 'Умаром ад-Дусракъ, между 928/1521-22 гг. и 1524 г. В колофоне переписчик сообщает, что он родился в сел. Дусрах¹, но их "знатный (?) род" (махтид) происходит из Гумука, т.е. из сел. Казикумух.

На страницах "Навр ал-махъсин" (они не пронумерованы) записаны ниже приводимые источники. Первый из них копия, ибо составлен за 90 лет до переписки книги, второй - четвертый подлинники, написанные 'Умаром б. Ахмадом, а пятый принадлежит руке Ша'бана

Ободинского, (с IOI7/I608-9 гг. по IO78/I667-68 гг.), но, вероятно, откуда-то переписан. Документ II снабжен подстрочными значками ٢, ٣. Это самый ранний случай употребления вспомогательных значков. Сохранность текстов плохая, особенно второго.

١. اؤرض^٣ زهرا من ابى بكر^٢ اربعماية من العروض^٣ وستماية بشين الفرس^٤ بشهادة محمد والكتب^٥ في شهر شعبان^٥ سنة اربع^٥ وثلاثين وثمانائة

I. Зухра заняла у Абū Бакра⁴ четыреста [единиц] товара (ард), а шестьсот - [обменяла] на лошадь.⁵

Свидетели: Мухаммад и записавший [это].

Ма'бан восемьсот тридцать четвертого года.⁶

٢. وصلت وحصلت في يد...^٥ ولا اليه ثم ان هذه الضيعة اعطى...^٦ وقد ابدا له^٦ بعدما اعطى... للزواج وللزوج والدة...^٧ والعبيد في وقت حياة ابيه مقراً بملك ابنة بعد... وعشرين وتسعمائة بشهادة الله تعالى وبه...^٨ فلهي عبد الرؤف مع تلاميذه وبشهادة مولانا ومولانا حاج عمر بن محمد وعبد المجيد بن حسين ومحمد بن نك وعمر بن احمد

II.⁸ ٥... [именъ-?] попало в руки ... ٦, а не к нему. Затем это именъ (дай'ат)⁹ отдал... [имярек] ٧ и Кубад им, после того как отдал... павни (мазрат) и луга его¹⁰ отец... ٨ и рабов (абд) при жизни [сво-?]его отца признавая [все это-?] собственностью (мулк)¹¹ своего (его-?) сына. [Произошло это] после... девятьсот двадцать... [года].¹² Свидетели [этому] всевышний Аллах, у которого [мы ищем помощи-?] ... ٩, кадий 'Абд ар-Рауф¹³ вместе со своими учениками, а также мавлана [имярек]¹⁴, мавлана Хаджи 'Умар б. Мухаммад, 'Абд ал-Маджид б. Хусайн, Мухаммад б. Н.к¹⁵ и 'Умар б. Ахмад.¹⁶

٣. اذتفق طالب على بن احمد عبده^٢ بسمى^{١٧} ائج (?) بشرط ان يخدم له عند الاغنام^٣ خمس سنين في شهر غرة صفر سنة^٤ ثمان وثلاثين وتسعمائة بشهادة الله وبشهادتي محمد نزرک بن علي و^٥ الكاتب الحروف^{١٨} عمر بن احمد^٦ وبشرط ان يتوطن بعد العتق^٨ في محله او تفرى المحلة^{١٩}

III. Таб-Али б. Ахмад освободил своего раба (абд), которого зовут А. н .ч (?) на условии, что тот прослужит ему в [течении] пяти лет [чабаном-?] при овцах (агнām).

Начало сафара девятьсот тридцать восьмого года.²¹

Свидетель [этому] Аллах.

Свидетели: Мухаммад-З. з.к²² б. Али и писавший эти буквы 'Умар б. Ахмад.

[Дополнительное] условие - после освобождения ('итк)²³ он [т.е. А.н.ч. должен] поселиться при нем²⁴ или же в [одном из] селений (карият) округа (махаллат)²⁵.

14. V. اقتريت فتناول زوجة 4 درويش على باء 3 مهرا وما بقى 4 عليه من مهرا 5 بشهادة قرا (?) محمد و 6 جسنى (?) على ومغوش 7 عمر والكتب الحروف

8 عمر بن احمد و 9 ...

IV. Кути, жена Дарвин-Али, признала, что [назначенное] ей вено (махр)²⁸ уплачено и [теперь] за ним не осталось ничего от [назначенного] ей вено.

Свидетели: Кура(?) - Мухаммад, Дж.с.ни (?) - 'Али, Магун²⁹ - Умар, писавший эти буквы Умар б.Ахмад и...

V. وكان شبع ابها في قرية ملخ أولا ثم قصد الى 3 ان يذهب الى مشلش فسجعت
المرأة قصده ولم يكن لها زوج وكانت داما مال كثيرا فذهبت فقالت االك قصد
في مجيئك الى قريننا فقال نعم فقالت انا ضيفك ولا تصيف غيري فقال انا
ضيفك اولاً وانما ثم ذهب وضميف تلك المرأة وزوجها ثم انه مات اخر العمر
فقرت له مزرعة تلك المرأة هذا معنى قوله انا ضيفك اخر

у.³⁵ Первоначально Шайх-Амир³⁶ находился в селении (карият) Мулаг³⁷. Затем он решил пойти в Мишлеш. О его намерении услышала одна женщина, у которой не было мужа, но было много богатства (мал). Она пошла [к Шайх-Амиру] и сказала: "Ты, что хочешь прийти в наше селение?" Он сказал: "Да". Тогда она сказала: "Будь моим гостем (дайд)³⁸ и не мни гостеприимства у других". Он сказал [в ответ: "Хорошо"] я всегда буду [только] твоим гостем". Затем он пошел [в Мишлеш] и остановился в гостях у той женщины, а [через некоторое время] женился на ней. Умер он стариком и был похоронен на пашне (мазраат) той женщины.³⁹ Это - смысл его слов: "Я всегда твой гость".

I Селение в Чарадинском районе ДАССР. В прошлом оно входило в округ Рис-ор, который подчинялся правителям Казикумуха.

2 Документ переписан, по-видимому, 'Умаром б.Ахмадом.

3 Чит.

افتترضت زهرة من

4 Можно и иначе: "...заявля Абү Бакру четыреста..."

5 Букв. "...шестьсот - за цену (саман) лошади".

6 УШ.834 г.х. = 14.IV. - 13.V.1431 г. Можно полагать, что Абү Бакр был местным жителем, который занимался торговлей и, вероятно, ростовщичеством. (См.: Л.В.С. Фан ден Берг, Основные

начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафи, СПб., 1882, с.71). Где (Рис-ор или Гумук) составлен этот документ - неясно.

7 Чит.

...@القاضي عبد الرؤوف مع تلاميذ...

8 Из-за плохой сохранности текста перевод сделан построчно. Строки 1-5 смыты полкостью.

9 В данном тексте "дай'ат" это земельное владение, которое обрабатывали, видимо, рабы. Последние, скорее всего, были наделены участками земли, или семьями, а эксплуатировались наподобие крестьян-издольщиков. (И.П.Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране XII-XIV веков, М.-Л., 1960, с.297-298, 313-318; Вопросы истории Дагестана, вып. II, Махачкала, 1975, с.235, 239).

10 Отсутствие значка ۛ показывает, что здесь и ниже (строка 8) речь идет не о том лице, которое упомянуто в строке 6.

11 О мудке см. Фан ден Берг, ук.соч., с.89-91; Петрушевский, ук.соч., с.251-256.

12 Между 1515-1523 гг.

13 На одном из листов "Навр ал-махасив" написано, что в 1503 г. у "благословенного 'Абд ар-Рауфа б.'Умара" родилась дочь, а рядом другой рукой добавлено, что он умер в 935/1528-29 гг. Возможно, что именно этот кадий 'Абд ар-Рауф присутствовал при составлении одного соглашения в сел. Кутина в 905/1499-500 гг. (Вопросы истории Дагестана, с.235, 239).

14 'Умар б.Ахмад по невнимательности либо пропустил здесь имя улема, либо написал слово "мавлана" два раза, вместо одного.

15 Чит. "Ник|а", что значит в переводе с даргинского "маленький". Это плюс упоминание кадия 'Абд ар-Рауфа позволяет полагать, что документ отражает положение, существовавшее либо на территории нынешнего Левашинского р-на ДАССР, либо где-то поблизости.

16 Рядом рукой 'Умара б.Ахмада написан другой документ, возможно, по содержанию связанный с разбираемым. Датирован он 930/1523-24 гг. Текст его смыт.

17 Чит. ...عبد الذي يسمى بانج (؟) بشرط ان...

18 Чит. ...الاغنام في محلال خمس سنوات في غرة شهر صفر سنة...

19 Чит. ...وكتبة الحروف عمر بن احمد...

20 Чит. في مكانه او في بعض قرى المحلة

21 П.938г.х. = 14.IX-13.X.1531г.

22 Чит. "Завик/о". С аварского это можно перевести как "красавчик". Следовательно документ составлен в Рис-бре.

23 Об этом см.: Фан ден Берг, ук.соч., с.122-123.

24 Можно и иначе: "...поселиться в его квартале (махаллат) или ..." Здесь под словом "махаллат" подразумевается отдельно стоящая усадьба знатного лица, т.е. Таб-Али, окруженная домами его рабов и вольноотпущенников.

25 В дагестанских языках "махаллат" имеет два значения - "квартал" и "округ". В то же время известно, что казимухское владение было разделено на магалы (от "махалла"), т.е. округа. Это позволяет думать, что здесь под "махаллат" имеется в виду Рис-ор. После освобождения А.н.ч, по-видимому, вошел в число людей лично и поземельно зависимых от Таб-Али.

26 Можно читать и иначе: "... على ومنغوش عمر والكاتب

27 Чит. ... عمر وكاتب الحروف عمر بن احمد...

28 См. Фан ден Берг, ук.соч., с.106-107.

29 Магум - глашатай. Это первое упоминание об институте магумей. Слово "магум", возможно, согдийское, но проникшее в аварский язык через древнетюркский. (Древнетюркский словарь, Л.1969, с.346).

30 Чит. ... ثم قصد ان يذهب الى مشلش...

31 Чит. ... وكانت ذات المال الكثير فذهبت...

32 Чит. ... ولا تستنصف غيري فقال...

33 Чит. ... ثم ذهب وضاف تلك المائة وتزوجها...

34 Чит. ... اخر العصر فقهرت له مزرعة تلك المائة...

35 Выше говорится о чудесах Шайх-Амира.

36 Известна следующая памятная запись:

مات قطب الاولياء سلطان شيخ [ال]امير المشلشنى فى سنة ٩٧٠

"Польс (кутб) святых угодииков (валий) Султāн-Шайх-/А/мир ал-Милемей умер в 970 году", т.е. в 1562-1563 гг. н.в.

Милем - цахурское село в Рутульской р-не ДАССР.

37 В нынешней АзССР.

38 Букв. "...сказала: "Я твой гость и не иди..." Речь идет об институте куначества.

39 Букв. "...стариком и пашня той женщины была сделана его женой. Это... "Источник показывает, что: а) В перв. пол. XVI в. в горном Дагестане крестьяне имели в собственности участки пахотной земли. Это подтверждает и перечень вено (садāк) данного владельца своей жене 'Ашүрә'. (Записан 'Умаром б. Ахмадом на страницах "Нашр ал-махāsия"). Вено включает: пашню, отрез медка (самха), корову, серьги, три сосуда, два платья, кубок, три платья матери (?), вуаль и т.д.; б) В перв. пол. XVI в. в Цахуре были богатые люди из крестьян; в) В Мишлеме был создан вакф гробницы Шейх-Амйра, распорядителями, которого стали, возможно, его потомки. Земли были переданы в вакф, по-видимому, для того, чтобы избавить их от притязаний феодалов.

И.Д.Амусин

КУМРАНСКИЙ УЧИТЕЛЬ ПРАВЕДНОСТИ И АПОКРИФ "ЗАВЕТ ЛЕВИЯ"

Происхождение и датировка апокрифического произведения "Заветы двенадцати патриархов" и тесно связанный с этим вопрос о так называемых христианских интерполяциях в этом апокрифе - весьма сложная и спорная проблема. В то время как Бикерман датировал это произведение концом II или началом III в. до н.э.¹, Монге настаивает на датировке концом II в. н.э.² Между этими крайностями - целая амплитуда варьирующих датировок.³ Большое значение для дальнейшего изучения этого вопроса имеют опубликованные Миддиком арамейские фрагменты "Завета Левия" из I-й и особенно из 4-й пещер⁴, которые палеографически датируются концом II в. до н.э. - нач. I в. до н.э.⁵ К сожалению, в дошедших фрагментах не сохранилась гл. XIII, известная нам из греческого текста, которую некоторые исследователи считают более поздней христианской интерполяцией.⁶ В то же время, опубликованные фрагменты принесли с собой и сюрприз: в них сохранилась гл. XIV, которую многие также считали поздней интерполяцией. Эта находка говорит о необходимости относиться с большей осторожностью к объявлению той или иной главы или отрывка - христианской интерполяцией.

В 1959 г. А.Дюпон-Соммер высказал мнение, что гл. ХУШ, составленная как он полагает, после 68 г. до н.э. "является без всякого сомнения первым свидетельством мессанизации Учителя справедливости".⁷ Под процессом мессанизации Дюпон-Соммер понимает перенесение на личность Учителя функций пророка и двух мессий: светского и жреческого. Этого своего взгляда Дюпон-Соммер продолжает придерживаться и после опубликования арамейских фрагментов "Завета Левия".⁸

Затронутый Дюпон-Соммером вопрос требует, как нам кажется, пересмотра. Неприемлемой надо считать столь позднюю датировку апокрифа без учета палеографической датировки кумранских фрагментов. Более же ранняя датировка апокрифа — II веком до н.э. — говорит против гипотезы об отражении в нем процесса эволюции образа кумранского учителя праведности. В рамках этой небольшой статьи я остановился только на попытке нового истолкования самого знаменитого места из гл. ХУШ-й апокрифа.

В греческом тексте Т. Levi ХУШ,2 говорится: "И тогда бог поставит нового священника (hieréa kainón), которому будут раскрыты (apokalupthéssontai) все речения Господа и он (sc. священник) будет творить праведный суд на земле". О "новом священстве" (hieratéa néa) говорится и в Т. Levi УШ,14⁹. Тема обновления широко разрабатывается также в кумранской литературе и к цитированному месту из "Завета Левия" можно привести ряд близких кумранских параллелей.

Прежде всего следует напомнить одно из центральных положений кумранской теологии, а именно — "новый завет" (bryt hhdsh)¹⁰, который заключил бог с кумранской общиной взамен утратившего силу "старого завета", заключенного богом с Авраамом. В связи с этим обращают на себя внимание еще и такие тексты: "и союз священства /вечного обновит тебе" (1QSb III,26 = DJD I,124); или: "И союз /на/хад¹¹ (sc. общины) обновит ему, чтобы восстановить царство народа его навеки ; в одном литургическом тексте к богу обращается такая молитва: "И ты обновишь для них твой союз" (wthdš brytk lšm ; 1Q34 bis II,6 = DJD I,154).

Кумранский учитель праведности был священником¹², наделенным сокровенными знаниями. Из кумранского комментария на кн. Аввакума мы узнаем, что "отступники" не поверили словам "Учителя праведности, (воспринятым им) из уст бога" (II,2-3); что противники кумранской общины не поверили в предстоящее последнему поколению, "когда услышали это из уст священника, которому бог дал

/разуме)ние, чтобы истолковать все слова Его пророков=рабов, /через посредство ко)торых бог рассказал обо всем предстоящем своему народу... " (П,6-10); наконец, весьма показательным является утверждение комментатора, что Учителю праведности "бог поведал все тайны слов Его пророков=рабов" (УП,4-5).

Весьма вероятным представляется предположение, что все только что приведенные утверждения были инспирированы текстом "Завета Левия" о "новом священнике", которому будут раскрыты "все речения Господа". Что касается заключительного положения этого текста о праведном суде, который будет творить священник, то, как мне представляется, параллелью к нему можно считать крайне важный, и в то же время спорный текст из того же Комментария на Аввакума: "в руку Избранника Своего (*bhwtw*) бог отдаст суд над всеми народами" (*1QpHab. Y,4*).¹³ Я полагаю, что в слове *bhwtw* , в соответствии с дошедшим написанием (ср. также *1Qp Hab. IX,12*) и внутренней логикой, надо видеть местоименный суффикс ед.числа.¹⁴

Учитывая ,что кумранский комментарий на Аввакума - бесспорно более позднего происхождения, чем обнаруженные в Кумране арамейские фрагменты "Завета Левия" , оправданным представляется вывод, что образ кумранского Учителя праведности наделялся чертами и особенностями, заимствованными из названного апокрифического произведения, а не наоборот.

¹ E.J.Bickerman , The Date of the Testaments of the Twelve Patriarchs , "Journal of Biblical Literature" , vol.LXIX , 1960, P.3, с.245-260. Датировка Бикермана была поддержана в 1969г. Олбрайтом-Манном. См.W.F.Albright-C.S.Mann , Qumran and the Essenes , в: "The Scrolls and Christianity", London ,1969, с.108, прим.II.

² M. de Jonge , The Testament of the Twelve Patriarchs and the New Testament , "Studia Evangelica" , Ed. by K.Aland , F.L.Cross et al. Akademie-Verlag, , Berlin , 1959, с.546-556.

³ Ср., например, L.Rost , Einleitung in die alttestamentliche Apokryphen und Pseudepigraphen einschliesslich der grossen Qumran-Handschriften, Heidelberg, 1971, с.106-110.

⁴ 1Q21 в: "Discoveries in the Judaean Desert. I" (в дальнейшем: DJD I). Qumran Cave I, by D.Barthélemy and J.T.Milik, Oxford, 1956, с.87-91; J.T.Milik, Le Testament de Lévi en araméen. Fragment de la Grotte 44 de Qumrân, "Revue Biblique", vol. 62, 1955, № 3, с.398-406.

⁵ Там же, с.399.

⁶ M.Philonenko, Les interpolations chrétiennes des Testaments des Douze Patriarches et les Manuscrits de Qumrân • Paris, 1960, с.5, 10, 59. См. также L.Leloir, "Revue de Qumran", № 27, 1970, с.441-449 - рецензия на издание М.Е.Stone в 1969 армянские рукописи апокрифа "Завет Левия".

⁷ A.Dupont-Sommer, Nouveaux Aperçus sur les manuscrits de la Mer Morte, Paris, с.83-84,

⁸ A.Dupont-Sommer, Les écrits esséniens découverts près de la Mer Morte, Paris, 1964, с.382, et n. I.

⁹ R.H.Charles, The Greek Versions of the Testaments of the Twelve Patriarchs, Oxford, 1908, с.61, 44-45.

10 .CD У1,19; УШ,21; XIX,34: XX,12; 1QpHab. II,3.

11 Наиболее часто встречающееся самоназвание кумранской общины. Букв.- "вместе" (наречие), "единство" гезр. "община" (имя суд.).

12 1Qp Hab. II,8; 4Q 171 = 4Qp Pв. 37.II,19; Ш,15: "Имеется в виду священник, Учитель [праведности]...".

13 См. И.Д.Амусин, "Избранник бога" в кумранских текстах, "Вестник древней истории", 1966, № I, с.73-79. Ср. 11QMelch.13. 13.

14 В 4Q Mess. ар. 10 засвидетельствовано выражение "Избранник бога" в ед.числе (bḥur 'lh'). См. Амусин, Избранник бога, с.78; ср. И.Д.Амусин, Тексты Кумрана, 1971, с.174, прим.76.

О ДВУХ СТИЛЯХ МИНИАТЮР "ХАМСЕ" НИЗАМИ (ПНС 370)

Двенадцать миниатюр "Хамсе" Низами (ПНС 370)¹ из коллекции Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина созданы двумя мастерами, чьи творческие манеры выражают особенности стилей различных школ. Десять миниатюр принадлежат художнику ширазской выучки начала XV в., остальные — мастеру, работы которого близки к гератским образцам того же времени. Сосуществование на страницах рукописи различных живописных стилей, выражающих самые противоположные мировосприятия — большая примечательность этого скромного, пострадавшего от времени списка.

Миниатюры первой группы близки по своим внешним атрибутам — типам лиц, пейзажу и костюмам — с одной стороны, к иллюстрациям поэм Низами конца XIV в. (коллекция Кейр) и пейзажам "Антологии" 1398 г. (Стамбул, Музей)², а, с другой, — к "Антологии" 1420 г. (Берлин), "Хамсе" 1435 г. (Британская библиотека), "Шах-наме" 30-х гг. XV в. (Бодлеянская библиотека).³ Близость этой рукописи к разным по времени ширазским спискам подтверждает положение Б. Робинсона⁴ о том, что стиль ширазской школы второго десятилетия XV в. продолжает традиции стиля конца XIV в.

С более древними по времени произведениями эти миниатюры связывает трактовка пейзажа в виде полян с цветущими золотыми кустами близ извивающегося ручья или дерева, в листе которого прячутся птицы. Однако пейзажи "Хамсе" (ПНС 370) — своего рода фрагменты, составные элементы композиций, украшающих "Антологию" 1398 г.

Колористическое решение миниатюр довольно архаическое и восходит к древним образцам — "Шах-наме" 1333 г. (ГПБ),⁵ ибо здесь значительную роль играет условная окраска элементов композиции. В миниатюрах "Хамсе" (ПНС 370) на фоне лиловых, желтых и зеленых холмов располагаются воины в разноцветных доспехах и всадники на голубых, серых и коричневых лошадях. Большие золотые цветы на желтой поляне являют собой не столько растительность,

сколькo орнаментальное украшение, часто встречающееся и в миниатюрах "Шах-наме" 1388 г. Сочетание желтой поверхности с золотом — черта, характерная и для иллюстраций "Хамсе" Низами (ГПБ, Дорн 339), выполненных в Исфахане в 30—40-е гг. XV в.⁶

Сравнение миниатюр "Хамсе" (ПНС 370) с близкими по стилю произведениями свидетельствует о том, что их художник был менее искусен, чем современные ему мастера. В его работах нет трагизма "Антологии" 1420 г., он более сдержан, но в своей лапидарной трактовке сюжета исходит из принципов, характерных для ширазской школы этого времени. Миниатюры и пространственно решены в форме, изоранной придворными художниками Ибрахима Султана (ум. 1435 г.). Композиции имеют главный передний план, где преимущественно и разворачивается действие. Застывшие лица и малоподвижные фигуры созданы сообразно стилю 30-х гг. XV в.

Несомненный интерес представляет иконография этих миниатюр. Совершенно уникально трактует мастер сюжет "Битва Науфала с племенем Лайли", как правило, представляющий битву племен. В миниатюре "Хамсе" (ПНС 370) изображено войско Науфала у крепости противника. Менее традиционной кажется иллюстрация "Садовник подглядывает за девушками". Юноша, лицо которого едва различимо в отверстии стены, наблюдает не за купанием девушек, как это обычно изображалось, а за их прогулкой. Остальные миниатюры в своей иконографии традиционны и не расходятся с установленными образцами иллюстраций поэм Низами.

Более отточены по форме миниатюры второго художника "Хосров и Ширин играют в поло" и "Сражение войск Бахрама и китайского хакана". В том азарте, с которым несутся по золотому полю персонажи с клюшками в руках, в той ярости, с которой натягиваются тетивы луков, в стремительном полете стрел является мастер иного склада и творческих возможностей. В отличие от первого художника, воплотившего в своих работах не столько момент действия, сколько остановки, перерывы между действиями, этот мастер стремится запечатлеть само движение.

Его работы близки к произведениям гератских мастерских 30-х гг. XV в. — "Шах-наме" 1430 г. (Тегеран) и "Хамсе" 1431 г. (Государственный Эрмитаж)⁷ — по типу лиц и пейзажу, группировке фигур, главное — по решению пространства.

Персонажам этих двух миниатюр отведен не тот узкий пространственный слой, где располагал фигуры первый мастер, а пре-

доставлена иная пространственная среда, могущая вместить их и дать им возможность двигаться в мнимой беспорядочности, вразнобой, тем самым создавая впечатление прастора. Не меньшую роль в создании такой свободной композиции играет иная, нежели у первого художника, соразмерность между фигурами и пейзажем, а также выход миниатюры на поля страницы. Крупные, жесткие силуэты первого мастера здесь заменены более мелкими, но подвижными фигурами. Гератский художник пластичнее выписывает форму, его кисть гибче и тоньше, а миниатюры звонче по колориту. Иконографически миниатюры второй группы традиционны и сами выступают как отдельные мотивы батальных сцен "Шах-наме" 1430 г.

Миниатюры рукописи "Хамсе" Низами (ПНС 370) представляют собой тот момент в истории персидской живописи, когда после 1415 г., по определению Б.Робинсона⁸, особенно ярко выразился локальный стиль художественных школ. Все разнится в этих миниатюрах: колорит и манера исполнения, композиция и мировосприятие, даже их сохранность — ширазские миниатюры сильно пострадали от времени. Причину подобного явления Б.Робинсон⁹ объясняет разным качеством красок, которые использовали в этих школах.

Небольшие миниатюры "Хамсе" Низами (ПНС 370) в одинаковой степени значительны для истории персидского искусства, ибо равно ярко отражают особенности живописных стилей Шираза и Герата 20-30 гг. XV в.

¹ Г.И.Костыгова, Персидские и таджикские рукописи "Новой серии" Государственной Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Л., 1978, № 236. Миниатюры неопубликованы.

² Keir Collection, Islamic Painting and the Arts of the Book, ed. by B.W. Robinson. London, 1976, pls. 15-17; M. Aga-Oglu, The Landscape Miniatures of an Antology Manuscript of the Year 1398 "Ars Islamica", Ann Arbor, 1984, vol. III, pls. 1-9.

Некоторые исследователи относят пейзажи "Антологии" 1398 г. к мавераннахрской школе (Г.А.Пугаченкова, Л.И.Ремпель, Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана, Ташкент, 1960, с.90-91), другие — к турецкой (Iv. Stchoukine, Origine Turque des Peintures d'une Antologie Persane de 801/1398. "Syria", Paris, 1965, vol. XIII, fasc. I/2. Однако элементы этих пейзажей в ширазских миниатюрах первой четверти XV в., что ранее было отмечено И.Шукиным (Iv. Stchokine, Les Peintures des MNS Timurides, Paris, 1954, p.93), а также в "Хамсе" (ПНС 370),

кажется, позволяют говорить об их ижмоиранском происхождении.

³ V. Enderlein , Die Miniaturen der Berliner Baisongur Handscript , Leipzig ,1969, taf. I-19; B. Gray , A Newly-discovered Nizamy of the Timurid School , "East and West" ,1968, vol. XIV, pls. I-8; Iv. Stchoukine ,Les Peintures des Manuscrits Timurides. Paris, 1954, pls. XXIII, XXIV.

⁴ B.W. Robinson, A Descriptive Catalogue of the Persian Paintings in the Bodleian Library. Oxford, 1958, p.14.

⁵ М.М.Абрафи, Персидско-таджикская поэзия в миниаторах XIV-XVII вв. Душанбе, 1974, илл. 2-5.

⁶ Г.А.Пугаченкова, Искусство Афганистана. Три этажа. М. 1963, илл. на с.229.

⁷ B. Gray , Persian Miniatures. Unesco, 1962, pls. I6-19; М.М.Абрафи, цит. соч. илл. 101-103.

⁸ B.W. Robinson, Op.cit, p.13.

⁹ B.W. Robinson, Op.cit.p.15.

А.Ш.Кадырбаев

КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ЭПОХИ ЮАНЬ О КАРЛУКАХ

Создание империи Чингиз-хана началось с завоевания как собственно монгольских, так и тюркских племен Центральной Азии. Все эти племена составили костяк того монгольского войска, опираясь на которое Чингиз-хан и его наследники создали мировую державу. История тюркских племен в составе империи Чингиз-хана на территории Юго-Восточной Европы, Средней и Центральной Азии показывает, что некоторые из них, как, например, половцы в Подонье и Поволжье ,были уничтожены, другие не только выжили, но и сыграли этнообразующую роль в составе племенных конфедераций после-монгольского времени, когда началась собственная история нынешних тюркоязычных народов Средней Азии. К числу таких племенных союзов относятся карлуки. Их история, начиная с VI-VII вв. не была единым процессом, так как уже в составе тюркских каганатов племенной союз карлуков разделился на различные группировки.

В то время как большая часть карлукских племен до середины X в. на Алтае, Восточном Казахстане и Джунгарии принимала активное участие в возвышении и крахе Восточнотюркского и Уйгурского каганатов, другие ветви карлуков переселились на юг Средней Азии (тохаристанские карлуки) и в Семиречье, где между 746–766 гг. карлуки захватили политическую власть, создали свою государственность в тех же политических традициях, что были характерны для Западнотюркского каганата. Тяньшаньско-семиреченские карлуки вместе с карлукскими племенами Восточного Туркестана стали этническим ядром Караханидского каганата (X–XII вв.), после развала которого они сохранили не только этническую самостоятельность и свои территории в бывшей Караханидской империи, но зачастую и собственную государственность. Наиболее известно карлукское владение в северной части Семиречья, мусульманские правители которого носили титулы арслан-ханов, — традиционные для одной из ветвей дома Караханидов.¹ В начале XIII в. самостоятельность этого государства была поставлена под угрозу кара-китаями, а затем найманами, захватившими в 1210 г. государство кара-китаев. Хан найманов Кучлук намеревался подчинить себе карлуков и начал опустошительные набеги против них. В новой политической ситуации единственным выходом для правителя карлуков Арслан-хана стало обращение за помощью к врагам найманов, монголам Чингиз-хана.² Именно об этом сообщает независимо друг от друга мусульманские и китайские источники. Персидский историк Рашид ад-дин приводит следующие сведения о подчинении карлуков Чингиз-хану: "Весной года барана, соответствующего 607 г.х. [1210–1211 г.] Арслан-хан, хан карлуков, явился с выражением рабской покорности и подчинился [ему]. В местности [по реке] Кэдурен он преподнес [ему] в знак покорности дары..."³. "В эпоху Чингиз-хана у правителя и государя карлуков имя было Арслан-хан. Когда Чингиз-хан послал в те края Кубилай-нойона из племени барулас, Арслан-хан подчинился и явился к Кубилаю. Чингиз-хан дал ему девушку из [своего] рода."⁴ В китайских источниках ваньского времени также имеются сведения о карлуках. Так в китайской династийной истории "Юань ши" сообщается: "...на шестом году Синь-вэй (1211 г.) правитель карлуков Арслан-хан подчинился добровольно"⁵. Согласно "Юань-чао-би-ши" "Тайной истории монголов" Чингиз-хан послал Кубилай-нойона покорить народ карлуут (карлуков), но их правитель Арслан-хан добровольно подчинился Кубилай-нойону и тот привез и представил его Чингиз-хану, который дал ему одну из своих дочерей в жены.⁶ В за-

ново составленной истории династии Юань "Синь Юань ши" приводятся следующие известия, содержащиеся в биографии карлука Дашмана: "Дашман. Его отец Мухамед в 1211 г. у реки Лунцзай [Керулен] подчинился [Чингиз-хану] находясь в свите Арслан-хана. Сын Мухамеда Али умер еще раньше. Его внук Хаджи стал приемным сыном Чингиз-хана и после этого служил у Угедей-хана. Под руководством Кубилай-хана участвовал в походе на Юньнань. Успешно воевал с государством Сун. Умер от болезни...⁷". Таким образом, данные китайских источников о подчинении семиреченских карлуков монголам в основном совпадают со сведениями мусульманских авторов. Но, помимо этих сведений, есть другие данные, дополняющие эти сообщения. Содержатся они в "Юань-ши", в биографии карлука Яган-тегина. Текст "Юань-ши" следующий: "Яган-тегин. Прадед его Кадар-мелик, взяв три тысячи карлуков из государства Узгенд, прибыл к Тай-цзю [Чингиз-хану]. Преподнес овец, коров, лошадей общей численностью около 10 тысяч [голов]. Взяв одну тысячу дворов, [то есть, став тысячником], участвовал в покорении тех стран, что мусульманские. Затем, следуя за Хуй-цзюном [Толуй-ханом] и Джебе-нойоном, покорял города в Хэси [Тангутское государство]. После, участвуя в битве при Линьтао, погиб. Отец [Яган-тегина] Мелик-ходжа. Следуя за Тай-цзю [Чингиз-ханом], уничтожил Цзянь. Затем, под командованием Сянь-цзюна [Менгу-хана] атаковал Шу [Сычуань]. Получил должность даругачи. Служил в управлении темников. Умер в войсках. На втором году Чжун-Тун [1261 г.] Яган-тегин стал тысячником. Имел множество боевых заслуг. Покорил крепости Ухуа, Шичан, Байма. На седьмом году Чжи-вань [1270 г.] войска Сун вошли в Чэнду. Яган-Тегин во главе четырехсот воинов сражался, сдерживая их натиск в течение четырех дней. Войска Сун были вынуждены отступить. Преследуя их, яростно атаковал Мэйчжоу. Нанес [им] сокрушительное поражение. Стал темником монголо-карлукско-хэсийских [тангутских] - ханьских войск...⁸". Таким образом, так же как и уйгурское государство в Восточном Туркестане, карлуки в северном Семиречье, сохранив самостоятельность и этническую целостность, донесли культурные традиции, созданные тюркоязычным населением раннесредневекового Казахстана, до эпохи сложения на этой территории государственных образований - непосредственных предшественников казахской народности. Другой ветвью карлуков, о которой сообщают юаньские источники, были ферганские карлуки. Сведения Юань-ши, приведенные в биографии Яган-тегина, являются уникальным свидетельством об этом позднекараханидском княжестве,

сохранившемся в округе Узгенда, бывшей столице восточных Караханидов. Ферганские карлуки были независимы от Арслан-хана, так как в тексте биографии Яган-тегина не указывается на то, что Мадар-мелик подчинился монголам, находясь в свите Арслан-хана. В то время как в биографии других карлуков, пришедших к Арслан-ханом, например, в биографии Даммана, дается прямое указание на это. В пользу этого говорит и то, что, согласно сведениям мусульманских авторов, Узгенд был пожалован сыну Арслан-хана не ранее 1251-1259 гг.⁹ Эти карлуки, как и семиреченские, сумели сохранить свою этническую целостность и позднее вошли в качестве одного из этнических компонентов в состав узбекской народности.¹⁰ Те карлуки, что вошли в монгольское войско, в дальнейшем не связаны с историей Средней Азии и Казахстана.

Данные китайских источников также свидетельствуют об активном участии карлуков в монгольских завоеваниях. Часть карлуков, очевидно, переселилась в Монголию и Китай. Имеются сведения о карлукских тысячах в составе монгольских войск на территории Монголии (биография Яган-тегина).¹¹ В биографии кипчака Тутуха говорится об учреждении управления темников карлукских войск в ваньском Китае при Кубилай-хане.¹² Позднее эти карлуки полностью растворились в китайской среде. В "Юань ши" приводятся имена монгольских принцев, которые были замужем за знатными карлуками, что свидетельствует о тесных родственных связях между карлукской верхушкой и монгольской аристократией.¹³ В "Синь Юань ши" приводятся сведения о видном конфуцианце Найсяне, который был карлуком по происхождению. Согласно этим сведениям, он до своего приезда в Китай жил западнее Алтая.¹⁴

Таким образом, сопоставление персидских и китайских источников монгольского периода указывает на активную политическую роль части карлукских племен в жизни монгольской империи. Однако, в то время, как карлуки, оказавшиеся в ваньском Китае, были полностью ассимилированы господствующей этнической массой, на территории Средней Азии они сумели сохранить свою этническую целостность и сыграли немаловажную роль в этногенезе тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана.

¹ В.В.Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Сочинения, т. I, М., 1968.

² E. Bretschneider, Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources, vol. II, London, 1910, p. 39-40.

2 М.Кутлукон, Монгольское господство в Восточном Туркестане. В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М.,1970, с.87.

3 Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т.1, кн.2, М.-Л.,1952, с.163.

4 Там же, кн.1, с.151.

5 История Кань, цз. 1, "Сыбу бэйяо", Шанхай, 1937.

6 С.А.Козин, Сокровенное сказание, т.1, М.-Л.,1941, § 235.

7 В.Огел, Sino-Turcica. Cingiz han ve cin'deki hanedarenin türk misavirleri, Taipei, 1964, с.223-224.

8 История Кань, цз. 133.

9 В.В.Бартольд, Карлуки. Сочинения, т.5, с.547-48.

10 К.Ш.Шаниязов, К этнической истории узбекского народа, Ташкент, 1974.

11 История Кань, цз. 133.

12 Там же, цз. 128.

13 Там же, цз.109.

14 В.Огел, Sino-Turcica, с.239.

А.М.Куликова

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ О САГИТЕ ХАЛЬФИНЕ

Имя Сагита Хальфина широко известно в истории отечественной тюркологии, поскольку оно связано с началом преподавания татарского языка в Казанской гимназии (1769).¹

В литературе при рассмотрении этого факта² подчеркиваются три основные момента: 1) данная гимназия была основана по указу Елизаветы Петровны от 21 июля 1758 г.; 2) идея "заведения" здесь класса татарского языка (1759) принадлежит первому ее директору Михаилу Ивановичу Веревкину (1732-1795); 3) эта идея осуществилась через 10 лет, когда Екатерина II 12 мая 1769 г. подписала указ об учреждении в гимназии курса татарского языка и о назначении "учителем оного" С.Хальфина.

Содержание рескрипта Елизаветы Петровны нигде не приводится.³ Текст распоряжения Екатерины II впервые был опубликован в 1842 г.⁴ и позднее повторен в ряде работ.⁵ Причем, ссылки на ар-

хивы или другое местонахождение данных материалов отсутствуют. В "Полное собрание законов Российской империи" они также не включены.

Таким образом, подлинники двух основных законодательных актов по рассматриваемой теме в настоящее время недоступны исследователям. В этой связи возрастает значение документа, обнаруженного среди дел по истории науки и литературы России XVIII века в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.⁶ Этот документ составлен и подписан "всеподданнейшим рабом Андреем Квашниным-Самариным", датирован 6 октября 1769 г. и носит следующее название: "О депутате Сагите Галфине (1) назначенном в переводчики и учителя Казанской гимназии".

Андрей Никитич Квашнин-Самарин был в это время губернатором в Казани, и ему лично адресовано было повеление Екатерины II от 12 мая 1769 г. Архивный источник, вводимый в научный оборот, представляет собой ответный рапорт казанского губернатора. В нем говорится, что А.Н.Квашнин-Самарин именным указ императрицы "о пожаловании здешних татарских слобод депутата Сагита Халфина (1) в казанския гимназии⁸ учителем сего языка и к казанской адмиралтейской канторе (1) в переводчики, с чином и жалованием против губернского переводчика,⁹ и о прочем... сего октября 5 числа всеподданнейше получить удостоялся".¹⁰ Всего день потребовался А.Н.Квашнину-Самарину на то, чтобы он по "оному" указу "о надлежащем исполнении в казанския гимназии и в прочия места куда следовало предложил".¹¹

Рапорт интересен, прежде всего, тем, что он является новым источником об основателе преподавательской династии Хальфиных в Казани (С.Хальфин преподавал здесь с 1769 по 1785 г. Позже в здешней гимназии служили учителями его сыновья, внук и правнук).

Этот документ важен также и потому, что он косвенным образом свидетельствует о подлинности и точности содержания указа от 12 мая 1769 г.

До сего времени началом преподавания татарского языка в Казанской гимназии, - хотя эта дата и вызывала сомнения, - считалось 5 октября 1769 г.¹² Из рапорта А.Н.Квашнина-Самарина мы узнаем, что в этот день он только получил указ императрицы и сообщил о нем в другие учреждения. Следовательно, приведенная дата должна быть признана ошибочной. С.Хальфин приступил к преподавательским обязанностям позднее, возможно, в 1770 г.¹³

Предлагаемая вниманию специалистов публикация вселяет надежду, что дальнейшие поиски в "россыпи" архивов Москвы, Ленинграда и Казани приведут к новым находкам любопытных сведений по истории зарождения тюркологии в России.

¹ Казанская гимназия была третьим по времени учебным заведением, включившим в свою программу татарский язык, но ей по праву принадлежит первенство по итогам и вкладу в подготовку восточных кадров на начальном этапе развития тюркологии в России. См. А.Н.Кононов, История изучения тюркских языков в России, Л., 1972, с.115-120.

² О.Ковалевский, Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в имп.Казанском университете до настоящего времени, Казань, 1842. с.2-4 (эта работа была переиздана в "Журнале министерства народного просвещения" - далее ЖМНП - ч.39, СПб., 1843, отд.3, с.50-51); В.Владимиров, Историческая записка о I-й Казанской гимназии. XVIII столетие, ч.1, Казань, 1867, с.6, 39,45,46; А.Артемьев, Казанские гимназии в XVIII столетии, ЖМНП, ч.424, СПб.,1874, отд.2, с.46-47; Н.И.Веселовский, Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, в сб. "Труды третьего Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге 1876", т.1, СПб.,1879-1880, с.119-120; С.К.Булич, Очерк истории языковедения в России, т.1, СПб.,1904, с.618-619; Б.М.Данциг, Ближний Восток в русской науке и литературе, М.,1973, с.76; А.Н.Кононов, ук.соч., с.119-120; Н.А.Мазитова, Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете, [Казань],1972, с.6-8.

³ В "Полное собрание законов Российской империи" вошел указ Сената "Об учреждении гимназии в Казани", изданный 21 июля 1758г. в ответ "на доношение Московского университета". (См. т.15, СПб., 1830, с.242, № 10860). Документ не использован исследователями. Об именном указе императрицы в нем не упоминается.

⁴ О.Ковалевский, ук.соч., с.3; ук.переиздание этой работы, с.50-51.

⁵ В.Владимиров, ук.соч., с.45; С.К.Булич, ук.соч., с.618; А.А.Н.Кононов, ук.соч., с.119-120; Н.А.Мазитова, ук.соч., с.6.

⁶ ЦГАДА, разряд 17 "Наука, литература, искусство", оп.1, ед.хр. 65, л.1.

7 Имеется в виду его представительство в Комиссии по составлению проекта нового уложения (1767-1774), куда С.Хальфин был избран от "иноверцев" старой и новой казанских слобод. - См. М.Лонгинов, Материалы для истории комиссии о сочинении проекта нового уложения (1767-1774), "Русский вестник", т.36, М., 1861, стр.3,29.

8 В 1758 г. в Казани были учреждены две гимназии: для дворян и для разночинцев. С 1798 г. они объединились в одну I Казанскую гимназию.

9 С.Хальфин происходил из "служилых татар", состоящих в подушном окладе, и до 1769 г. был толмачем адмиралтейской конторы. Предоставление ему места учителя и определение ему чина и жалования губернского переводчика (Казанская гимназия подчинялась губернской канцелярии) означали выход его с потомством из низшего сословия. Факт "пожалования", в данном случае, толмача в переводчики заставляет предположить, что эти термины соответствовали разным служебным ступеням.

10 ЦГАДА, р.17, оп.1, ед.хр.65, л.1.

11 Там же, л.1. Гимназией в Казани с 1764 г. руководил Юлий Иванович фон-Каниц (эту должность он занимал до своей смерти в 1781 г.). Под "прочими местами", очевидно, надо понимать адмиралтейскую контору и местное отделение названной выше комиссии по составлению уложения (с 12 февраля 1769 г. общее ее собрание было распущено).

12 В.Владимиров, ук.соч., с.39,45; С.К.Булич, ук.соч., с. 618; А.Н.Кононов, ук.соч., с.120.

13 Сравни: В.Владимиров, ук.соч., с.39.

В.А.Лившиц

ПАРФЯНСКИЙ ТЕОНИМ САСАН

1.1. Имя Сасан (Sāsān), которое носил основатель династии Сасанидов, в III в. н.э. было популярным у персидской знати. В надписи Шапура I из Накш-и Рустама (ŠKZ, около 262 г.) мы

встречаем это имя в перечнях придворных Папака (Sāsān , сын Ursīg'a), Ардашира (Sāsān ī Sūrēn , представитель старого парфянского рода и Sāsān , государь Андегана) и Шапура (два принца, носящие имя Sāsān ; евнух Sāsān , сын Sāsān'a ; судья Sāsān ; ср. также Winnār ī Sāsānīgān "Виннар, сын Сасана").¹ В последующие столетия Сасаи и производные от этого имени встречаются в персидской ономастике редко. К отмеченным в сводке Ф.Ости² можно теперь добавить еще несколько, засвидетельствованных на геммах (напр., Mihrāsān на гемме IV в. из Британского Музея)³ и в памятниках эпиграфики (Sāsānādūr в надписях из Максудабата),⁴ однако в целом, насколько можно судить по опубликованным материалам, таких персидских имен немного.

1.2. Остается неясным, употреблялось ли имя Сасаи в Парсе до III в. В генеалогиях династии Сасанидов, приведенных в среднеперсидском "Бундахшине" и у арабских авторов, упоминаются два лица, носящие имя Сасаи, род которых возводится к Даре (соответствует историческому Дарию III) и, далее, к Гуштаспу. В некоторых вариантах преданий Сасаи выступает как отец (или дядя) Дары, а последний оказывается одновременно предком Аршакидов. В "Нахшаме" Фирдоуси после сына Дары Сасаи следует пять его потомков, носящих то же имя, из которых пятый становится родоначальником Сасанидов.⁵ Легендарный характер и тенденциозность этих генеалогий очевидны: они были составлены для доказательства законности правления Сасанидов — наследников Ахеменидов и обладателей "кеянидского фарна", символа легитимной власти. Дошедшие до нас варианты этих преданий, вероятно, весьма поздние, они отражают составленную при последних Сасанидах официальную "Книгу государей" (Xwadāy-nāmag). Во всяком случае, в сасанидских надписях, в том числе и в ŠKZ, родословная династии начинается с государя (MR^{HY}=xwadāy) Сасаи, предка (отца?) Папака.⁶

2.1. Парфянские памятники, прежде всего документы из Нисы (I в. до н.э.) показывают, что Sāsān (ssn) было одним из наиболее распространенных парфянских имен. В документах из Нисы это имя представлено многократно, оно засвидетельствовано также в парфянском ostrake из Коша-Депе (Южный Туркменистан, I в. н.э.), в надписях на парфянском амулете⁷ и на парфянской гемме.⁸ Сопоставление Sāsān с такими именами из Нисы, как Sāsāndāt (ssndt), букв. "созданный Сасаином" или "посвященный Сасаи", и Sāsānbōxt (ssnbwht) "спасенный Сасаином",⁹ позволяет уста-

новить, что Сасан является названием парфянского божества, а в качестве антропонима оно представляет собой усеченное имя, образованное по обычной иранской модели. Соотношение имен *Sāsāndāt* и *Sāsān* (ср. также уменьшительное *sasnk=Sāsānak* в Нисе) точно соответствует таким парам теофорных парфянских имен из Нисы, как *Ahurmazd(d)āt* ('hwrmzdt) "созданный Ормуздом" и *Ahurmazdak*, *Ahurmazdīk* ('hwrmzdk , 'hwrmzdyk); *Mihrdāt* (mtrdt) "созданный Митрой" и *Mihr* (mtry); *Srōšdāt* (srwšdt) "созданный Сраушем" и *Srōšak* (srwšk) ; *Tīridāt* (tyrydt) "созданный Тиром" и *Tīr* (tyry); *Warhraghdātak* (wrtgrgdtk) "созданный Веретрагной" и *Warhragh* (wrtgrgn), *Warhraghak* (wrtgrgnk), *Warhraghīč* (wrtgrgnūš/wrtgrgnš - гипокористик с суфф. =ič).

Sāsān входит также в состав парфянских имен из Нисы, образованных сложением двух теонимов: *Mihrsāsān* (mtrssn) и *Mihrsāsānak* (mtrssnk , это имя также в остраке из Коша=Дене), букв. "(созданный) Митрой и Сасаном" или "(посвященный) Митре и Сасану";¹⁰ *Srōšsāsānak* (srwšssnk); *Warhraghsāsān* (wrtgrgnssn).¹¹ Эта модель теофорных имен с *Sāsān* также находит точные соответствия в парфянской ономастике, ср. в Нисе имена *Tīrimihrak* (tyrymtrk) - "(созданный) Тиром и Митрой", *Srōšmihr* (srwšmtr), *Rāšnīhr* (ršnwtr).

2.2. Божество Сасан отсутствует в Авесте, о нем нет упоминаний в среднеперсидской зороастрийской литературе, отражающей в первую очередь религию Парса, а потому мы вправе предполагать, что культ этого бога составлял одну из особенностей верований аршакидской Парфии. Как можно судить по парфянской ономастике, календарным терминам, а также упоминаниям в документах Нисы жреца храма огня (*āturšpat* , 'twršpty), в коренных областях Парфии в I в. до н.э. господствующей религией был зороастризм младоавестийского толка, однако теоним Сасан показывает, что у парфян сохранялось и почитание божеств, не входивших в пантеон Младшей Авесты.

2.3. Божество Сасан было известно и в соседнем с Парфией Хорезме, на что указывает имя *Sāsānak* (s's'nk) в неизданном хорезмийском документе на дереве из Топрак=калы (док.12/1948: RШ I; вторая пол. II в. н.э.). Это имя в документе носит один из рабов ('BDn), входивших в состав большой семьи. Следует учитывать, что имена рабов в документах Топрак=калы по своему характеру не отличаются от имен полноправных членов семьи (домовладыка, его сыновья и зятья), так что речь идет, очевидно, о рабах=хорезмийцах, а не об иноземцах.

3.1. Этимологии имени Сасан, предлагавшиеся до сих пор, не могут считаться удовлетворительными, поскольку они не учитывали теофорное происхождение имени и его парфянскую форму. Нет, конечно, оснований связывать Sāsān с новоперс. sāw "клоп, клещ", как и с sāw "нищий",¹² — последнее образовано, по "народной этимологии", от сочетания Banū Sāsān, известного средневекового названия профессиональных нищих и бродячих актеров. Э.Херцфельд предлагал возводить sāw= в имени Sāsān к др.=перс. *šāca=, авест. sātara=, sāvr= — по Херцфельду, вариант к sāstar= "повелитель", др.=инд. śāstár=, ср.=перс., парф. sāstār. Имя Sāsān при таком объяснении оказывается династийным, восходящим к др.=перс. *šācānām (Gen.Pl.), др.=ир. *sā(s)šrānām, *sāstrānām.¹³ Однако парфянское Sāsān не может восходить к *sā(s)šrānām, так как =šr= регулярно отражается в парфянском как =hr=, что опровергает всю реконструкцию Херцфельда. Не спасает эту этимологию и поправка О.Семерени, согласно которому авест. sāvr= (слабая основа к sātara=) отражает согдицизм: др.=ир. *sāsšra= > согд. *sāsš= > *sāš=, причем *sāš=, попав в письменный текст Авесты, превратилось в sāvr=.¹⁴ Несостоятельность этих выкладок очевидна.¹⁵

3.2. Учитывая сказанное выше о популярности имени Сасан у парфян и культе божества Сасан в аршакидской Парфии, можно предполагать либо заимствование этого имени в среднеперсидский из парфянского, либо, скорее, парфянское происхождение основателя династии Сасанидов. Сведения источников об этом лице кратки и противоречивы, а достоверность их — сомнительна.¹⁶

¹ Sāsānīgan — патроним с суффиксом =īgan, ср. новоперс. Sāsāniyān и Σαβανικῶν у Агафангела.

² F. Justi, *Iranisches Namenbuch*, Marburg, 1895, с. 291.

³ Pērōzduxt Mihrsās/ān/ān "Пероздухт, (дочь) Михрсасана", см. A. D. H. Bivar, *Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum*, London, 1969, с. 62.

⁴ Написание ss'n'twr' (MD I: 5; II: 5), см. J. de Menasce, *Inscriptions pehlevies en écriture cursive*, — JA, t. 244, 1956, сс. 428—430.

⁵ F. Justi, ук. соч., сс. 291, 419.

⁶ Ср. R. N. Frye, *The Heritage of Persia*, Cleveland and New York, 1963, с. 198 сл.

⁷ A.D.H.Bivar , A Parthian amulet , - BSOAS ,XXX,1967, сс.518-525, рис.1. Второй экземпляр точно такого же амулета хранится в собрании Национальной Парижской библиотеки. Надпись: ptgwb ZNH ssn mgw "Этот амулет (?) мага Сасана".

⁸ Гемма 8.1 Национальной Парижской Библиотеки (не опубликована, чтение Я.Харматты): ssn wzd=dt BRY "Sāsān , сын Wind-(d)āt'a" . Имя Сасан носил, вероятно, и один из индопарфянских царей: Sāsa= в индийских надписях на монетах этого правителя, в греческих - CACCOY (Gen.), см. G.K.Jenkins and A.K.Nagain , The Coin=types of the Saka=Pahlava Kings of India, Varanasi, 1957, с.20.

⁹ Ср. также Sāsānbaxt (ssnbht), букв. "счастье, данное Сасаном" в нежданной парфянской надписи на глиняном сосуде из Старого Мерва (I - нач. П в.).

¹⁰ Ср. также в Нисе Mihrsāsānzānak (mtrssnznk), "относящийся к роду (zan ,др.=ир. zana=) Mihrsāsān'a" - эквивалент патронима?

¹¹ Имя Wrtgrnssn представлено и на трех парфянских буллах из Нисы, см. М.Е.Массон, Г.А.Путаченкова, Оттиски парфянских печатей из Нисы, - ВДИ, 1954, № 1, рис.34: (w)rtgrnssn , ниже, под изображением, (MR'Y) "государь, господин"; рис.35: wr(t)rgns(s)/n/ ; рис.40: /w/rtgr(n)ssn . Иные чтения этих надписей у М.М.Дьяконова, ВДИ, 1954, № 1, с.172 и сл. и J.Narmatta , AAASH ,XII, 1954, с.219 и сл.

¹² F.Justi ,ук.соч.,с.291.

¹³ E.Herzfeld, Altpersische Inschriften, Berlin,1938,с.302; он же , Zoroaster and his world, Princeton, 1947, сс.108,475, прим.43.

¹⁴ O.Szemerényi apud F.Altheim, R.Stiehl, Geschichte Mittelasiens im Altertum, Berlin, 1970, с.737 сл.

¹⁵ Ср. R.Schmitt, Zu einer neuer "Geschichte Mittelasiens", - WZKM, 62, 1975, с.88.

¹⁶ Ср. R.N.Frye , The Charisma of Kingship in Ancient Iran, - "Iranica Antiqua" ,IV/1, 1964, с.46 сл.; В.Г.Дуконин, Культура сасанидского Ирана, М.,1969, с.7,10.

ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ЧИТРАЛЬСКОМ КОНФЛИКТЕ 1895 г.

Присоединение к Британской Индии Читрала, независимого феодального владения в Восточном Гиндукуше, являлось заключительным этапом английской колониальной экспансии в этом районе. Стремление англичан к контролю над Читралом объяснялось его исключительно выгодным стратегическим положением на стыке территорий или сфер влияния Британской Индии, России и Афганистана. Столкновение различных политических сил, заинтересованных в овладении Читралом — афганского эмира, британских властей, джандольского правителя Уира-хана, многочисленных представителей династии читральских мехтаров — вылилось в 1895 г. в так называемый Читральский конфликт, который был использован в качестве предлога для английского захвата этого княжества, а также покорения сопредельных Свата, Дира, Баджаура и Джандола. Читральский конфликт, особенно с военно-исторической стороны, подробно освещен в европейских, преимущественно английских работах как мемуарного, так и исследовательского характера, и в дипломатических документах. Несмотря на значительный объем и ценность английских материалов о Читрале, они отличаются тенденциозностью и позволяют взглянуть на события лишь с одной стороны.

Особенно велика поэтому важность посвященных рассматриваемому вопросу восточных источников, которых, к сожалению, немного. В нашем распоряжении имеются два источника, касающихся читральских событий; они до сих пор еще не привлекались для исследования истории Читрала. Один из них — официальная история Афганистана на персидском языке "Сирадж ат-таварих", III том которой, вышедший в Кабуле в 1914/15 г., посвящен правлению эмира Абдулрахман-хана и содержит обширный материал как о его внутренней, так и о внешней политике. Описание происходивших в прилегающих к Афганистану областях событий, частью которых был Читральский конфликт, включает интересные сведения не только о политической истории, но и обо многих сторонах жизни паштунских племен, населения Читрала и Кафиристана. Данные "Сирадж ат-таварих" о Читральском конфликте, вкрапленные в виде эпизодов в текст этой хроники, отрывочны (хотя подробны и красочны) и не составляют последовательного повествования. Следует отметить, что эмир

Абдуррахман-хан пристально следил за ходом событий в Читрале, затрагивавших жизненно-важные интересы Афганистана, и даже пытался повлиять на них. Известно, что автор "Сирадж ат-таварих", Файз Мухаммад Катиб, имел доступ в канцелярию эмира как секретарь наследника престола¹ и мог использовать находившиеся там официальные документы, а также агентурные донесения и переписку эмира с сипах-саларом Гулам Хайдар-ханом, который в рассматриваемое время находился на восточных границах Афганистана в составе англо-афганской разграничительной комиссии. В частности, и о самом перевороте 1 января 1895 г. в Читрале Абдуррахман-хана известил сипах-салар.² Тем не менее, сведения "Сирадж ат-таварих" о Читральском конфликте фрагментарны, что, вероятно, можно объяснить тем, что к моменту написания хроники вопрос о Читрале уже утратил для Афганистана актуальность и мог рассматриваться автором как второстепенное для своего времени событие. Кроме того, на характере подбора материалов, приведенных в официальной истории Афганистана, отразилось то сложное положение, в котором оказался в связи с Читральским конфликтом Абдуррахман-хан. Он стремился сохранить видимость хороших отношений с колониальными властями Британской Индии, а при этом оказывал негласную поддержку претендовавшим на читральский престол противникам англичан Шер Афзал-хану и Умра-хану. В "Сирадж ат-таварих" нет указаний на связь эмира с его ставленниками, а негативное отношение к действиям англичан в Читрале выражается, как правило, косвенными ссылками на "подстрекательство корыстных людей". Интересен содержащийся в источнике материал о джандольском правителе Умрахане, фигуре весьма противоречивой. Его действия описаны с наибольшей детальностью, что проясняет его позицию в Читральском конфликте и характеризует отношение к его действиям афганской стороны. Читральские фрагменты в "Сирадж ат-таварих" повествуют об убийстве мехтара Низам ул-Мулка, о последовавшей за этим расправе нового правителя Амир ул-Мулка со сторонниками свергнутого³; о попытках Умра-хана овладеть крепостью Дрош⁴; об осаде крепости Читрал войсками Шер Афзал-хана и Умра-хана, а также о действиях осажденных⁵; о событиях, связанных с наступлением английских войск на Читрал⁶, и о ряде других эпизодов.

Отрывочность сведений "Сирадж ат-таварих" в некоторых случаях затрудняет их понимание и вызывает необходимость в привлечении дополнительной информации. Европейские источники не всегда позволяют выйти из положения. В связи с этим большое значение

имеет недавно ставшее доступным сочинение, специально посвященное истории Читрала и представляющее ценность как для сопоставления с "Сирадж ат-таварих", так и в качестве самостоятельного источника. Это сочинение издал под названием "Новая история Читрала" на языке урду в Пешаваре в 1962 г. Мирза Гулам Муртаза. Книга основана на оригинальном персидском тексте, написанном Мирзой Мухаммад Гуфраном вскоре после восшествия на престол в 1895 г. мехтара Шуджа ул-Мулка. Этот текст был дополнен и расширен мехтаром Насир ул-Мулком в начале 40-х гг. нашего столетия. Его работу продолжил издатель сочинения, Мирза Гулам Муртаза. Затем "Новая история Читрала" была переведена на язык урду, причем переводчики также внесли некоторые дополнения.⁷ После выхода книги в свет ее тираж, по имеющимся у нас сведениям, был почти полностью конфискован, и текст, имеющийся у нас, является английским переводом одного из сохранившихся экземпляров книги. Он был любезно предоставлен нам А.Л.Грюнбергом, получившим его от профессора К.Йеттмара. Рукопись составляет около 300 машинописных страниц, разделенных на 14 глав. Имеются приложения. Не пытаюсь дать характеристику источника в целом, ограничусь лишь оценкой двух глав, IО-II, в которых описываются события 1892-1895 гг.

Эта часть повествования опирается на рукопись Мирзы Мухаммада Гуфрана, современника и очевидца событий. Есть основания утверждать, что описание Читральского конфликта, создававшееся при дворе и под покровительством Шуджа ул-Мулка, отражает официальную читральскую версию происходившего, а потому для источника характерна лояльность по отношению к Британской Индии, чьим ставленником был мехтар Шуджа ул-Мулк. Этот источник выгодно отличается от "Сирадж ат-таварих" полнотой и связностью изложения событий. Благодаря вниманию, уделяемому автором династичным вопросам, проясняются в ряде случаев чрезвычайно запутанные отношения между претендентами на читральский престол; в повествовании вводятся разделы, описывающие личные качества правителей и их взаимоотношения с английскими властями.⁸ "Новая история Читрала" затрагивает, кроме политического аспекта событий, и внутреннее положение в стране, в частности, рассматривает отношение населения к происходящему,⁹ в то время как европейские источники этих проблем почти не касаются. Английские сведения о ходе военных действий существенно дополняются данными источника, подходящего к вопросу о точки зрения интересов Читрала.

Особенно это касается сообщений об осаде и взятии крепостей Мастудж, Дрош, Читрал и некоторых других.¹⁰

Наличие двух восточных источников, афганского и читральского, обогащает историю присоединения Читрала и соседних областей Восточного Гиндукуша к британским владениям новыми подробностями, уточняет ряд неясных ранее моментов. В частности, привлечение этих источников дает возможность гораздо более детально, чем по английским данным, представить себе внутренние события в Читрале до вторжения британских войск. Это относится, например, к эпизоду осады Дроша, который защищали читральцы под предводительством Кукан-бека (чьи действия прослеживаются по "Новой истории Читрала") от войск Умра-хана (его намерения и поступки, а также роль, которую сыграла в этих событиях мать убитых мехтаров Афзал ул-Мулка и Низам ул-Мулка, красочно описаны в "Сирадж ат-таварих").¹¹ Использование комплекса доступных нам источников, как восточных, так и европейских, позволяет создать достаточно полную и достоверную картину событий, выявить их причины, фон, на котором они разворачивались, их последствия. Можно привести в качестве примера эпизод с пленением английских офицеров Эдвардса и Фоулера¹², а также историю прихода к власти Амир ул-Мулка и его смещения с престола¹³. Необходимо подчеркнуть большое значение всестороннего подхода к рассматриваемой проблеме, возможность которого обусловлена наличием восточных источников, отражающих афганскую и читральскую официальные точки зрения на Читральский конфликт 1895 г.

¹ В.А.Ромодин, "Сирадж ат-таварих" (т.ш) как источник. "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. Май 1968 г.", М., 1968, с.44.

² "Сирадж ат-таварих", т.ш, Кабул, 1914/15, с.1051-1052.

³ Там же, с.1052.

⁴ Там же, с.1053.

⁵ Там же, с.1058, 1062-1063.

⁶ Там же, с.1064, 1068-1070.

⁷ "Новая история Читрала" на урду, Пешавар, 1962 (рукопись англ. перевода), с.2-4.

⁸ Там же, с.174, 179.

⁹ Там же, с.182, 184, 195.

¹⁰ Там же, с.176, 180-182, 184-189, 191-193.

- II Там же, с.180-182; "Сирадж ат-таварих", с.1052-1053, 105н.
I2 "Новая история Читрала", с.187-188, 189-190; "Сирадж ат-таварих", с.1068-1069; Селтан, Читральская экспедиция (январь-апрель 1895 г.), СПб, 1900, с.51-60.
I3 "Новая история Читрала", с.179, 183-184; "Сирадж ат-таварих", с.1051-1052, 1062-1063.

А.М.Мокеев

ЭПОС "МАНАС" КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИРГИЗОВ

При отсутствии в прошлом у киргизского народа фиксируемой истории и неразвитости письменной литературы вся многовековая история, этнический состав, хозяйство, быт, обычаи и другие стороны жизни киргизов нашли отражение только в произведениях устного народного творчества, вершиной которого является древнейший эпос "Манас". Громадное значение этой эпической трилогии как исторического источника по истории киргизов заключается не только в том, что ее сведения в большинстве случаев подтверждают или дополняют те отрывочные и скудные сообщения исторических хроник других народов о киргизах, но в ней сохранились и такие факты внутренней жизни народа, о которых умалчивают летописцы и историки соседних народов. К числу последних следует отнести в первую очередь этнонимы, которые так широко представлены в эпосе "Манас".

Часть этнонимов, которая отражает только названия тридцати киргизских племен, впервые была извлечена из до сих пор неизвестного варианта "Манаса" и опубликована С.М.Абрамзоном в следующем порядке: катаган, багын, могол, найман, тейит, жоокести, бостул, набат, койгут, кумара, окчу, серин, жедигер, кидыраа, кызыл-аяк, басыз, баркы, мундуз, кушчу, кылыч-тамга, кыба, кыпчак, жетиген, саяк, сапырай, наамут, ардай, тоту, тагылык, кокуно.¹

Однако этнонимы "Манаса" далеко не исчерпываются вышеприведенным списком. Более полный состав этнонимов, извлеченных нами из четырехтомного издания этого эпоса можно условно разде-

лить на следующие четыре группы:

1. Племена и народы, которых эпическое предание считает родственными с киргизами или киргизскими:

аргын [М-1.1.с.13,69,115,136; М-1.2.147,151; С-1.82; С-2.17,19,25,26...], бозек [М-1.1.165], думара [М-1.1.152; М-1.2.109], катагай [М-1.1.79,105,165; М-1.2.10.33,84,292; С-1.23,85], кыпчак [М-1.1.28,88,115; 165; М-1.2.137,199; С-1.241], кангы [М-1.1.59; М-1.2.140], кыдыршаа [М-1.2.141], кыйва [М-1.2.135], курама [С-2.169], мунгуш [М-1.2.140], наабат [М-1.1.136], найман [М-1.1.28,69], окчу [М-1.1.115,151; М-1.2.314], тейит [М-1.2.137,140], кара тейит [М-1.2.178], уйгур [М-1.1.91], чаркоо [М-1.2.137,140] шаккай [М-1.1.149,165].

2. Племена и народы, которые были союзниками киргизов во время отражения нападения иноземных захватчиков или ответных военных походов против общего врага:

абак [М-1.1.28.69], алчын [М-1.1.28,69,115; М-1.2.177], айкым [М-1.1.115], арбан [М-1.1.136], дорбол [М-1.1.136], казак [М-1.1.59,61...; М-1.2.75; С-1.254,279,288], каракалпак [М-1.2.140], ооган [М-1.2.25], тарак [М-1.1.28], уйшун [М-1.1.28,69,136; М-1.2.177], сары уйшун [М-1.1.136], эштек [М-1.2.21.177; С-1.85].

3. Племена и народы, с которыми киргизы враждовали:

дугул [М-1.1.114], инди [М-1.1.158], калдай [М-1.2.15,214,221], калмак, каракалмак, кытай, каракытай, манжуу [встречаются постоянно], кызылбаш [С-2.216], мангул [М-1.1.69,71,89,138,165], мангыт [М-1.1.164,165], сакалат [М-1.1.162], солоон [М-1.1.202; М-1.2.23,123,155,237; С-1.91,107], таажик [М-1.1.169], татала [М-1.1.149], тарса [М-1.1.149,158,162,165], тыргоот [М-1.1.8,9,28; М-1.2.23,155,237], чымачын [М-1.2.35,55], шибээ [М-1.1.14,53; М-1.2.22,28,123; С-1.91.107], унду [М-1.1.149].

4. Те племена и народы, которые в эпосе иногда называются киргизскими, а иногда вражескими:

жедигер как киргизское племя [М-1.1.149,165; М-1.2.20], жедегер как вражеское племя [М-1.1.14; М-1.2.140; С-1.153.195...; С-2.4,5...], койгут как киргизское племя [М-1.1.8,77,82,108,185; М-1.2.18,26,293], койгут как союзное с жедегером вражеское племя [С-1.140,143,144...], ойрот в значении как весь народ или киргизский народ [М-1.1.49; М-1.2.89,108...; С-1.91.174], ойрот в значении враг или калмакский народ [М-1.1.65; М-1.2.77,108,108; С-1,151], калча - как киргизское племя [М-1.1.59,148; М-1.2.137], калча - как вражеское племя [М-1.1.162,164,165,258];

С-1.1457. Как видно из приведенного списка почти все эти этнонимы являются названиями исторически существовавших племен и народов, каждый из которых сыграл определенную роль в различных этапах истории киргизов. Некоторые из них, в особенности племена включенные в первую группу впоследствии приняли непосредственное участие в формировании киргизского народа.

Особый интерес представляют этнонимы выделенные нами в третью и четвертую группы, так как среди них фигурируют имена каракытай (кидани), шибээ (шивэй) и солоон, первое из которых уже с появлением империи монголов сошло с политической арены Центральной Азии и растворилось среди других тюрко-монгольских народов, а двух последних от современных киргизов отдалают громадные географические расстояния. Хотя некоторые группы солонов и сибо были переселены из Маньчжурии китайцами в 1810 г. в Восточный Туркестан для укрепления западной границы Китая², где киргизы могли с ними столкнуться, но один из ранних вариантов "Манаса", зафиксированный в сочинении XVI в. "Маджму ат-Таварих", исключает возможность появления этнонимов шибээ и солоон в киргизском эпосе только в XIX в. Ибо согласно сведениям "Маджму ат-Таварих" уже по крайней мере к началу XVI в. главными врагами манаса, кроме калмаков, были солон и шива.³ Там же упоминаются каракытай как завоеватели Средней Азии. В этой связи следует особо подчеркнуть тот важный факт, что в некоторых рассказах "Манаса" каракытай локализируются в верховьях реки Амура [М-1.2.73], т.е. там, где они обитали в начале X в. О более ранних связях киргизов с племенами шивэй сведений источников очень мало. Как известно из сообщений китайских источников, конфедерация протомонгольских племен шивэй, являлась самостоятельной ветвью киданей, а их предками были диндины.⁴ В 847 г. была отмечена крупная война между шивэй и енисейскими киргизами.⁵ Позже, в 924 г. войска нового государства киданей разбили киргизов и изгнали их из Монголии обратно в Сибирь.⁶ О взаимоотношениях киргизов с солонами достоверных сведений источников пока не имеется. Г.В.Мелихов на основе новейших исследований китайских и маньчжурских источников подчеркивает, что к началу XVII в. солонны обитали в верховьях Амура, т.е. на самых северо-западных районах расселения маньчжурских племен.⁷

Сопоставление вышеприведенных сведений "Манаса", "Маджму ат-Тавариха" и китайских источников о взаимоотношениях киргизов с киданями (каракытаями), шибээ (шивэй) и солонами дает нам

основание утверждать, что этнонимы каракытай, шибээ и солоон как названия враждебных народов в "Манас" вошли не позже конца XV - нач.XVI вв. Следовательно, с этими этнонимами в киргизском эпосе связаны события более отдаленной давности, очевидно, имевшие место в Центральной Азии в IX-XV вв.

Меньший интерес вызывает этноним жедигер, происхождение которого эпическое предание прямо связывает с шибээ, называя их обоих калмаками, т.е. монголоязычными народами:

Ай, жарыктык Ак-Талаа,	О, чудесная [земля] Ак-Талаа,
Бабабыз баскан жер эмес,	Здесь не ступали ноги наших дедов,
Жедигер, шибээ, коп калмак	Многих калмаков, жедигер и шибээ
Кети ата коргон эл эмес.	Никогда не видели и наши предки

[М-1.1.14]. А в другом месте в связи с более поздними событиями, во время которых жедигеры уже вошли в состав киргизов, рассказывается об истреблении этого племени Манасом вместе с племенем шыба (шибээ?) [М-1.2.140]. Если к сказанному добавить зафиксирование в конце XIX в. в составе киргизского племени жедигер крупного рода Минг-Кытай, становятся очевидными какие-то отдаленные связи этого племени с каракытаями и шивэй. На наш взгляд, наиболее вероятным предком киргизского племени жедигер является известное и в монгольскую эпоху племя джаджерат (окончание -ат - показатель множеств. числа), которое впервые встречается в источниках вместе с племенем шивэй как название одного из племен киданей, расселенного в ту эпоху в верховьях рек Онона и Керулена.⁸

Приведенные нами этнонимы и некоторые сообщения киргизского эпоса об этих племенах ясно показывают, что сведения "манаса" относительно каждого из этих этнонимов при сопоставительном изучении их с имеющимися данными исторических хроник, могут служить как интересный источник по этнической истории не только киргизов, но и других народов и племен, с которыми предки киргизов когда-то поддерживали дружественные или враждебные отношения.

¹ С.М.Абрамзон, К семантике киргизских этнонимов, - СЭ, 1946, № 3, с.124.

² R.Shaw, The history of the khojas of Eastern Turkistan... Supplement to the Journal of the Asiatic society of Bengal, vol. LXVI, part I. Calcutta; 1897, p.64.

³ "Собрание историй". Маджму ат-Таварих. изд. А.Т.Тагирджанова, Л., 1960, лл. 46б, 50а, 53б, 54а, 60а.

4 P.Ratchnevsky, Les Che-Wei étaient-ils des Mongols? - "Mélanges de Sinologie", I, Paris 1966, p.225.

5 Op.cit.,p,230.

6 L.Hambis, La Haute-Asie. Paris 1968, p.50.

7 Г.В.Мелихов, Манчжуры на Северо-Востоке [XVII в.], М., 1974, с.48-53.

8 K.Wittfogel and Fënd Chia-shêng, History of Chines Society: Liao (907-1125), Philadelphia, 1949, p.95.

Принятые сокращения

М-1.1. Манас, т.1, кн.1, Фрунзе, 1958.

М-1.2. Манас, т.1, кн.2, Фрунзе, 1958.

С-1. Семетей, Фрунзе, 1959.

С-2. Сейтек, Фрунзе, 1960.

А.Г.Сазыкин

СУД ЭРЛИГ-ХАНА И СОЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В МОНГОЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ "НАРОДНОГО БУДДИЗМА"

Среди многочисленных произведений тибето-монгольской дидактической литературы "народного буддизма", основной задачей которой являлась пропаганда основ буддийского учения о нравственности, найдется не так уж много сочинений, где помимо традиционных однообразно-назидательных сентенций содержалась бы критика вполне конкретных социальных негативных явлений и подобная критика, к тому же, облекалась бы в занимательную художественно-повествовательную литературную форму. Весьма характерным и ярким примером литературы подобного рода может служить "Повесть о Чойджид-дагнин" - сочинение широко распространенное и очень популярное в Тибете и среди монгольских народов, в котором на протяжении более чем четырехсотлетнего бытования в устной, письменной и сценической традиции очевидны существенные изменения критериев оценки значимости тех или иных компонентов содержания и где особенно отчетливо прослеживается развитие и трансформация социальной критики применительно к условиям монголь-

ского феодального общества XIX века. Наибольший интерес с этой точки зрения имеет описание сцен суда Эрлиг-хана над душами умерших, где согласно первоначальному тибетскому варианту среди 12 персонажей, проходящих перед престолом грозного судьи, появляются наиболее типичные представители общества того времени. Выразительные рассказы умерших о своей прошлой жизни, наряду с красочными детализированными описаниями, которые во всех случаях наглядно рисуют внешний облик каждого из них и потому вполне определенно указывают на характер представляемых образов, позволяют в какой-то мере воссоздать картину жизни и общественных отношений, а также выявить наиболее характерные социальные пороки, которые персонифицированы в образах этих умерших. В этих сценах суда объектом критики становятся самые различные явления общественной жизни, в том числе и религиозной жизни, причем, как отмечает В.Хайсиг, в приговорах владыки ада "очевидна особенно суровая оценка представителей ламаистского духовенства".¹ Действительно, в 12 сценах суда появляются 6 монахов и монахинь, из коих четверо осуждены по разным причинам на страдания в аду. Столь резкая критика буддийского духовенства, содержащаяся в повести, создает определенный диссонанс в монголоязычной литературе "народного буддизма", в которой неизменно подчеркивалось огромное значение ламы в деле спасения верующих и всячески поддерживался авторитет буддийского духовенства. Однако появление подобной критики в "Повести о Чойджид-даггине" предопределено вполне конкретными историческими условиями, сложившимися в Тибете в период, когда было создано это произведение.

Нам неизвестна точная дата создания "Повести о Чойджид-даггине", однако установлено, что впервые она была напечатана ксилографическим способом в Тибете уже в 1534 г., т.е. примерно столетие спустя после смерти Цзонхавы (1419 г.), с чьим именем связаны важные реформы буддийской церкви, значительное место в которых занимало введение строгих правил жизни монашеской общины, необходимость которых была вызвана крайне низкой степенью нравственности буддийского духовенства в то время. Монахи большинства тибетских сект предавались пьянству, лени, разврату и всяческим развлечениям, противоречившим духу буддийского учения; молебствия совершались от случая к случаю, к учению Будды применялось учение секты бон и "таким образом буддизм испустился почти до степени шаманства".² Страшиться по стране из од-

ного монастыря в другой, Цзонхава, без сомнения, хорошо представлял создавшееся положение и результаты, ставших уже обычными, нарушений основных нравственных заповедей буддизма и потому "вся энергия и сила деятельности Цзонхавы за это время была направлена против духовенства; он старался своим убеждением действовать только на это разнузданное и невежественное сословие, доведшее буддизм в Тибете до крайней степени падения".³ Эта активная и непримиримая борьба Цзонхавы с распущенностью духовенства имела, несомненно, широкий резонанс во всем Тибете и содержащееся в повести резкое осуждение пороков буддийского духовенства своим происхождением обязано именно этим событиям и имеет исторически четко определенную направленность.

Критика негативных социальных явлений оставшаяся без каких-либо изменений и дополнений во всех, известных нам, тибетских вариантах "Повести о Чойджид-дагине" и в таком же первоначальном виде сохраненная в некоторых монгольских переводах этого сочинения, в двух монгольских версиях получила, однако, дальнейшее развитие. Причем, в этих монгольских версиях появляются совершенно новые, не имеющие аналогий в первоначальном варианте, социальные типы, в которых реализованы два четко выраженных социальных заказа. Одна из версий представлена в рукописных собраниях ЛО ИВ АН СССР рукописями F 76 и F 140. В этих южномонгольских рукописях в первой из двух дополнительных глав появляется нарядно одетый гэбкуй, который по повелению Эрлиг-хана приговорен к длительному страданию в аду за то, что при жизни он притеснял, избивал и морил голодом простых монахов. В отличие от первоначального варианта повести, где речь всегда шла просто о монахах, без указания их статуса в системе буддийской иерархии, в южномонгольской версии объектом критики становится уже представитель буддийской церкви, занимающий высокое положение в управлении буддийских монастырей. Видимо не случаен и сам выбор должности гэбкуя для критики представителей правящей верхушки монастырей и монастырских порядков, поскольку именно гэбкуй должен следить за нравственностью членов монастырской общины и пресекать малейшие нарушения дисциплинарных установлений буддизма, являясь, таким образом, олицетворением законности и порядка. Во второй дополнительной сцене южномонгольской версии изображен нойон (князь), который также отправлен в "ужасный ад" за то, что заставлял "печалиться и страдать" многих из своих подданных, а также бросал в тюрьмы как мирян, так и духовных лиц. В этих двух дополнитель-

ных сценах достаточно определенно выражены настроения низших слоев ламства и мирян, осуждавших притеснения со стороны церковных и светских феодалов и отражена, таким образом, демократическая направленность критики социального гнета и несправедливости монгольского феодального общества.

Совершенно иные тенденции характерны для халхаской версии "Повести о Чойджид-дагине". Интерполяции этой поэтической версии включают три сцены, в первой из которых появляется буддийский монах, но это, в отличие от южномонгольской версии уже простой монах, не занимающий сколь-нибудь высокого положения в буддийской иерархии. Вина его состояла в том, что, оставив монастырь, он занялся врачеванием и совершением всяческих обрядов, извлекая из этого занятия большую для себя выгоду. Кроме того, зеркало и книга судеб показали, что во время своей внемонастырской деятельности этот монах совершал также грабежи и воровство. Включение этого явления (уход из монастыря и бродяжничество) в список дел греховных отражает, без сомнения, политику китайской администрации по отношению к буддийской церкви в Монголии. В Уложениях Китайской Палаты Внешних Сношений от 1789 и 1815 гг.⁴ вполне определенно выражено стремление китайских властей к ограничению "слишком большого увеличения ламаитского духовенства (нередко бродячего и не всегда отличающегося строгостью нравов)..."⁵.

Китайское влияние наиболее явно выразилось, однако, в следующей дополнительной сцене халхаской версии, где изображен одетый в синий шелковый халат молодой чиновник Министерства Внутренних Дел времен Сунской династии (960-1280 гг.). Этот чиновник сообщает, что при жизни он неуклонно исполнял императорские законы и стремился принести наибольшую пользу государству. Когда зеркало и книга судеб в полной мере подтвердили это, чиновнику было позволено отправиться в священные обители для перерождения сыном тенгрия.

В третьей вставной главе халхаской версии "Повести о Чойджид-дагине" описывается, как эрлиги приводят к престолу владыки ада старую сводницу и проданную ей девушку. Эта сцена, по словам В.Хайсига, представляет "изображение обычаев, векам культивируемых в Китае", а в XIX в. это социальное явление стало актуальным и для южной Монголии "где имели место случаи торговли девушками, как, например, продажа девушек и женщин из Чахар и области Дариганга в западную Монголию".⁶

Причины появления в "Повести о Чойджид-дагине" резкой критики буддийского духовенства, исторически обусловленной острыми противоречиями и борьбой, сопровождавшими реформы тибетской церкви, осуществленные в XV в. Цзонхавой, в значительной мере затухали в Монголии, воспринявшей буддийское учение уже в реформированном, законченном виде и потому, содержащееся в повести осуждение недостатков религиозной жизни расценивалась там как общая антиклерикальная тенденция, которая и получила дальнейшее развитие в монгольских версиях XIX в. Композиционные возможности повести были использованы для критики и иных, актуальных для Монголии XIX в., социальных недостатков, причем в монгольских версиях очевидны демократические и официальные истоки критики и показательно, что именно халхаская версия, содержащая наряду с критикой социальных пороков также несомненную апологию китайского правления, была издана ксилографическим способом в ургинском монастыре — местопребывании Джебцун-дамба хутухты, главы буддийской церкви северной Монголии.

¹ W.Heissig, Geschichte der Mongolischen Literatur, B.I, Wiesbaden, 1972, S.129.

² К.Ф.Галстунский, Монголо-ойратские законы 1640 г., СПб., 1880, с.87.

³ Там же, с.82-83.

⁴ С.Липовцов, Уложение Китайской Палаты Внешних Сношений, т.2, СПб., 1828, с.224-226.

⁵ В.А.Рязановский, Монгольское право, Харбин, 1931, с.86.

⁶ W.Heissig, Geschichte ..., S.130.

О.И.Смирнова

СОГДИЙСКИЕ МОНЕТЫ С ИМЕНЕМ ФАРНБАГА

К числу интереснейших согдийских монет с лицевыми изображениями относится небольшая недавно выделенная разновременная их группа, экземпляры которой найдены в разных местах, в основном на пенджикентском городище в верховьях Зеравшана, одна на го-

мце древнего Самарканда — Афрасиабе, и одна на городище древних Кувы в Фергане.

Выделенную иконографически разнотипную группу монет с именем Фарнабага, кроме имени божества, объединяют варианты одного его же знака, имеющего общую основу с эфталито-пенджикентским, условно названного нами лирообразным. Простейшие представлены двумя из них и . Этот знак (его варианты) объединяет между собой серию разновременных монет. Надписи, содержащие имя божества Благоденствия, именуемого согдийцами, судя по этапам, Фарнабаг (𐭆𐭀𐭃𐭅𐭆𐭀𐭄), божество "Фарро" в надписях на кусских монетах, окружают знаки. На другой стороне монет с именем этого божества даны, очевидно, его изображения и, возможно, изображения его служителей, в разных головных уборах (СК №№ 1472-8)¹. У последних это колпак типа башлыка, спускающегося сзади плечи и оставляющего свободными уши (СК №№ 1472 и 1473), также типа как у терракотовых головок воинов с афрасиабского ордена, и близко напоминающий остроконечный мягкий, очевидно, лощеный колпак терракотовой головки из Халчиана. У других головные уборы имеют форму полусферы и переданы полукругом, двойными или одинарными (на монетах деградировавшего типа), более или менее плотно охватывающим голову и заканчивающимся внизу петлеобразными выступами, оставляющими открытыми уши (СК №№ 1474, 8, 1477 и 1480; 1475 и 1476). Что касается последних, то такие аналогии для них дают головные уборы в форме полусфер терракотовых статуэток кушанского времени, исследованных и описанных А.М.Мандельштамом.²

При взгляде на такие монеты прежде всего бросается в глаза своеобразная техника передачи лиц, овалы которых подчеркнуты подобразными валиками, обобщающими щеки и подбородок, иногда грубо, иногда грубо — в зависимости от типа монеты. Эта особенность монет не может быть объяснима примитивностью техники обработки, так как надписи и другие детали на тех же монетах, равно как и сами изображения в целом, свидетельствуют о технике работы и о почти ювелирной работе мастера. Для последней особенно характерны удивительно изящно выполненные головки в башлыкообразном колпаке и с воротом, уложенным мягкими складками (СК №№ 2 и 1473). Наоборот, две другие головки в полусферических головных уборах (СК №№ 1475 и 1476) неприятно удивляют схематизированностью грубо оконтуренных лиц, черты которых переданы иконографически "налепами", отнюдь не оправданными таким материаль-

лом, как металл, и характерным для глины ручной лепки, в частности для терракотовых статуэток тюркского времени³. Очевидно, что мастер, изготовлявший монеты, выбирал за образец головки терракотовых статуэток, традиционно установившейся в его время формы, для которых был выработан штамп, воспроизводимый им в металле, пожалуй, без каких-либо попыток художественного оформления в связи с новым материалом. Так, изящные головки персонажа в башлыкообразном колпаке на монетах находят себе близкую аналогию в терракотовой головке так называемого воина из собрания Гос.Эрмитажа, отличаясь от последней, пожалуй, только отсутствием усов.⁴

К иной подгруппе монет принадлежит великолепный, но, к сожалению, плохо сохранившийся уникальный экземпляр ферганских монет, обнаруженный В.А.Будатовой во время раскопок на городище древней Кувы (СК № I434). Бесстрастное лицо изображенного на ней персонажа в роскошном медальоне из крупных перлов, дано в манере характерной для буддийской иконографии (рис. I). Его голову свободно

Рис. I

охватывает убор в форме двойной полусферы, с петлеобразными выступами внизу, отходящими от лица и открывающими уши, украшенные драгоценными подвесками: на шее ожерелье, лоб стянут каким-то драгоценным украшением, из-под которого выступает челка (?). В целом его образ в медальоне из крупных перлов художественно отчетливо вписывается в постепенно вырисовывающийся богатый декор древней Кувы с ее храмовым

комплексом.⁵ Последнее, равно как и обстоятельства находки самой монеты, позволят считать ее единственной представительницей местных монетных выпусков, предшествующих по времени характерным для позднейшей Кувы тюрко-согдийским монетам ферганских хаканов и тутуков (СК № I437-1449). Особого внимания заслуживает иконография монет группы, фасовые изображения божества на которых, покрывающие монетное поле, представляют местную трактовку античных горгоней (масок), так же, как и, видимо, некоторые терракотовые головки, происходящие с городища Афрасиаб.⁶

Еще одна монета с головкой и башлыкообразным колпаке и широкообразным пенджикентским знаком простейшей формы (не вошедшая в число описанных автором в сводном Каталоге согдийских монет), хранится в фондах Самаркандского краеведческого музея (Н IOI85).

Другая той же серии обнаружена на Афрасиабе в 1968 г. в одном горизонте с монетами согдийского царя Шашпира (первая или вторая четверть III в.) и соответственно датируется археологами. В отличие от остальных монет этой серии, по обеим сторонам головки на афрасиабской монете в качестве дополнительного элемента типа нанесены два креста, в чем исследователи усматривают непосредственное влияние византийской монетной иконографии⁷. Такой же христианский символ, т.е. крест, нанесен на другой монете группы внутри монетного знака.

Место выпуска монет с именем Фарнбага, кроме Ферганской, точно не установлены. Судя по местам находок, они, очевидно, разные.

В монетных надписях непосредственно за именем Фарнбага следует еще одно слово - третье разное на разных монетах, чтение которого достоверно не установлено. На одной из них это N'R или ḡ'r(D'R ?) и надпись в целом можно соответственно читать $\text{r}\bar{\text{r}}\bar{\text{n}}\bar{\text{b}}\bar{\text{a}}\bar{\text{g}}\ \text{N}'\text{R}/\ \bar{\text{g}}'\text{r}$. В таком случае она должна содержать не просто имя божества, а вероятнее всего согдийское название священного огня, посвященного последнему, дословно "Огонь Фарнбага", или его храма. Менее вероятно видеть в третьем слове надписи согдийскую передачу тюркского $\text{da}\bar{\text{y}}$ "клеимо". В любом случае повторяющееся в надписях имя божества, при отсутствии другого, позволяет думать, что монеты с такими надписями выпускались в честь божества - покровителя города, образ которого или храмовых его служителей (в традиционных войлочных шапках) помещался на аверсе монет. Разные лицевые изображения на согдийских монетах с именем Фарнбага равно должны указывать на распространенность его культа в Средней Азии, тогда как его имя на кушанских монетах свидетельствует о существовании его храмов в Бактрии. Как известно, один из четырех главных священных огней зороастрийцев - огонь жрецов, переносившийся, согласно письменной традиции, из Хварезма в Кабулистан и Фарс, носил два названия $\bar{\text{A}}\text{tur Farnbāg}$ и $\bar{\text{A}}\text{tur X}^{\text{v}}\text{arr}$, очевидно, в зависимости от своего местонахождения и принадлежности.⁸ Первое из них - восточное, $\bar{\text{A}}\text{tur Farnbāg}$ соблазнительно сопоставить с названием священного огня $\text{r}\bar{\text{r}}\bar{\text{n}}\bar{\text{b}}\bar{\text{a}}\bar{\text{g}}\ \text{N}'\text{R} (?)$ надписи на согдийской монете, если предложенное ее чтение подтвердится.

О том, что в Средней Азии храмы, посвященные божеству Фарнбагу, в VI-III вв. существовали, свидетельствуют монеты. Можно ли говорить о них как о монетах храмовых - вероятно. В этой связи определенный интерес представляет тюрк-согдийский над-

чекан $\beta\gamma\delta\epsilon$ на среднеазиатских эфталитских серебряных монетах, выпускавшихся в подражание сасанидским, и представляющий, на наш взгляд, греч. тюркское соответствие согдийскому * $\beta\gamma\delta\epsilon$ из скр. *vihāga*, означающего в частности, буддийскую монашескую обитель, буддийский храм вообще.⁹ Название последнего, как известно, закрепилось в раннем средневековье в Хуттале за поселением, сейчас известным под названием Пархар или Фархар (согд. * $\beta\gamma\delta\epsilon$). в котором, очевидно, находился такой храм. Что именно подразумевает надчекан на монетах — название поселения или собственно храм, решить сейчас трудно, но одно несомненно: роль храма в районе была немаловажной. Монетные надчеканы, как известно, санкционировали местное обращение тех или иных монет в соответствующих районах. Такое их назначение на эфталитских монетах бесспорно определяет поставленный на других таких же монетах арабский надчекан из одного слова *حائز*, т.е. **جائز* "дозволенный", в смысле "дозволенный к обращению". Таково же, очевидно, было назначение и ряда других согдийских надчеканов на таких же монетах: $\delta\epsilon\zeta\eta\theta\iota$ "Бог-Творец" и $\beta\gamma\delta$ "Бог" на одних и титулы $\chi\omega\beta$, $\gamma\delta\epsilon$ "хакан" и $\tau\kappa\upsilon(\upsilon)\eta$ "тегин" на других, а также и раннеарабских, фиксирующих одновременно и время обращения таких монет.

¹ Издание пяти таких монет, происходящих с Пенджикентского городища, см. О.И.Смирнова, Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963, № 786, 187, 788 и 789, ср. 790 (табл. XIX) и (ниже) прим. 7. СК — условное обозначение Сводного каталога позднесогдийских монет, подготовленного автором статьи (печатается).

² А.М.Мандельштам, К вопросу о хронологической классификации древних терракот Согда. — Искусство таджикского народа. Вып. 2. Труды ИИ АН Тадж.ССР, 1960, т. XXIX, с. 143-159.

³ Ср. В.А.Мешкерис, Терракоты Самаркандского музея (Каталог). Л., 1962, табл. XI.

⁴ Camilla Trever, Terracottas from Afrasiab. М.-Л. 1934, № 94 (Эрм. 8647), а также № 183 (Эрм. 8297).

⁵ В.А.Булатова, Древняя Кува. Ташкент, 1972, стр. 51-94 (культурный комплекс VII в.).

⁶ Camilla Trever, Terracottas from... № 68 (Эрм. 8712), 69 (Эрм. 8710) и 78 (Эрм. 8715).

7 Э.В.Ртвеладзе и Ш.С.Ташходжаев, Об одной тюрко-согдийской монете с христианскими символами. - Византийский временник, т.35 (1978 г.), с. 232-234. Там же о тамге "в виде скорпиона", характерной, по словам авторов, для монет тюркских правителей.

8 вопросу посвящена специальная статья, см. G.Gnoli, La sede orientale del fuoco Farnbäg. - Rivista Degli Studi Orientali, vol.XL, 1965, p.301-311. Там же литература.

9 Robert Göbl, Documents zur Geschichte der iranischen Hunnen in Bactrien und Indien, von... , Band I-IV, 1967, Wiesbaden. См. Band IV, tabl. 8,42 (*جايز), tabl. 9,88 (prğ'r), они же tabl.12,88 (prğ'r), tabl. 13,42 (*جايز).

Т.И.Султанов

ТЮРКСКИЕ ПЕРЕВОДНЫЕ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Тюркские переводные сочинения средневековья еще не стали объектом всестороннего рассмотрения, и нерешенных вопросов, связанных с памятниками переводной литературы, достаточно много. Что и как переводили? Чем вызывался интерес к тем или иным типам сочинений, равно как к отдельным произведениям? Остаются не выясненными культурно-исторические причины развития переводной литературы в тот или иной период; связь переводных произведений с общими проблемами эпохи; идейная значимость и роль переводной литературы в истории письменной культуры; отношение переводов к своим оригиналам, равно как особенностей и степень сходства разных переводов, восходящих к одному оригиналу. Немало проблем связано с деятельностью и самих переводчиков. Ответ на эти вопросы может быть дан лишь после того, как средневековая переводная литература будет подробно изучена в своем составе, в своих функциях и каждый жанр этого типа памятников станет предметом основательно-го историко-литературного и источниковедческого исследования.

В данном случае изучение материалов переводных исторических сочинений тюркского фонда рукописного отдела ИВ АН СССР, сопоставленных с материалами каталогов других рукописных коллекций позво-

ляет высказать следующие положения.

Появление и последующее развитие турецкой переводной исторической литературы по времени совпадает с возникновением и политической стабилизацией собственно турецких государственных образований, началом проявления в интеллектуальной сфере признаков общетурецкого этнического самосознания и острого интереса к своему историческому прошлому, что может быть зафиксировано уже для XV в.; это совпадает также с появлением и развитием турецкой оригинальной историографии, что и должно было бы иметь место во второй половине XV — начале XVI вв. Турецкие переводы исторических сочинений более раннего времени были эпизодичны, случайны и не связаны с указанными явлениями.

Богатейшей книжной сокровищницей, из которой туркоязычные авторы черпали свои все новые и новые произведения, была араб- и персоязычная историческая литература; при этом персоязычная литература в ряде случаев выполняла роль посредника между арабоязычной литературой классического периода и позднесредневековой турецкой литературой. Формы освоения араб- и персоязычной литературы были разнообразными — от текстуального, хотя почти всегда неточного, перевода целых сочинений до перевода-обработки отдельных частей и фрагментов оригинала, обладавших с точки зрения переводчиков (заказчиков) своим собственным значением.

Весьма трудоемкая и требующая особой подготовки переводческая работа выполнялась, как правило, профессиональными писателями — историками и поэтами, но лиц, для которых перевод являлся бы единственным видом литературного творчества или общественной деятельности, видимо, не было. Сами переводы расходились в незначительном числе списков, о чем свидетельствуют случаи, когда одно и то же сочинение переводилось несколько раз в разных регионах или даже в одном и том же регионе.

Социальный состав заказчиков переводных сочинений был разнообразным, но с очевидным преобладанием лиц, занимавших высокое общественное положение.

Читательская аудитория также была социально разнородной, но в ней преобладающее большинство составляли люди среднего сословия, о чем свидетельствуют как авторские мотивировки побудительных причин переводов, — сделать иноязычное сочинение доступным "всем туркам" и т.п., — так и жалобы самих переводчиков на недостаточное развитие читателей.

При изучении состава переводной письменности можно выделить, по меньшей мере, две причины, определявшие выбор оригинала, а

именно: 1) нужды и запросы местного культурного развития; 2) исторически возникший интерес самих турков к письменно зафиксированным генеалогиям турко-монгольских племен и династий. Следует учитывать также стремление к осознанию в новых условиях места и значения тюркских племен и народностей во всемирно-историческом процессе, как это трактовалось иноязычными историческими источниками, стремление, вызванное к жизни властной потребностью создания собственной историографии, составной частью которой и явились переводы.

Переводы иноязычных исторических сочинений, таким образом, знакомили турков, с одной стороны, с их собственной историей и историческим прошлым страны, где они установили к тому времени свою династию, а с другой, обогащая знаниями о прошлых эпохах, устанавливали генеалогическую и историческую связь прошедшего и настоящего и создавали тем самым преемственность идей и культурно-исторических традиций.

Э.Н.Темкин

КОММЕНТАРИЙ ПАТАНДЖАЛИ НА СУТРУ ПАНИНИ У, 33, 99

В комментарии Патанджали на Р.,У,3,99 сказано: "arāṇya ity-ucyate tatredaṃ na sidhyati. śivaḥ akando viśākha iti. kim kāraṇam. mauryair hiraṇya-arthabhir arcāḥ prakalpitaḥ . bhavet tāsu na syāt. yās-tv-etāḥ samprati-pūjā-arthās tāsu bhaviṣyati"¹

Исследователи давно заметили, что этот текст Патанджали содержит ценную для историка информацию. Особенно их заинтересовала фраза, в которой упомянуты Маурьи. Было предложено несколько толкований этой фразы:

- 1) "The Mauryas wanted gold, and therefore established religious festivities";²
- 2) "... Маурьи, желая получить золото, сделали изображения";³
- 3) "... Маурьи, желая получить золото, установили изображения".⁴

Нам представляется, что эта фраза Патанджали - "mauryair hiranyārthabhir arcāḥ prakalpitāḥ" - и вместе с ней весь текст комментария Патанджали могут быть прочитаны вполне однозначно. Сутра Панини У,3,99 гласит: "jīvikārthe sa arāḥ", т.е. " [При образовании имен, обозначающих изображения тех предметов], которые могут служить средством пропитания, но не подлежат купле-продаже, [аффикс "kan" опускается]".⁵ Она содержит, как видим, исключение из правил употребления вторичного (taddhita) именного словообразовательного аффикса "kan" (=ka), обладающего широким диапазоном значений.⁶

Патанджали комментирует только слово "arāḥ". Он говорит: "Не подлежащий купле-продаже", - так сказано там. [Однако], это не подтверждается [действительностью]. Ведь, Панини] имеет в виду [такие имена, как] Шива, Сканда, Вишакха [и т.п.]. Но, почему? [Ведь], Маурьи, алчущие золота, arcāḥ prakalpitāḥ..."

Здесь мы остановимся и прежде, чем продолжить перевод высказывания Патанджали, суммируем ту информацию, которую позволяет получить уже известный нам контекст Панини - Патанджали. Из этого контекста необходимо следует: 1) предметы, которые Панини определил как "jīvikārtha" и "arāḥ", носят имена богов; 2) эти предметы суть некие изображения богов; 3) в образовании имен, обозначающих изображения богов, аффикс "kan" во времена Панини не участвовал, и изображение Шивы, к примеру, именовалось Шивой же, но не Шивакой; 4) изображения богов могли служить источником пропитания; 5) но вместе с тем они не могли быть и не были во времена Панини (У в. до н.э.) предметом купли-продажи; 6) в эпоху Патанджали (II в. до н.э.) изображениями богов уже торговали: "arāḥ... idaṁ na sīdhyati", - утверждает Патанджали и ссылается при этом на некие деяния Маурьев, "алчущих золота"; 7) эти деяния, несомненно, имели отношение к торговле изображениями богов.

Если учесть при этом, что в специальных текстах по изобразительному искусству, т.е. в текстах śilpaśāstrīm, arcā=pratimā=изваяние, статуя, скульптура, а корень praklṛp выступает в них в одном синонимическом ряду с klṛp и kṛ в значениях "делать, изготавливать, создавать, формовать, конструировать"⁷ и т.п., то толкуемая фраза Патанджали может быть прочитана следующим обра-

зом: "[Ведь], Маурьи, алчущие золота, изготовляли изваяния [богов для продажи]".

Нагоджибхатта, авторитетный истолкователь Патанджали и Кайяты, убедительно подтверждает сказанное: "mauryā vikretum pratimā-śilpavantas tair arcāḥ kalpitāḥ vikretum iti śeso." т.е. "Маурьи, чтобы торговать, имели мастеров ваяния. Те [мастера] делали изваяния [богов] для продажи. Таков смысл [высказывания Патанджали]".⁸

Теперь становится и очевидным, и понятным тот очень содержательный для историков сарказм, которым пронизаны заключительные фразы комментария Патанджали - "... bhavet tāsu na syāt. yās-tv-etāḥ sampratī-pūjā-arthāś tāsu bhaviṣyati", т.е. "Ну, что ж, [значит, при образовании имен] тех [изваяний богов, которыми торгуют, аффикс "kan "] употреблять нельзя, [а при образовании имен] тех [изваяний богов], которые служат предметом [не торговли], а великого почитания [и в то же время являются средством пропитания, видимо], - можно".⁹

Здесь Патанджали различает два рода изваяний богов: 1) изваяния, которыми, вопреки традициям и совершая кощунство, торговали Маурьи; 2) изваяния, которые служили объектом великого почитания истинно верующих людей и в то же время служили средством пропитания, sampratīpūjārthā [arcāḥ], как именует их Патанджали.

Кайята объясняет, каким образом и кому эти sampratīpūjārthā [arcāḥ] могли доставлять средства к жизни: "yās-tv-etā iti. yāḥ pariḡṛhya ḡṛhād ḡṛham atanti. tāsv-ity-arthah", т.е. "Вот те, которые" [у Патанджали] - это те [изваяния богов], с которыми ходят от дома к дому, [прося милостыню, нищенствующие брахманы]".¹⁰

Приведем теперь в переводе весь текст комментария Патанджали полностью: "Не подлежащий купле-продаже", - так сказано там. [Однако], это не подтверждается [действительностью]. Ведь, Панини] имеет в виду [такие имена, как] Шива, Сканда, Вишакха [и т.п.]. Но, почему? [Ведь], Маурьи, алчущие золота, изготовляли изваяния [богов для продажи]. Ну, что ж, [значит, при образовании имен] тех [изваяний богов, которыми торгуют, аффикс "kan "] употреблять нельзя, [а при образовании имен] тех [изваяний богов], которые служат предметом [не торговли], а

великого почитания [и в то же время являются средством пропитания, видимо], - можно".

Суммируем в заключение те существенные и достоверные данные, которые позволительно извлечь из приведенного выше текста Патанджали: 1) Маурьи содержали мастеров вааяния и поставляли продукты их труда - статуи богов - на рынок; 2) Маурьи торговали статуями богов вопреки традициям, зафиксированным в грамматике Паньини, и эта торговля еще во времена Патанджали воспринималась брахманством как святотатство; 3) Эта торговля, несомненно, была существенна для финансовой политики Маурьев.

И, наконец, последнее соображение. - В средневековых текстах śilpāśāstr'и также именны образования, как śivaka , vāsudevaka и т.п., используются уже как вполне допустимые обозначения изображений (в том числе статуй) соответствующих божеств.^{II} Очевидно, торговля статуями богов при Маурьях и последующая социальная практика сделали свое дело, и это нашло свое отражение в языке. Но отсюда необходимо следует, что способ образования имен, обозначающих изображения богов, может служить немаловажным средством относительного датирования санскритских текстов.

¹ Patanjali's Vyākaraṇa-Mahābhāṣya. Ed. by F.Kielhorn, Bombay, 1883, vol.II, с. 413.

² Th.Goldstücker, Pāṇini : his place in Sanskrit Literature, Allahabad, 1914, с. 176.

³ A Comprehensive History of India, vol.II, Calcutta, 1957, с. 61; Г.М.Бонгард-Левин, Г.Ф.Ильин, Древняя Индия, М., 1969, с. 272.

⁴ Г.М.Бонгард-Левин, Индия эпохи Маурьев, М.,1973, с. 194, 290. Ср. также Н.Р.Гусева, Индуизм, М.,1977, с. 212.

⁵ Pāṇini, Aṣṭādhyāyī, ed.by Sh.Ch.Vasu, Benares, 1897, 975 (V, 3, 99).

⁶ Так, aśva (лошадь) + kan (ка)= aśvaka: 1) лошаденка; 2) кляча; 3) изображение (изваяние) лошади и др. Подробнее о семантике аффикса "kan" см. Pāṇini , цит. соч., с. 974-975/У, 3, 95-100).

⁷ См. Viṣṇudharmottarapurāṇa , III, 2 и др.; JOS, NCXXX, Baroda, 1958; Agnipurāṇa, XLIV-LV, Calcutta, 1873; Varāhamihira, Brhatsamhitā, 58, Calcutta, 1865; Amarakośa, II, 30, 36, Bombay, 1907; P.N. Bose, Principles of Indian Śilpaśāstra, Lahore, 1926.

⁸ Nāgojibhaṭṭa , Mahābhāṣya-pradīpa-uddyoṭa, цит. по Th. Goldstücker, цит. соч., с. 176, прим. N 266.

⁹ Ср. Th. Goldstücker, цит. соч., с. 176.

¹⁰ Kaiyaṭa, Mahābhāṣya-pradīpa , цит. по Th. Goldstücker, цит. соч., с. 176, прим. N 266. См. там же дополнительные разъяснения Нагоджибхатты.

¹¹ См., напр., Agnipurāṇa, 42, 45; Bibliotheca Indica, N 66; Calcutta, 1873.

И. Ф. Фихман

ИЗ ИСТОРИИ ПАПИРОЛОГИИ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

Крупнейшим достижением советской папирологии является издание папирусов, находящихся в составе коллекций Советского Союза. Эта публикация, задуманная еще до революции, была осуществлена в советское время в виде широко известного всему ученому миру пятитомного издания "Папирусы русских и грузинских собраний".¹ Оно является плодом многолетнего совместного труда главы советской папирологии Г. Ф. Церетели и его учеников П. В. Ернштедта и О. О. Крюгера. П. В. Ернштедт сам издал IV том серии, содержащий знаменитые папирусы из Афродито раннеарабского времени и совместно с Г. Ф. Церетели III и V тома.² Вся работа по подготовке текстов к публикации П. В. Ернштедт проделал, являясь сотрудником Азиатского музея - Института Востоковедения АН СССР, с которым была связана вся его творческая деятельность (1918-1950). Институт может по праву гордиться столь выдающимся вкладом своего сотрудника в развитие отечественной и мировой науки.

Хотя, строго говоря, в составе опубликованных текстов имеется только сравнительно небольшое число текстов уникального ха-

рактера - такие тексты редко попадают даже в значительно более крупных собраниях - в целом это издание, широко используемое специалистами, существенно обогатило наши сведения об истории и культуре греко-римского и византийского Египта и в особенности раннеарабского, что было отмечено Г.Ф.Церетели в письме П.В.Ернштедту от 9 июня 1986 г.³, в котором он ему сообщал о впечатлении, произведенном на арабистов той частью доклада Г.Ф.Церетели о советских папирологических собраниях,⁴ где он говорил о папирусах начала VIII века, изданных П.В.Ернштедтом. Следует с огорчением отметить, что из-за медлительности ("кункаторства", сказал бы Г.Ф.Церетели) арабистов, практически еще не приступивших к публикации арабских папирусов этого периода, греческие и коптские тексты начала VIII в. остаются по сей день единственным массовым и компактным источником по социально-экономической и административной истории Египта в это время.

В нашу задачу не входит общая характеристика и оценка издания. Это было сделано в свое время как в хвалебных рецензиях, среди авторов которых находились корифеи папирологии - У.Вилькен, В.Шубарт, Х.И.Бэлл, Ф.Цуккер и др., так и самим Г.Ф.Церетели в упомянутом выше докладе. Нам хотелось бы остановиться не столько на результатах совместной работы Г.Ф.Церетели и П.В.Ернштедта, сколько на самом процессе работы. Основным материалом для такого рассмотрения служат архивы П.В.Ернштедта и Г.Ф.Церетели, в которых значительное место занимает переписка между ними, хранящаяся в Ленинградском отделении Архива АН СССР и в фонде Г.Ф.Церетели Института рукописей АН Груз.ССР.

Дело в том, что папирусы находились в Ленинграде, Москве и Тбилиси, руководитель работы (Г.Ф.Церетели) в Тбилиси, а его сотрудники (П.В.Ернштедт, О.О.Крюгер) в Ленинграде, причем у каждого были свои основные служебные обязанности, отнимавшие у них львиную долю времени и сил. Печаталось издание в Тбилиси, причем не набором, а с каллиграфически написанного Г.Ф.Церетели и П.В.Ернштедтом текста. Почти каждый год Г.Ф.Церетели приезжал в Ленинград как для работы над папирусами, так и для консультации, согласования, проверки работы своих учеников. Большинство вопросов решалось на месте, но в период между приездами они подробно обсуждались в регулярной переписке между П.В.Ернштедтом и Г.Ф.Церетели (письма О.О.Крюгера не сохранились). Но находясь в Ленинграде, Г.Ф.Церетели очень часто писал жене, С.И.Церетели,

а в этих письмах сообщал сведения о ходе работы. Поэтому переписка П.В.Ернштедта и Г.Ф.Церетели является ценнейшим источником по истории папирологии в СССР в двадцатые-тридцатые годы.

Письма П.В.Ернштедта касаются различных вопросов, связанных с чтением и интерпретацией папирусов. Они изобилуют палеографическими и грамматическими экскурсами, великолепно раскрывают работу исследователя над текстом. Деловые, в некоторой степени даже сухие, они почти не содержат отвлечений на личные темы. Г.Ф.Церетели, натура литературно одаренная, большой знаток и талантливый переводчик античных авторов, писал совершенно по-иному. Его письма темпераментны, передают его настроение, мысли и заботы, содержат описание обстановки, быта, характеристику людей. По ним можно воссоздать не столько работу над конкретным текстом, сколько историю всего мероприятия и атмосферу, в которой оно проводилось. Письма интересны и тем, что они очень ярко раскрывают душевный мир и особенности психологию исследователя, работающего над таким материалом, как папирусы.

Отношения между П.В.Ернштедтом и Г.Ф.Церетели носили особый характер. Г.Ф.Церетели был учеником отца П.В.Ернштедта, академика В.К.Ернштедта, "основоположника русской папирологии", к которому он относился с величайшим пиететом. П.В.Ернштедта, знакомого ему с детства и навсегда оставшегося для него "Петей", он очень любил и ценил. И в том, что П.В.Ернштедту удалось столько много сделать в области папирологии, немалая заслуга Г.Ф.Церетели. Дело не только в тех знаниях, умениях, опыте, которые он ему передал, а в той неукротимой энергии и силе духа, исходивших от Г.Ф.Церетели. Он не считался с особыми условиями, в которых приходилось трудиться П.В.Ернштедту, беспрепятственно "наседавал" на него, торопил и подгонял, даже ругал ("кунктатор"), не успокаиваясь, пока не получал работу, великолепное исполнение которой вызывало у Г.Ф.Церетели очередное излияние искренней радости и гордости и добрых пожеланий.

¹ Papyri russischer und georgischer Sammlungen (P.Ross. Georg.), I-V, Tiflis, 1925-1935, Переиздание: Amsterdam, 1966.

² Подробнее: И.Ф.Фихман, Папирология в кн. "Азиатский музей - Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР", М.1972, с.581-582.

³ Там же, с. 531, прим.22.

⁴ Г.Ф.Церетели, Папирология в СССР и обзор хранящихся в музеях Москвы, Ленинграда и Тбилиси коллекций папирусов, "Труды Тифлисского государственного университета", У, (1936), с.143-155.

О.Ф.Акимушкин

ТУТЇ-НАМЕ" НАХШАБИ И "ДЖАВЌХИР АЛ-АСМАР"

В 730/1329-30 г. выходец из мавераннахрского города Нахшаба Зийа ад-Дин, переселившийся в молодости в Индию в г.Бадаун, завершил свой труд, названный им "Хикайат ад-дирайат" (Повествование о пронизательности). Так случилось, что авторское название не прижилось, и сочинению было суждено получить известность и широко распространиться по всему мусульманскому Востоку под общоходным и менее вычурным названием "Тутї-наме", т.е. "Книга популярная".¹

Интерес к этому произведению, повествующему о проделках, кознях, коварстве и уловках женщин, был велик и не снижался в течение всех последующих веков.

В предисловии к своему труду Нахшаби особо подчеркивает следующие моменты: 1. До него был выполнен перевод на персидский язык некой книги "из числа индийских книг". 2. Указанный перевод содержал 52 дастана. 3. Нахшаби обработал это произведение, сохранил число дастанов - 52, изрядно их сократив, причем вместо некоторых исключенных он написал новые, а также изменил вводный рамочный рассказ, зачины и концовки рассказов-рамок каждой ночи, не указав при этом имени своего предшественника.²

Удивительно, что только В.Перч серьезно отнесся к вышеприведенным словам Нахшаби, в которых последний говорит, что он "составил пятьдесят два рассказа в новой обработке", внося значительную авторскую обработку в перевод, выполненный неизвестным лицом незадолго до него. Остальные же специалисты (за исключением А.Алимардонова), обращавшиеся к труду Нахшаби, как до исследования В.Перча, так и после него, почти все считали "Тутї-наме" Нахшаби прямым переводом с санскрита или хинди на персидский язык соответствующего индийского сборника рассказов, например, "Шукаса-

птати", а самого Нахшаби первым переводчиком, осуществившим это предприятие.

В качестве объяснения этому факту можно высказать предположение, что они, видимо, рассматривали указанные слова Нахшаби просто как литературный прием, призванный заинтриговать читателя, вызвать у него повышенный интерес. Но оказывается Нахшаби не было нужды прибегать к подобному приему, поскольку такой перевод действительно существовал. Можно сказать, что именно от него, собственно, берут начало все последующие обработки-редакции и на их основе - переводы "Тут̄и-наме". На его долю выпала нелегкая судьба: вскоре, видимо, мастерски исполненная обработка Нахшаби - знаменитое "Тут̄и-наме", полностью отвечавшая литературным вкусам и оценочным категориям своего времени, вытеснила его, и он был практически забыт последующими поколениями. Но первый перевод все-таки выжил и, вопреки сложившемуся мнению, сохранился и дошел до наших дней.

В 1978 г. в Тегеране Шамс ад-Дин Ал-и Ахмад издал по единственной известной в настоящее время рукописи, несомненно, середины XIV в. текст "Книги попугая. Самоцветы ночных бесед".³ Этот труд был составлен в Индии неким Имадом б.Мухаммадом ан-На'ри⁴, посвящен и поднесен делийскому султану из династии Халджи Ала ад-Дину Мухаммад-султану (695-715/1296-1316). Точная дата составления неизвестна, но имеется указание Имада б.Мухаммада, что он приступил к работе в то время, когда этот султан уже правил семнадцать-восемнадцать лет. В таком случае период, в который было составлено "Джавāхир ал-асмāр", очерчивается достаточно четко - это 713-715/1313-1316 гг.

В весьма длинном и многословном предисловии к "Джавāхир ал-асмāр" Имада б.Мухаммада заслуживают внимания следующие положения: 1. Он обнаружил сборник, назвавия которого он не приводит, состоящий из 72 историй (=ночей), переданных от лица попугая; сборник был написан по-индийски (на санскрите?). 2. Переведя полностью этот сборник, он отобрал из него только часть рассказов и дополнил его переводами из других индийских книг, главным образом из индийской "Калилы и Димны", которые не были до того времени известны в переводе на персидский язык. И следовательно, составленный им сборник не явился переводом какого-либо одного определенного сочинения, а был создан из фрагментов разных индийских книг. 3. Получившаяся в результате его работы книга содержала 52 дастана (=ночи) и была им названа "Джавāхир ал-ас-

мār", 4. В мусульманских государствах Северной Индии достаточно широко практиковались переводы с индийского (санскрита?) на персидский язык.

Мы сравнили текст 48 дастанов=ночей, дошедших до нас в "Джавāхир ал-асмār", с 52 историями "Ṭūṭī-nāme" (рук. ИВ АН СССР С 121). В результате выяснилось, что 43 из них (в порядке "Джавāхир ал-асмār" I-23, 25-26, 28-41, 43, 47-49) были заимствованы Нахшаби и включены в "Ṭūṭī-nāme" после значительной обработки, с почти полным сохранением сюжета и фабулы. Отметим, что только пять из дастанов "Джавāхир ал-асмār" (24, 42, 44-46) были заменены другими, либо сочиненными самим Нахшаби, либо заимствованными из иных источников. Что же касается оставшихся четырех дастанов (27, 50-52), то мы можем только предполагать как распорядился с ними Нахшаби, поскольку, как отмечалось выше, - изданный Шамс ад-Дином Ал-и Ахмадом список был дефектным, и мы лишены возможности судить о содержании последних историй. Таким образом только девять дастанов (в порядке "Ṭūṭī-nāme": 8, 24, 29, 43, 48-52) не представлены в издании "Джавāхир ал-асмār", пять из них несомненно принадлежат перу Нахшаби, о четырех же других мы с подобной уверенностью говорить в настоящее время не можем.

Словом, Нахшаби столь мастерски, нешаблонно и профессионально справился с поручением "одного вельможи", что вряд ли допустимо говорить о его работе как о простой обработке, скорее, и это, видимо, будет ближе к истине, мы вправе рассматривать и классифицировать его работу в двух аспектах: во-первых, как редактора, превосходно обработавшего написанное до него сочинение, и, во-вторых, как автора оригинальных рассказов и дастанов, сочиненных им взамен изъятых из "Джавāхир ал-асмār" Имада б.Мухаммада ан-На^ари. В результате было создано "Ṭūṭī-nāme", которое принесло его создателю мировую известность, но которое явилось второй, уже опосредованной обработкой на персидском языке индийских оригиналов=прототипов.

I Впервые этот памятник персидско=таджикской развлекательной литературы XIV в. был детально проанализирован в обстоятельной статье В.Перча. Выводы, которые были им сделаны сто с лишним лет назад, сохраняют свое научное значение и до сих пор. W.Pertsch Ueber Nachschabi's Papagaienbuch, - ZDMG, Bd XXI, 1867, S. 505-551. В 1970 г. А.Алимардонов посвятил "Ṭūṭī-nāme" и его автору

специальное исследование (А.Алимардонов, Зияуддин Нахшаби и его "Тути=наме". Автореферат дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук, Душанбе, 1970). В реферате работа В.Перча специально не отмечена.

² "Тути=наме", рук. ИВ АН СССР, С 118, л.2а-б, также Алимардонов, Реферат, с.17.

³ Тути=наме. Джавахир ал=асм̄ар. Ав 'Им̄ад б. Мухаммад ас=Сакаф̄и. Ба ихтим̄ам=и Шамс ад=Дин Ал=и Ахмад, [Тихран], 1352/1973. Предисловие издателя занимает с. 19-60 (отд. пагинация). Списание из библиотеки Маджлиса в Тегеране (инв. № 6680), к сожалению, дефектен: лакуна в середине (конец 26 ночи - начало 28), нет конца - от заключения 49 ночи. Таким образом, полностью отсутствуют ночи 27, 50-52, частично ночи 26, 28, 49. В тексте сочинение названо "Джавахир ал=асм̄ар", "Тути=наме" - конъектура издателя.

⁴ Чтение нисбы ан=На'ри предложено нами, издатель читает ас=Сакаф̄и.

З.Н.Ворожейкина

КАСЫДЫ ФАХРИЕ - САМОВОСХВАЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОЭТОВ

Для литературной жизни средневекового Ирана характерным явлением были состязания поэтов в мастерстве. Духом соревнования (в разработке одних и тех же романтических сюжетов, в варьировании традиционных мотивов и образов) проникнута вся персоязычная поэзия XII-XIX веков. Время породило даже особый вид стихотворения для участия в открытом конкурсе виртуозного владения техникой стиха. Это касыда ф а х р и е ("горделивая"), которую поэт писал в свою честь, демонстрируя свое искусство.

Образцом ф а х р и е в XII веке была признана касыда Шараф ад-Дина Алави, изобиловавшая, как отмечено в антологии 1221 г., "новыми смыслами" и заслуживающая профессионального изучения. Редифом этой касыды, насчитывающей 65 двустиший, служит местоименная энклитика "а м" ("я", "моя", "мне" и проч.); - тем самым каждый бейт стихотворения - новая формулировка, которой автор утверждает свои достоинства или говорит о своих жизненных обстоятельствах. Шараф ад-Дин Алави провозгласил

себя первым среди современных ему поэтов и бросил им вызов:
- Коль он найдется, тот, кто мне "ответ" напишет,
Клянусь - мной первым будет он обласкал.

Вызов приняли многие поэты. Для XII века мы находим целую цепочку аналогов этой касыды - в диванах таких крупных мастеров стиха, как Анвари, Хакани, Муджир Байлакани, Джамал ад-Дин Абдарразак, Камал Исмаил Исфакани.

Эта группа стихотворений представляет значительный интерес для изучения. Касыды наглядно демонстрируют правила поэтического турнира.

Все эти стихотворения построены на одной и той же монориме и с тем же редифом. Задача пишущего касыду-ответ была двойкой: отыскать для своего монорима новые рифмующие слова и "новые вымыслы", и обязательно взять уже использованные рифмы для построения на их основе свежих образов или оригинальных вариантов заданного образа. Напр., Шараф ад-Дин Алави дает образ "я - чаша":

چون سرفکنده گزیم گوئی صراحییم * چون خون گرفته نندم گوئی که ساغریم

- Когда я слезы лью, поникнув головой, ты скажешь -
- я кувшин,

Когда смеюсь я, обливаясь кровью, ты скажешь - чаша
[с блестящим вином].

У Анвари:

زیرا که تا برآرم از اندیشه یک نفس * پر خون دل شود ز رخ دیده ساغریم

- Ведь прежде чем одной лишь мысли дам я жизнь,
Кровь сердца - со слезами глаз - наполнит мою чашу...

У Джамал ад-Дина Абдарразака:

وجه کباب از جگر من کن که لاله ام * وقت شراب خون دلم خور که ساغریم

- Клейми мне сердце, жги его - тальпан я (символ скорби),
Пей не вино, кровь сердца моего - в руках твоих я - чаша.

У Камала Исмаила:

خون در دل او فتاده و جان بر لب آمد * بر سر کشیدد خطا همانا که ساغریم

- Кровь сердце залила, у края губ - душа, готовая покинуть
тело,

И голова иссечена - я весь, как чаша.

Или еще - варианты бейтов с рифмой "мусаввар - ам" :

У Шараф ад-Дина Алави:

ماه نجسته ام نه که مگر مبارکم * جان مجسم نه که عقل مصورم

- Благословенная луна я, нет! - счастливая звезда,
Душа, что оживляет плоть ,нет! - воплощенный разум.

У Анвари:

روحست هم عنانم اگرچه مرکبم * عقل است نشینم اگرچه مصورم

- Дух скачет со мной стремя в стремя, хоть сам я стреми-
тельный конь,
Разум - мой сотоварищ, я сам - воплощенный образ...

У Камала Исмаила:

هر دم هزار رمز معنی ز سر نیب * بر تخت مخیلہ گردد مصورم

- И что ни миг, шарады в тысячах значений
На зеркале воображенья моего воплощены...

Подобным же образом ответные касыды включают свои варианты бейтов с рифмами (они же - опорные слова поэтического высказывания): гаухар - жемчужина, хунджар - меч, ахтар - звезда, дафтар - тетрадь, кабутар - голубь, бавар - вера, маджмар - кадильница, музаффар - победитель, хар - осел и проч. Причем, вступивший в соревнование отвечает уже не только первому, бросившему вызов, но другим участникам турнира, писавшим до него.

Отдельные бейты этих касыд сближены до предела. Так, на двустишие Шараф ад-Дина Алави:

ناورده بشعر چو من در هزار سال * اینک تو اید ری فلما و من اید رم

- Мне равного в стихе не видел мир тысячу лет,
Вот вы - о небеса - и вот я!

Камал ад-Дин Исмаил ответил:

ای غایبی که کرده بی از مثل خود سوال * خواهی جواب حاضر اینک من اید رم

- Где ж ты, что соизволил сделать вызов?
Ответ ты хочешь? - Вот - я ! Здесь - я !

Изучение текста этих касыд, в их сопоставлении, дает полезный материал для постижения ценностных эстетических ориентаций, определивших пути развития персоязычной поэзии вплоть до XIX века.

Но ценность этой группы стихов и в другом. Рядом с гиперболизированными самовосхвалениями и традиционно-абстрактными образными сопоставлениями в этих касыдах встречается немало строк, где поэт сообщает реальные сведения о себе и говорит о своем литературном труде.

Касыды ф а х р и й е развились в XII веке как антитеза панегириков и дают богатейший материал для понимания такой важной историко-культурной проблемы как самосознание средневекового писателя.

Л и т е р а т у р а :

- دیوان خلافت العانی ابولفضل کمال اسمعیل اصفهانی ...
با اهتمام حسین بحر العلوم ، تهران ، ۱۳۲۸ ،
с. 134-139
- دیوان انوری ... با اهتمام محمد تقی مدرس رضوی
جلد اول ، تهران ، ۱۳۳۷ ،
с. 326-329
- دیوان ... خاقانی شروانی ، ۱۳۱۲ ،
с. 247-255
- دیوان جمال الدین محمد عبد الرزاق اصفهانی نا تصحیح
حسن وحید دستگردی ، تهران ، ۱۳۲۰ ،
с. 240-243
- محمد عوفی ، لباب الالباب ،
London ، 1906 ، т.П,
с. 270-276.

Е.Э.Бертельс, История персидско-таджикской литературы. М., 1960,
с. 513.

Л.В.Дданова

ОБРАЗ "МОРЯ" В ЦИКЛЕ ЧХВЕ ЧХИВОНА "ВОСПЕВАЮ ВЕТЕР И ЛУНУ" (884 г.)

В предыдущих работах^I мы останавливались на общих характеристиках пространства, времени и личности в цикле Чхве Чхивона "Воспеваю ветер и луну". Рассмотрев цикл с этой точки зрения, мы пришли к выводу, что он представляет собой особое художественное единство, призванное воплотить идею космоса как гармонического целого.

В данной статье мы обращаемся к изображению в этом цикле мироощущения конкретной личности (автора) в конкретной ситуации. Остановимся на образе "моря". "Море" в китайской поэтической традиции, в рамках которой творил Чхве Чхивон, не пользовалось особым вниманием поэтов. Корейская авторская поэтическая традиция того времени, если судить по сохранившимся текстам, вообще не обращалась к "морю"². Между тем, в цикле "море" встречается столько же раз, сколько "гора", один из наиболее часто употребляемых образов в китайской традиции. Специальное его рассмотрение убеждает в том, что отношение к нему поэта совершенно особое, которое, однако, угадывается не сразу.

"Море" встречается в восьми из десяти стихотворений цикла, причем с ним соотнесены "ключевые" образы этих стихотворений — образы, вынесенные в заглавия, "образы-темы".

"Море" в цикле выступает в основном как пространственный образ. Реализуется прежде всего его цвет (синий) и динамика (вечное ритмическое движение — приливы и отливы).

"Море" осмысливается в "социальном", "личностно-эмоциональном" и "космическом" планах.

Среди "морских" стихотворений цикла явно выделяется группа из четырех стихотворений, в которой "море" осознается как социально значимое пространство. Это — "Рододендрон" (№ 5), "Опасно стоящий на вершине горы камень" (№ 7), "Невысокая сосна на камне" (№ 8), "Текущий по камням источник" (№ 10). Сюжет каждого из этих стихотворений разворачивается относительно "моря". Более того, именно "море" придает напряженность, драматизм его развитию. Так, цветок редких достоинств, очевидных далеко не каждому, ("таящий в себе аромат") вынужден страдать "у синего моря", тогда как его место — "у красных (т.е. дворцовых) перил" (№ 5); "невысокая" на вид, но способная быть надежной опорой государству сосна — "ни на что не годна", ее удел — "стареть средь дымки и зари" оттого, что она растет на берегу моря (№ 8); камень, возможно, полный скрытых сокровищ (яшма), стоит никем не замечаемый на вершине горы и, кажется, "вот-вот рухнет в волны прилива" (№ 8); источник с необыкновенно чистой водой, исторгающий звуки редкой красоты, обречен исчезнуть в "синей глубине моря" (№ 8).

Отметим, что с цветом "моря" здесь соотнесены цвет "цветка" (№ 5) и "источника" (№ 10). "Море" (синее) и "цветок" (красный) даны как образы контрастных, диссоциирующих друг с другом явлений; "море" и "источник" — как образы явлений, которым нежела-

тельно соприкасаться, так как это влечет за собой утрату неповторимого "облика" одного из них (источник).

С динамикой морской стихии (прилив-отлив) в этих стихотворениях соотнесены образы камня и сосны; а именно с сосной и камнем, так же как с цветком и источником, автор отождествляет себя самого.

В указанных стихотворениях "море" — то, что противопоставлено истинным, но не явленным миру ценностям, то, что сопряжено с возможной утратой этих ценностей. Осознание поэтом себя как социально-значимой личности, осознание своего места в мире — одна из ведущих тем в цикле. Как свидетельствуют стихотворения № 5, 7, 8, 10, последнее понимается не соответствующим должному; именно этот лейтмотив и несет образ "моря".

Такое отношение поэта к "морю" связано с биографическими обстоятельствами (цикл был создан Чхве Чхиноном осенью-зимой 884 г. на морском побережье в Шаньдуне в ожидании возвращения из Китая на родину), которые осмысливались поэтом под углом зрения традиционного в данной культуре отношения к морю как к периферии. В указанных выше стихотворениях "море" выступает как знак пространства, с которым поэт соотносит свою судьбу, — мало радующее настоящее и будущее, которое также не сулит надежд.

Особую группу представляют два "морских" стихотворения — "Волны прилива" (№ 2) и "Песчаная отмель" (№ 3), в которых "море" подчеркнуто связано с эмоциональным состоянием человека. "Ключевые" морские образы "прилива" и "отлива" в них осознаются прежде всего как временные, связанные с представлениями о сутках и лунном месяце как вечно уходящих и вечно возвращающихся. "Прилив" ассоциируется со встречей с другом; с предельно острым ощущением исторического момента; с осознанием личностью степени собственной активности. Образ "прилива" воскрешает в памяти поэта образы таких сильных личностей, как полководцы Цаун Цле и Чжугэ Лян. Напротив, образ "отлива" — "отмели" связан с разлукой, с невозможностью встречи; зависимостью человека от непогоды (ему сопутствуют образы падающего снега, тумана, инея). Следует отметить совпадение предельно эмоционального состояния человека с максимальной фазой луны, с полнолунием.

В особую группу выделяются и стихотворения "Вершина, на которой камень" (№ 1) и "Чайка над морем" (№ 6), где дается "космическая" интерпретация образа "моря". С "морем" в этих стихотворениях соотнесены "гора" (№ 1) и "птица" (№ 6) — образы, неизмен-

но связанные в дальневосточной культуре с вечностью-бессмертием, которые вынесены в заглавие стихотворений. В самих текстах "море" ассоциируется с миром бессмертных (гора на побережье - гора-остров Пэнлай, мифическая обитель бессмертных; чайка - бессмертный у воды). В то же время с "морем" в этих стихотворениях связаны зрительные образы, в которых запечатлено данное мгновение (солнце над морем, "распускающееся", словно лотос; распеченные пеной волны, над которыми плавно парит чайка). "Море", представляющее и временное, и вечное, стимулирует мысленный выход за пределы данного мгновения, приобщение к "вневремени" (в ночь, к луне; в небо, где "пещеры бессмертных").

Рассмотрение контекстов "морских" стихотворений делает очевидным, что "море" в цикле несет повышенную нагрузку. С этим образом в цикле связано мироощущение личности, проявляющееся в конкретных обстоятельствах. Следует отметить и то, что такое внимание к "морю" и такая разносторонняя разработка образа в пределах сравнительно небольшого текста (мы имеем в виду цикл в целом), необычны для древней корейской поэзии.

¹ Д.В.Жданова, Стихотворения корейского поэта Чхве Чхивона (857-?), написанные осенью-зимой 884 г. - весной 885 г. (к структуре цикла), - ПИ и ПИКНВ, ХП/2, М., 1977, с.166-173 и др.

² О причинах этого см. М.И.Никитина, Представления об "образе" "старшего" в древней корейской поэзии (хянгя) и пейзажная поэзия на корейском языке ХУ-ХУШ вв., ПИ и ПИКНВ, ХШ.

Г.Д.Иванова

ОГАЙ - ПЕРЕВОДЧИК

Переводы художественной литературы играли особенно большую роль в Японии, начиная с последней трети прошлого века. Изолированная островная страна спешно приобщалась к мировой культуре. Не просто любопытство к жизни заморских народов, но насущная потребность самим войти в общий их круг, стать "гражданами мира" побуждала японцев активно развивать тогда переводческую деятель-

ность. Не зря в свое время Пушкин назвал переводчиков почтовыми лошадьми просвещения.

Начальный этап на этом пути отмечен преимущественным вниманием к Англии — соответственно ее экономическому и политическому весу в XIX столетии. В числе первых попали в Японию Шекспир, Вальтер Скотт, Теккерей, Диккенс. Родоначальник изучения английской литературы Цубоути Сёё (1859—1935) создал целую переводческую школу.

В области освоения русской литературы бесспорное первенство принадлежало Хасэгава Фтабатэй (1864—1909). Благодаря его подвижническому трудолюбию и таланту в японский культурный обиход уже с 80—90-х годов прочно вошли Тургенев и Гончаров, Толстой и Достоевский, Белинский и Добролюбов. Знакомство с русскими классиками существенно повлияло на все дальнейшее развитие японской литературы, на формирование в ней реализма.

К литературе Германии и скандинавских стран впервые приобщил Японию Мори Огай (1862—1922). Судьба этого человека сложилась так, что он четыре года (1884—88) провел в германских университетах, изучая микробиологию и санитарии.

Но если медицина была, так сказать, его законной женой (кто-то выразился так применительно к Чехову), то литература стала сердечной привязанностью всей его жизни. В памяти потомков он остался прежде всего как писатель и переводчик.

В Берлине на Мари-штрассе поныне висит мемориальная доска: "Здесь жил в 1887—88 гг. Мори Огай (1862—1922) — основатель современной японской литературы, писатель, критик, первый японский переводчик "Фауста", произведений Лессинга, Клейста, Гофмана".

Перевод гениального творения Гёте, над которым Огай трудился много лет, был опубликован в Японии в 1913 г. Как пишет один из исследователей Огай, японцы тогда впервые как будто собственными глазами увидели готические храмы Европы с их стрельчатыми арками и цветными витражами, как будто собственными ушами услышали праздничный звон колоколов и божественную музыку органа.¹ Став фактом японской литературы, "Фауст" стимулировал творчество целого ряда японских художников.

Огай перевел также юношескую драму Гёте "Гётц фон Берлихинген", печатал в своем журнале "Сигарами-соси" роман "Страдания молодого Вертера" (переводчик Рокудо Яси), написал биографический очерк Гёте ("Гёте-дэн", 1913).

Из наследия Г.-Э. Лессинга им представлены драмы "Натан Мудрый", "Эмилия Галотти", "Филот"; из Э. Клейста - поэма "Землетрясение в Чили".

Не один десяток значительных писателей Германии и Австрии стал известен японцам благодаря Мори Огай. Среди них могут быть названы Гауптман, Зудерман, Ведекинд, Лилленкрон, Гофмансталь, Р. М. Рильке. Были в числе его переводов и такие произведения, которые в свое время читались, ныне же практически забыты. Таков роман Лолы Киршнер (выступавшей под псевдонимом Осип Шубин) "Погребенное дерево" ("Уморэги", 1890 г.); таков рассказ Х. Ланда (Хуго Ландбергер) "Король зимы" ("Фу-но о", 1911 г.).

Норвежского или шведского языков Огай, понятно, не знал, да и никто их не знал в тогдашней Японии. Но свободное владение немецким открыло ему доступ к богатейшей скандинавской литературе. Из шведских писателей он переводил Сельму Лагерлёфф и Фриду Штеенхоф, из норвежцев - Ибсена и Бьернсона, из датских писателей Густава Вида, Г. Х. Андерсена.

Небывалый успех имел переведенный им роман Г. Х. Андерсена "Импровизатор" ("Соккё сидзин", 1892-1902 гг.), действие которого происходит в Италии.² Поэт-мечтатель Антонио и его возлюбленная Аннунциата вошли в число тех героев европейской литературы, которые прочно прижились на японской почве. Каждый образованный японец, если ему случается попасть в Рим, считает своим долгом посетить места, по которым в тоске бродил Антонио.

Целую эпоху в истории японской культуры составили переводы Г. Ибсена. Еще в начале 900-х гг. почти никто в Японии не знал норвежского драматурга. Но вот в 1903 г. Огай перевел фрагменты из стихотворной драмы "Бранд". Далее им были представлены "Йун Габриэль Боркман" (1909 г.), "Гедда Габлер" (1909), "Привидения" (1911 г.), написано предисловие к публикации драмы "Строитель Соллес". Большой резонанс имело сценическое воплощение "Йуна Габриэля Боркмана" режиссером Осанаи Каору. Постановка же "Кукольного дома" на сцене Свободного театра (Дзюю гэкидзё, 1911 г.) стала настоящей сенсацией. Нора превратилась в пример для подражания, создавались "кружки по изучению Норы и Магды".³ К началу 10-х годов Ибсен приобрел в Японии необыкновенную популярность. Его идеи оказались созвучны и японским сторонникам "индивидуализма" и поборникам женской эмансипации. Психологические драмы Ибсена способствовали становлению нового японского театра (гэндай-гэки), существенно отличавшегося от традиционного синтетического театра с его деко-

ративностью, условностью, пантомимой.

Масштабы сделанного Огай в области перевода поражают. Помимо немецкоязычной литературы он познакомил своих соотечественников с десятками прозаиков и поэтов других стран Запада (через их немецкие варианты). Среди них - Вашингтон Ирвинг и Брет Гарт (США), О.Уайльд и Б.Шоу (Англия), Г.Д'Аннуцио (Италия), Ф.Мольнар и М.Ленгель (Венгрия), А.Додэ, Ж.-Ж.Руссо, Г.Флобер, (Франция).

Переводил Огай и русских писателей: Л.Толстого ("Отец Сергий", "Люцерн", "Архип"), И.Тургенева ("Дурак", "Призраки"), М.Лермонтова ("Тамань", "Фаталист"), Л.Андреева ("Кусак", "Жизнь человека", "Бен-Товит"), В. Короленко ("Записки о сахалинской ссылке"), Ф.Достоевского ("Крокодил. Необыкновенное событие, или пассаж в Пассаже"), М.Горького (из сказок об Италии). Данью моде того времени явились его переводы из таких авторов, как М.П.Арцыбашев, О.И.Дымов (Перельман), Е.Н.Чириков, М.А.Кузмин.

Подобного диапазона Япония до Огай не знала. Впервые европейские авторы выбирались не случайно, но на основе подлинного знания истории западной литературы во всем ее объеме. Кругозор японцев неизмеримо расширялся. Контакты с шедеврами мировой культуры поднимали их сознание на существенно новый уровень, помогали преодолевать национальную замкнутость. Усилился процесс модернизации в самой японской литературе - в смысле ее психологизации, большей динамичности стиля, обогащалась техника выражения.

Япония входила в круг мировых идей и художественного творчества, в ней совершался тот плодотворный синтез Востока и Запада, который, быть может, составляет самую характерную черту этой страны в наше время.

¹ Катаяма Тосихико "Гёте и Огай" в кн. "Мори Огай кэнкю" ("Изучение Мори Огай"), Токио, Тикума сёбо, 1971, с.61-65.

² У В.Г.Белинского есть статья: "Импровизатор, или Молодость и мечты итальянского поэта. Роман датского писателя Андерсена".

³ Магда - героиня пьесы Зудермана "Родина" (1893 г.), она была поставлена на сцене Императорского театра (Тэйкоку гёкидзё) в 1912 г.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ "ОБЛИКЕ" "СТАРШЕГО" В ДРЕВНЕЙ КОРЕЙСКОЙ
ПОЭЗИИ (ХЯНГА) И ПЕЙЗАЖНАЯ ПОЭЗИЯ НА КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ
XV-XVIII вв.

Настоящая статья посвящена рассмотрению категории "облика" в двух аспектах: ритуальном и поэтическом. Общеизвестно, что в системах архаических представлений "облик" социально значимого лица часто отождествлялся с его социальным статусом, более того, с его социальными функциями. Достаточно вспомнить античные представления о неуязвимой молодости и энергии монарха или китайские воззрения на государя не только как на лицо, замещающее космос, но и подобное ему.

Самые архаические корейские тексты - хянга, помещенные в "Самгук пса" (1285), дают необходимый материал для рассмотрения этой проблемы применительно к корейской культуре. Они ясно обнаруживают связь "облика" как с ритуальным актом, так и с эстетическим освоением пейзажа. Три из них - "Песня о хваране Кипха", "Песня о туге"¹ и "Песня о хваране Чукчи" адресованы "младшим" (хвараном-учеником, подданным) "старшему" (хварану-наставнику, государю), отсутствующему в момент ритуального акта. Две - "Песня Чхоёна" и "Песня о разбойниках" обращены к присутствующему в момент творения хянга враждебному адресату.

Обратимся к первым трем. В нашем случае, когда адресатом хянга выступает "старший", его "облик" ("чхт") (貌史, 克史, 云) приравнивается социуму и космосу в целом. Космос в этих текстах представлен а) в "свернутом" виде - равным хвойному дереву-туе, луне и ее отражению в воде; б) в виде развернутой пространственно-временной конструкции (пространство-время ритуала): луна (вероятно в полнолуние), замкнутая водная поверхность, отражающая луну (река, пруд), берег (возможно с туей на нем); в) в виде последовательности движений, по-видимому, самой по себе являющейся знаком космоса: движение головы и взгляда вверх, наклон головы и взгляд вниз и вновь - вверх.

"Облик" "старшего", от которого состояние космоса находится в прямой зависимости, может быть идеальным ("Песня о хваране Кипха"). В этом случае он приравнивается туге ("чхт"), верной

своей природе. Он может и меняться. "Старший" может стареть ("Песня о хваране Чукчи"). Изменения такого рода не воспринимаются как катастрофические по своим последствиям для космоса. Это — естественный процесс, который нельзя прекратить или повернуть вспять, но можно рассчитывать, что он будет протекать не так быстро. (Чтобы как-то замедлить его, "младший" и создает хянга.²) Но перемены в "облике" "старшего" могут быть следствием таких его действий, как нечаянное нарушение клятвы ("Песня о туе"). Эти изменения приводят космос в состояние дисгармонии.

"Младший", имея цель воздействовать на "облик" "старшего", должен был тем самым воздействовать на космос. Средством воздействия был ритуальный акт. Однако, чтобы воздействовать на "облик" "старшего", надо прежде выяснить степень его соответствия норме (т.е. туе). А для этого следует сначала проверить, каково состояние космоса в данный момент, ибо оно есть отражение "облика" "старшего". Выяснению состояния космоса (= "облик" "старшего") и посвящена процедура ритуального акта сочинения, исполнения (а иногда — написания) хянга. Текст хянга фиксирует ход ритуала и его результаты и почитается магическим.

Организирующую роль в процедуре ритуала играет цепь движений головы и глаз, которая объединяет, "нанизывает" на себя элементы космоса в единую замкнутую систему, соединяя "внешнее" ("облик" "старшего" = космос) и человека, творящего ритуал ("младшего"). При этом подчеркивается важность зрительного элемента за счет глаголов, соотнесенных с "обликом" ("видеть", "всматриваться"), цветowych прилагательных, соотнесенных с основными элементами космоса ("синий", "белый"); акцентируется момент "зеркальности". В заключение дается вывод о состоянии "облика", запечатлевается своего рода его точный снимок.

Магическое назначение текста в данной культуре состояло в том, чтобы устранить, исправить дурное явление, указав на него, "поймав" и зафиксировав истинное его обличье.³ Чтобы утвердить хорошее, закрепить его на будущее, его тоже требовалось обозначить: назвать, точно изобразить. Последняя задача ориентировала текст на то, чтобы быть изобразительным и подразумевала (при наличии указанной конструкции космоса) возможность возникновения пейзажной поэзии. Можно считать, что десятистрочные хянга, адресованные "младшим" отсутствующему в момент ритуала "старшему", отчасти сами реализовавшие эту возможность, многое определили в пейзажной поэзии на корейском языке, развившейся в XV—XVIII вв.

Из хянга переходит в жанры сиджо и каса восприятие пейзажа как космоса и осознание его через личность другого человека — "старшего" (государь). Эта зависимость словесно подчеркивалась в первых пейзажных сиджо (например, в цикле из четырех сиджо Мэн Сасона, 1360-1438) и позднее. Она проявлялась и в том, что пейзажная поэзия не давала картин бурь, непогоды и т.д., то есть — дисгармонического состояния космоса. По традиции природа в сиджо и каса гармонична.

Время ритуального акта творения хянга — лунная ночь, полнолуние, а отсюда и предшествующие им закат и сумерки более всего привлекают авторов пейзажных сиджо. Все элементы сакрального пространства-времени хянга стали основными элементами пейзажа в сиджо (луна, хвойное дерево и т.д.). Характерно, что пейзажные сиджо за крайне редкими исключениями не изображают моря. Вода в сиджо по традиции — река, пруд, озеро.

Взаимное расположение элементов космоса в хянга определило основной тип пейзажа в сиджо: луна — высшая точка пространства, вода, практически единственная горизонтальная поверхность в сиджо, — впереди и т.д. Цепь движений головы и глаз, которая связывает между собой элементы космоса в хянга (вверх-вниз-вверх), определила последовательность развертывания пейзажа в сиджо и части каса (например, каса ХУШ в. "Пэкку са" — "Белая чайка") и т.д. Хянга типа "Песни о хваране Кипха" и "Песни о туге" предоставили поэзии будущих столетий главным образом "элементы", "конструкции", "принцип подхода", "ход осознания" и т.д. Но "душу" в пейзажную поэзию вложили хянга типа "Песня о хваране Чукчи".

"Песня о хваране Чукчи" (рубеж УП-УШ вв.) несет тот элемент эстетического переживания, без которого немислима пейзажная поэзия. Она соотносена в "Самгук юса" с историей о том, как хваран-наставник Чукчи выручил своего ученика Тыго, взятого на строительные работы, который "тоскуя по хварану, сложил хянга (慕郎而作歌)".

Ее перевод:

Ждет мысль об ушедшей весне.

Тебя нет — я плачу, печальюсь.

Твой облик (чуть), являвший [миру своим] красоту,

Разрушается бесследно.

Хотя бы на миг

Увидеться вновь.

О хваран! Путь, которым идет
По тебе тоскующая душа-сознание,

Ая!

Разве таков, чтобы [смог я] забыться сном
В полынном переулке?!⁴

Существуют две трактовки "Песни о хваране Чукчи". Однако, при любой из них сохраняется эстетическая оценка "облика" "старшего" ("облик" красив) и предельно эмоциональное отношение "младшего" к "старшему", остро переживающего старость наставника и разлуку с ним.

Комплекс эмоций, связанный с "обликом" хварана Чукчи, очевидно не предусматривался ритуалом того типа, который подразумевал создание хянга, подобных "Песне о хваране Кипха" и "Песне о туге". Однако, он, по-видимому, вполне вписывался в этику отношений между хвараном-учеником и хвараном-наставником и, так же как и эстетическая оценка "облика" "старшего", был обусловлен культом красоты, внешней привлекательности, характерной для системы "хваран". О его наличии достаточно ясно свидетельствуют памятники. Согласно "Самгук саги" (II45) и "Самгук юса", в хвараны набирались красивые молодые люди, наставниками назначались красивейшие.⁵

Очевидно, ритуальная роль "облика" ("чхт") "старшего" и эстетическое его восприятие, о которых свидетельствуют дошедшие до нас хянга, находятся в непосредственной связи с архаическими представлениями о социальной и космической роли "старшего" и о сакральном характере красоты⁷, отшлифованными в системе "хваран". "Облик" (чхт) "старшего", воззрения на который окончательно сложились в эпоху Силла (УП-IX вв.), явился тем "сгустком материи", из которого со временем развернулся пейзаж в поэзии на корейском языке.

¹ Перевод и анализ этих хянга, а также сведения о системе хваран см. М.И.Никитина, К пониманию двух древне-корейских поэтических произведений (хянга), ПП и ПИКНВ, ХП/2. М., 1977, с.191-200.

² Ср. сиджо Юн Сондо (1587-1671) о стареющем государе - "Зеленые мухи выметены..." из цикла "В горах продолжаю "Новые напевы".

³ Ср. хянга "Песня о комете". См. М.И.Никитина, А.Ф.Троцевич, Очерки истории корейской литературы до XIX в., М., 1969, с.74.

(Далее - Никитина, Троцевич). Текст см. *삼국유사*, 평양 1960, с.540. (Далее - Самгук юса).

⁴ Текст хянга, его расшифровки и толкования см. *흥기문
항가해석*; 평양 1956, с.73-103.

⁵ Ким Бусик, Самгук саги, М., 1959, с.135-136. Самгук юса, с. 368-373. Там же см. о соперничестве в красоте хваранов-наследниц. Об этом также см. Никитина, Троцевич, с.79, 100.

⁶ Ср. легенду о Ходоне и аннанской принцессе: "...Аннанский ван Чхвери... увидев его, спросил: "Глядя на вашу красоту, спро- скажешь, что вы не простой человек. Уж не сын ли вы государя Северного царства Син-вана?..." Легенду в переводе А.Ф.Троцевича см. Никитина, Троцевич, с.125-126. Текст см. *三國史記*, 평양, 1958, т.1, с.377.

Г.Г.Свиридов

О МЕХАНИЗМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СЭЦУВА (на примере "Повествования, собранного в Удзи")

Любое крупное произведение литературы сэцува, в том числе "Повествование", опирается в значительной мере на текст, хорошо известный и по другим письменным памятникам или бытовавший в устной традиции. Так, по подсчетам японских литературоведов, на 2/3 текст "Повествования" имеет близкие или почти тождественные варианты в современных ему или более ранних литературных памятниках, имевших хождение в той же среде, где распространялось и само "Повествование". Оставшаяся 1/3 "Повествования", не имеющая текстовых вариантов в других памятниках, объявляется японскими литературоведами свидетельством определенной творческой струи в "Повествовании". Некоторые из этих исследователей соблазняются открывающейся здесь возможностью арифметически установить творческий уровень "Повествования" и объявляют, что это произведение на 1/3 представляет собой "самостоятельное творчество". Думается, дело обстоит сложнее. Прежде всего, "самостоятельность" 1/3 текста памятника, не имеющей источников или вариантов в письменной литературе, должна быть оспорена. Стилистические особенности

этой части памятника сближает ее с живой устной традицией и заставляют сомневаться в авторском, "независимом" ее происхождении.

В данной работе мы намеренно сужаем вопрос о творческом характере литературы сэцува, ставим его лишь в одной конкретной плоскости. Мы попытаемся представить, каким образом ощущал творческий характер литературы сэцува современный ей читатель. Иначе говоря, здесь рассматривается вопрос о механизме художественного воздействия сэцува.

Важная особенность литературы сэцува заключается в том, что для автора-составителя собрания сэцува нет представления о "моем" и "чужом", представления о плагиате. (Эта особенность авторского подхода к материалу, естественно, разделялась и читателем; многочисленные заимствования были оправданы в его глазах и эстетически, и чисто психологически). Существовал некий набор текстов-сэцува, так сказать, "мир сэцува", как зафиксированных письменно, так и имеющих устное хождение. Подчеркнем, что речь идет именно о текстах, а не о сюжетах, ибо и в устной традиции бытовали, видимо, устойчивые клише, регламентировавшие текст и способствовавшие его четкой стилистической (а в большой мере — и фразеологической) организации. Из числа бытующих текстов автором-составителем отбирается некая их сумма, и творческая воля автора проявляется на этом этапе в особенностях отбора. Это — начало творческого процесса. Затем следует второй этап — организация отобранного материала в новую систему, отображающую не столько конкретный композиционный замысел автора, сколько его мировоззрение, его концепцию мира.

Охарактеризованная особенность литературы сэцува может быть названа интертекстуальностью. Интертекстуальность в художественной системе сэцува носит всеобъемлющий характер. Соотнесение данного варианта текста (включенного в памятник) с имеющимися другими вариантами, их "взаимоналожение" само по себе дает некий художественный эффект, который может быть назван эффектом интертекстуальности.

Сопоставление вариантов дает основание утверждать, что на уровне "языковой ткани" произведения принцип интертекстуальности прежде всего находит свое выражение в систематическом использовании фразеологических клише, которые сознательно или бессознательно переносятся в новую художественную структуру. При этом следует отметить, что установление степени клишированности того или иного текста, включенного в новую структуру, в принципе помогает уяснить идейно-художественные позиции автора.

Такая заданная особенностями текста его "сопоставимость", "соотносимость" с историко-литературным контекстом, проявляющаяся на столь конкретном, осязаемом уровне, своеобразное "тесное взаимодействие" однородных (часто — однообразных) элементов в разнохарактерных художественных структурах (различных сборниках сэцува) вытекают, видимо, из общей эстетической установки литературы сэцува, которую мы предлагаем называть дискурсивностью.

Фразеологическое клиширование — это конкретное проявление и вместе с тем — частный случай "дискурсивности" поэтической системы сэцува. Дело, однако, не сводится только к такому, внешне элементарному, "механическому" действию дискурсивности. Перенесение, заимствование фразеологических клише и даже использование стереотипных рассказов как цельных блоков — не самоцель и не следствие творческой инерции авторов литературы сэцува. Это часть принятой ими единой художественной системы. Действие дискурсивности в сэцува можно проследить не только там, где она проявляется наиболее наглядно — в использовании стереотипов. Дискурсивность глубоко проникла в художественную ткань сэцува. Дискурсивный характер носит, например, такой важный элемент поэтики сэцува, как деталь. Своеобразной "дискурсивной" деталью может являться, например, как бы случайное упоминание в той или иной сэцува о человеке, не являющемся персонажем данной истории, введение топонима или реалии, наконец, просто какая-то внешне, текстуально никак не выделяемая деталь описания. Не раскрываемый в тексте смысл такой детали может быть уяснен и опозитивирован лишь в результате логической дискуссии, обращения к историко-литературному контексту.

Подобная свобода обращения к материалу, лежащему вне данного текста, без сомнения, заложена в основе художественной системы литературы сэцува и зиждется на понимании (внутреннем понимании, так сказать, заложенном в самом жанре генетически) интертекстуального характера этой литературы. Эта свобода обуславливает естественную легкость дискурсивных построений, на которых основан в большой мере подтекст "Повествования" (напомним — подтекст формообразующий). Значительная часть поэтического и чисто смыслового содержания данной системы сэцува (то есть конкретного памятника) без дискурсивных построений просто не поддается раскрытию, дешифровке.

В сэцува нет ничего случайного, лишнего. Каждая деталь здесь — значима, но только для того читателя, который свободно ориентируется во всем богатстве мира сэцува. Контекстуальное осмысление дискурсивных деталей-символов, видимо, составляло суть или, во всяком случае, одну из важнейших притягательных черт для читателя литературы сэцува. Проводя внетекстовые параллели, отыскивая историко-литературные ассоциации, иначе говоря, погружаясь в стихию дискурсии, читатель как бы активно соучаствовал в процессе творчества. Думается, именно этот момент составлял основу эстетической притягательности литературы сэцува.

"Дискурсия", опирающаяся на интертекстуальность, — это один из важнейших элементов поэтики данного жанра, вычленяемый на уровне отдельно взятой сэцува. Однако помимо соотношения отдельно взятой сэцува с ее вариантами, помимо дискурсивного выявления смысла деталей-символов, существует еще и некая система "глобального" взаимосотнесения и "взаимоналожения" отдельных сэцува как единых художественных блоков внутри данной структуры сэцува, внутри конкретного памятника. Эта система представляет собою как бы высшую ступень в той "лестнице уровней" эстетического воздействия, которую мы взяли за основу для охарактеризовать в настоящей работе.

Разнородные рассказы сборника сэцува сливаются в единую гармоничную структуру в значительной степени именно благодаря тому, что их сопряжение, взаимосотнесенность по замыслу автора создает некий художественный эффект. Эта взаимосотнесенность тесно увязывается, в частности, с принципом поэтики сэцува, охарактеризованном нами как "серия" (суть принципа "серии" в построении групп рассказов, объединяемых по единому тематическому признаку, по персонажам, по поэтическому настроению).

Система взаиморасположения сэцува в конкретном памятнике и основанный на ней эффект художественного воздействия, когда отдельные сэцува, "взаимодействуя", художественно обогащают друг друга, что придает эстетическую многозначность всей системе, видимо, основана в значительной мере на том "механизме, благодаря которому литературный текст выявляет (иронически, гротескно, юмористически) другой текст, группу текстов, определенные признаки жанра, школы, литературного направления" (К.Буше). Этот "механизм" Буше условно определяет как "народичность".

АХМЕД МУХТАР ДЖАФ — ПОВЕСТЬ "ПРОБЛЕМА СОВЕСТИ"

Ахмед Мухтар Джаф вошел в курдскую литературу как поэт. Его гражданская лирика более полувека служит духовным зарядом для всех прогрессивно мыслящих представителей курдского общества, пробуждает патриотические чувства, разжигает ненависть к угнетателям курдского народа. Поэтическое наследие Ахмеда Мухтара рассматривается в работах курдских литературоведов.¹

Но с 1970 г. открывается новая страница в творчестве уже известного литератора, публикуется повесть Ахмеда Мухтара. "Проблема совести или Как я стал знатным человеком", рукопись которой была обнаружена в домашней библиотеке Карим бека, отца известного курдского литературоведа Ихсана Фуада.

Повесть Ахмеда Мухтара "Проблема совести или Как я стал знатным человеком" написана в 1927-28 гг. и является острейшей социально-политической сатирой.

Успех писателя зависит во многом от того, насколько точно выразит он в главном герое своего произведения типичные черты современника, обнажит корни основных бед и болезней общества, опутывающих людей в описываемое время. Ахмед Мухтар избрал своим героем человека, который, двигаясь по ступеням служебной лестницы, теряет одно за другим лучшие качества своей души.

Ахмед Мухтар находит своего героя среди бедняков, рано осиротевшего и оставшегося почти без средств к существованию. На первых страницах повести герой, которого зовут Зораб, еще очень молод, взгляды его незрелы, а основной его капитал — это правдивость и непосредственность. Молодой Зораб — горячий правдоискатель, он пытается противостоять лжи и мошенничеству.

Он устраивается на службу к лавочнику и становится свидетелем того, как его хозяин бессовестно обманывает покупателей — бедных крестьян, приходивших к нему за сахаром, чаем и другими мелочами. Зораб уходит от него и поступает к другому торговцу, но и у него сталкивается с тем же.

Постепенно Зораб убеждается в том, что все вокруг построено на обмане: "торговцы обманывают крестьян, крестьяне стараются обмануть хозяев. Как-то раз Зораб сказал одному помещику, что управляющий с крестьянами украли у него зерно, а управляющий, кроме того, берет взятки. Но помещику невыгодно расследовать это

дело: свое он возместит другим способом, а открыто выступать — не хочет: "Это мои люди... ради меня они идут даже на убийство или грабеж..."²

Очевидно, что в государстве взяточников богатство покрывает любое преступление и остается безнаказанным.

Задумываясь над существующим положением, Зораб приходит к выводу, что дело не в плохих и хороших людях, а в отсталости всего общества, благословляющего обман и невежество.

Таким образом, уже в первых эпизодах повести автор намечает основной конфликт произведения: сталкивает неискушенного Зораба с алчным и лживым миром борьбы за наживу. Однако, придя в столкновение с окружающим миром, Зораб не проникается мыслью изменить его в корне, а пробует только улучшить, подправить.

Не найдя удачи в родном городе, Зораб переезжает в другое место и поступает на службу в государственное учреждение. Тут без особенной борьбы наш герой один за другим отбрасывает идеалы юности и принимает "законы" существующей жизни.

Через некоторое время Зораб получает должность мелкого сборщика налогов и начинает энергично использовать ее для личного обогащения. "Когда я поехал в деревню для сбора налогов, то у каждого крестьянина, который должен государству четыре крана, я брал шесть, а квитанцию выдавал ему на два крана: все равно неграмотные люди ничего не понимали. В следующий раз, приезжая сюда, я требовал от них по три крана, а когда они показывали мне квитанции, то я угрожал им тюрьмой."³

В образе Зораба дано изображение определенного социально-психологического типа, воплощающего в себе основные черты мелкого буржуа, приспособляющегося к современному ему обществу.

Сатира Ахмеда Мухтара очень многопланова, она как бы высвечивает различные темные стороны окружавшей писателя жизни. Так, один из поворотов судьбы заставил главного героя повести заняться политической деятельностью, сделаться "защитником народных интересов".

"Я надел красивый европейский костюм, взял в руки трость и портфель, куда положил много чистой бумаги и книги, некоторые из которых не смог бы даже прочесть, и стал ходить по домам и чайханам, произносить пышные речи, разглагольствовать о родине, свободе, независимости... иногда нарочно распространял листовки против правительства, которые подписывал чужими именами."⁴ Ахмед

Мухтар ядовито и точно представляет нам своего героя в качестве новоиспеченного "политического деятеля". Надо отдать должное герою повести: он проявил достаточно осведомленности в этой новой для него области, ловко маскируя свои истинные цели. Любопытно, какое отношение такие "смутьяны" вызвали в правительственных кругах. "Я стал очень известным в политических сферах, и все считали меня превосходным человеком. Никто не догадывался, что все мои планы сводились к тому, чтобы вновь получить доходное место и начать снова сосать кровь народа, накапливая богатство".⁵ Эти строки повести — резкая критика современных писателю буржуазных деятелей, которые под маской народных защитников прятали свои корыстные личные интересы.

Повесть "Проблемы совести..." написана от первого лица, но обличительный характер произведения убеждает нас в том, что никакого автобиографического начала или просто отдельных моментов подобия между героем повести и его создателем нет. Данный авторский прием использован для того, чтобы возможно полнее, как бы изнутри, представить читателю своего героя.

Как и большинство передовых людей своего времени, Ахмад Мухтар считал, что социальную несправедливость можно уничтожить с помощью образования. Свою просветительскую программу писатель вкладывает в уста мудрого старца, которого Зораб встретил однажды, гуляя по городу: "Говорят, что люди — самое совершенное, самое умное творение бога, но ведь часть этих творений хуже зверей. В истинно цивилизованном мире не должно быть вражды между людьми, образованные должны помогать тем, кто погибает в невежестве. Когда ребенок совершает проступок, то разве вина не падает также на воспитателя? Если он мог предвидеть и не воспрепятствовал, то виноват прежде всего он. Совершенствование человека заключается не только в заботах о себе".⁶

Повесть "Проблема совести..." — единственное известное нам прозаическое произведение Ахмеда Мухтара Джафа. К сожалению, она не была опубликована сразу после написания, но, несомненно, это одно из значительнейших произведений курдской прозы XX в.

¹ История курдской литературы Ала ад-Дин Суджади, Рафик Хильми, История поэзии и курдской литературы и Маруф Хазнадар, Очерки современной курдской литературы и др.

2 Ахмед Мухтар Джаф, Проблема совести или Как я стал знатным человеком, Багдад, 1970, с.22.

3 Там же, с.38.

4 Там же, с.40-41.

5 Там же, с.42.

6 Там же, с.47.

И.И.Цукерман

КУРДСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ НА ХОРАСАНСКОМ КУРМАНДЖИ

Публикуемые ниже пословицы не могут быть прикреплены к какому-либо одному информанту. Большая часть их была записана осенью 1936 г. по нашей просьбе молодым сотрудником Туркменского института языка и литературы, курдом по национальности Я.Фархатовым. Однако после этого, спустя некоторое время, и текст их и в особенности понимание были подвергнуты ревизии - в результате оживленного обсуждения пословиц в гостеприимном доме жителя поселка Фируза (близ Ашхабада) Азиза Ходжамамедова, куда по вечерам собирались для этой цели местные курды, недавние выходцы из Хорасана (Иран).

Пословицы хорасанских курдов - насколько нам известно - публикуются впервые. Стоит отметить, что в весьма ценном сборнике братьев Джалиловых, включающем более двух тысяч курдских пословиц,¹ можно найти только два десятка таких, которые составляют близкие или далекие варианты предлагаемых хорасанских.

Нами пословицы привлекались только для лингвистического анализа, но они, разумеется, представляют прежде всего фольклористический интерес, отражая существенно иной ареал в сравнении, например, с ранее неоднократно публиковавшимися пословицами курдов Армении.

1. *We destekê du qerpûz nê dagirtin(ê)* ' Два арбуза в одной руке не удержишь'.

2. *Xatirî zêr zergêr zani* ' Цену золоту знает мастер'.

3. *Qedirê mêran jin zanin* ' Цену мужчинам знают женщины'.

Продолжение № 2 ?

4. Herçem mirî wî, gay bin xwe hey ke 'Будь ты хоть мерт-
вый, а быка под собой погоняй'.
5. Ciqes ki mirî jî, gay bin xwe baje - вариант № 4,
с тем же значением.
6. Dêl ta boç'î xwe nelivîni, se we rêu nakevin 'Пока сука
не виляет хвостом, кобели за ней не побегут'.
7. Şunî we dar we tirs dewî 'Лес таит опасность'.
8. Kîşmîş şîrine, emma doç' le gewrîyê yêkê demînyê
(demînyê) 'Кинмиш-то сладок, да, бывает, веточка в горле за-
стреивает'.
9. Ademî gêrmêxur kevç'f le wer bênd dewî 'У любителя похлеб-
ки всегда ложка наготове'.
10. Sa raketinê siyî kemeran rinde , eger mar tunnawin
'Хорошо спать в тени за горкой, кабы не было змей'.
11. Le kerê xwe niştîye , hewla xwe dexwe 'Уселся на своем
осле и ест себе халву'.
12. Herçem ç'îya bilind win, dîsa rê wê dekevi 'Как бы ни
были высоки горы, а найдутся к ним подступы'.
13. Le kerê niştin eyweke, je kerê daketin du eywin 'Сесть
на осла - опозориться, слезть с осла - вдвойне опозориться'.
14. Ademî we eñil pir nawî 'Умных людей немного'.
15. Bizin we lingê xwe, mêşin we lingê xwe 'Коза - на
своих ногах, овца - на своих'.
16. Hewrî rind qamçîyê pagîne xwe 'Добрый конь в кнуте не
нуждается'.
17. Gur hemîşe birçîye 'Волк всегда голодный'.
18. Ademî feñîr merd dewî 'Бедный человек - щедрый'.
19. Kesî we mal qîmez dewî 'Богатый - жадный'. Продолже-
ние № 18?
20. Kesî qîmez mîvan nê malê 'К скупому хозяину гость в дом
не идет'.
21. Je arîyê ar tê emelê 'И из золы огонь возгорается'.
22. Xwedê gotîyê: "Je te hêreket, je min bereket" 'Бог
сказал: "От тебя дело, от меня благословение"'.
23. Destî ki xan bibiri, xwîn wî nakevi 'Хану хоть руку
порезь, кровь не пойдет'.
24. Bira nan hewî, reş biwî 'Был бы хлеб, пусть черный'.
25. Kê ki têxereke xwe hewî, barî wî le herdê namîni 'У ко-
го хоть осленок есть, вык на земле не останется'.

26. Xwedê ki şax we keran dana, zikê gan dedirandin. 'Если б бог дал ослам рога, они быкам животы распороли бы'.
27. Mêrî du jin hêsfîre 'Двоеженец - что пленник'.
28. Ademî du jin we herdû jinava dewî sê jin 'Муж да две его жены - вместе три бабы'.
29. Dizan je dizan dizî, herd u asman lê lerzî 'Воры воров обокрали - земля и небо содрогнулись'.
30. Zikî têr xewera xwe je zikî birçî tunne 'Сытый голодного не разумеет'.
31. Ademî mefsede je kullî adem kûtîyê 'Нет хуже сплетника'.
32. Ademî bê ling mirîyê 'Человек без ног - как мертвый'.
33. Genimî rijfîyay beref nawî 'Просыпанную пшеницу не соберешь'.
34. Zêrî zer we nav arîyêda bêlîye 'Червонное золото и в золе не потеряется'.
35. Zêrî zer we nav xwelîyêda vanda nawî 'Червонное золото и в грязи не пропадет'.
36. Sey durust je mêrî kûtî rinde 'Лучше верная собака, чем скверный муж'.
37. Gur we pêzra tu wextê dost nawî 'Волк овцам никогда не будет другом'.
38. Raketin je ser umrî adem nîni 'Спать не значит жить'.
39. Herkes zû hulistî karî xwe je kullan zû xelas deke 'Кто рано встает, тот раньше всех работу кончает'.
40. Bîçaxî ki je zêr wû, gerî adem le xwe êxîni ! 'Если нож золотой, то разве надо его в себя всадить!'.
41. Kulavî reş gewr nawî 'Черная кошма белой не станет'.
42. Pişîk gû deke, xwelîyê berefî ser deke 'Кошка нагадит - и то землей присыпет'.
43. Berxî nêr sewa qurwanê xwedê daye 'Ягненок-самец богом создан на заклятие', т.е. 'Юноша рожден для битвы'.
44. Ademî qîç'îk batîr dewî 'И маленький человек бывает героем'.
45. Bizînî kûtî bedmecz dewî 'Паршивая овца привередлива'.
46. Sa gay raketî êm tunne 'Спящего быка не кормят'.
47. Kî kar ke, biroşî wê dekelî 'Кто трудится, у того и в котле кипит'.
48. Malî helal yox nawî 'Что честно нажито, не пропадет'.
49. Malî heram xêr nake 'Что нечестно нажито к добру не приведет'. Продолжение № 48?

50. Ademî derewîn - zik têr nawî ' Враньем не прокормишь-ся'.
51. Gur du caran nê xarandin ' Волка два раза не обманешь'.
52. Biray derewîn carê dexarî ' Фальшивым "брат-брат" только раз проведешь'.
53. Her ketinek sa yêkê fêdeke ' Каждая неудача служит уроком'.
54. Kêm-kêm buxwe, hemîşe buxwe ' Ешь почаще, да понемногу'.
55. Ezaw sa qerîwan hatîyê ' Горе мыкать - удел бедняков'.
56. Gewşa adem gerkirine ' Скотина жвачку жует, человек языком мелет'.
57. Ademî bê bîçaxî dest girê daye ' Без ножа - как без рук'.
58. Gotine kerê: "Te têxer hanî !" Kerê got : "Newî-tun-newî, ezaw le ustî mine" "Ослице сказали: "У тебя осленок родился!" Ослица: "Все равно мне груза не убавят"'.
59. Goştî xizîn yê mêlleye, hestî yê dê-bavane ' Мясо детей - мулле (учителю), кости - родителям'.
60. Şeytîn saz je wê dunîyê hanîyê ' Музыку черт занес с того света'.
61. Le hevalî xwe xeyanetîyê meke ' Не предавай товарища'.
62. Layîq we orxanî xwe lingê xwe dirêj ke ' По одежке протягивай ножки'.
63. Herçî ki mar je rûngê derevî, rûng dat, we derî kunê wî-da derket ' Змея все избегала мяты, а мята выросла у самой ее норы'.
64. Lawî rind we bûyînêra bêllîyê ' Хороший сын с рождения виден'.
65. Avê revan heram nawî ' Проточная вода не станет поганой'.
66. Ker je keran bimînî, guç'ikaş debirin ' Ослам, отставшим от ослов, отрезают уши'.
67. Şûy kelegê kullî we ç'avekêne, gerê tu jî we ç'avekê biwî ' С одноглазыми стал водиться, будь и сам одноглазым'.
68. Lingê rûniştê êxil tîni, lingê gerîyay geran tîni ' Посидишь - умом дойдешь, походишь - от людей узнаешь'.
69. Kwîr natêy jîran tere ' Слепой, как и зрячий, ногами ходит'.
70. Mal tere we rêkêda, xwedî tere we hezar rêyanda ' Добро унесли по одной дороге, а вора ищут по тысяче дорог'.
71. Herkes bike, we xwe deke ' Что ни делаешь, себе делаешь'.

72. Herkes we destî bike, we stukurê xwe dekşîni 'Делают руками, а отвечают горбом'.

73. Gerê ademî kal senete 'Советы пожилых людей драгоценны'.

74. Jinê rind - mêr pîr nawî 'У хорошей жены муж не старится'.

I Ордихане Джалил и Джалиле Джалил, Курдские пословицы и поговорки, 1972.

М.В.Воробьев

О РАНИХ ЧЖУРЧЖЭНЕ-МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЯХ
(К постановке проблемы)

Проблема, предлагаемая вниманию читателей, представляет интерес для лингвистов и историков культуры. Она еще мало разработана. В.Грубе, публикуя и разбирая чжурчжэньскую часть словарей "Хуаи ий" ("Китайско-варварские словари", XV в.), лишь в четырех случаях отметил связь между чжурчжэньской и монгольской лексикой [5, № 489, 715, 719, 800]. Это не много, т.к. оба языка одной семьи и современники. В дальнейшем число таких сопоставлений возросло. И тем не менее решение проблемы ранних языковых связей затруднено рядом обстоятельств. Наиболее ранний источник по чжурчжэньскому языку — словарь "Хуаи ий" — составлен китайцами и учитывает словарный состав XV в., т.е. времени после монгольского господства. Поскольку чжурчжэньский язык — язык мертвый и чжурчжэньская письменность не расшифрована, а транскрипция чжурчжэньских слов в словаре "Хуаи ий" китайская, — последующие исследователи при реконструкции звучания чжурчжэньских слов чаще всего обратились к староманьчжурскому языку [9]. Последний действительно является прямым наследником языка чжурчжэньского, но это не помешало ему позаимствовать из других языков. Отсутствие четкого разграничения между языками одной группы, но разных эпох, привело некоторых исследователей к категорическим выводам, что в группах монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (включая и чжурчжэньский) заимствования в основном шли из языков монгольских [7, с.16]. Это если и справедливо, то для времени не ранее XIV в. Г.Д.Санжеев, например, отмечает лишь два заимствования чжурчжэне-маньчжурских слов монголами: ма. anʃa , мо. anʃisu —соха, ма. gergen — народ, мо. gürčin — государство [3].

А между тем китайские дипломаты, посетившие чжурчжэньскую империю Цзинь и ее соседей накануне ее краха, писали: «Монгольские [слова] в большинстве случаев по происхождению заимствованы [из других языков] и [только] обозначены [своими] звуками» [2, с.140]. Разумеется, имелась в виду в основном лексика книжного языка, но и заимствования предполагались не только китайские, но и из других языков. Оценка общей культурной ситуации в этом ареале в XII-XIII вв. дана П.Пеллио: «Монголы, которые многим, в том числе языком и культурой, обязаны туркам, почти стольким же обязаны чжурчжэням. До Хубилая [1271-1294 гг. - М.В.], можно сказать, монголы не знали Китая, китайских учреждений, модифицированных и адаптированных Цзинь» [8, с.465]. Это высказывание подтверждается и позднейшими исследованиями, причем знакомство монголов с китайским миром первоначально осуществлялось при посредстве чжурчжэней, как некогда чжурчжэни с той же целью пользовались услугами бохайцев и киданей.

В настоящей заметке мы подошли к этой проблеме несколько по иному. Используя чжурчжэньскую часть словарей "Хуан ий" в издании и обработке В.Грубе - свыше 800 слов [5], словарь Ямадзи Хироаки - около 900 слов [9] и словник к "Сокровенному сказанию монголов" - около 3500 слов [6], мы составили сравнительную таблицу слов обоих языков, наиболее близких по звучанию и значению. Поскольку "Сокровенное сказание монголов" было завершено к 1240 г. языковая ситуация у монголов зафиксирована в словнике на начало XIII в. Выделить в чжурчжэньских словарях слой XII-XIII вв. сейчас невозможно. В таблице монгольские слова приведены в транскрипции и последовательности Э.Хэйниша, чжурчжэньские слова - в транскрипции Ямадзи Хироаки, приближенной к фонетике староманьчжурского языка. Мы отдали ей предпочтение перед транскрипцией В.Грубе не только по техническим условиям (она трудна для воспроизведения), но и потому, что транскрипция Х.Ямадзи облегчает сопоставление чжурчжэньских слов с монгольскими, а также с корневыми тунгусо-маньчжурскими по новейшим словарям [4]. Справа в вертикальных колонках указано местонахождение чжурчжэньских слов у В.Грубе и Х.Ямадзи.

Табл. I. Сравнительная таблица слов монгольского и чжурчжэньского языков

Монгольские слова	Чжурчжэньские слова	Значение	Местонахождение	
			по Н. стр.	по Г. №
I	2	3	4	5
ajirha	ajirhan	жеребенок	22	170
andahar	antahai niyalma	мо. договор о дружбе, чж. почет- ный гость.	43	330
baiyan	baiyang	богатый	68	346
basa	basa	снова, опять	44	439
beye(n)	beye	тело	35	490
buda'an	buda-kuwai	рисовая каша	68	523
buhu	buku	олень	49	146
bui	bi-mbi	быть	35	704
dekdegu	deye-mbi	подниматься	39	392
dere	dere	мо. задняя поверх- ность, чж. поверх- ность	39	491
duli	dulila	середина, половина	17	610
ejen	ejen	господин	21	331
elci(n)	elci	вестник, послл	7	230
hada'ucihu	hada-mbi	мо. учитывать чж. доверять	39	-
har	gar	мо. рука, чж. сук	57	123
hari(n)	harin	двор, государство	8	479
hathuhu	kadala-mbi	мо, втыкать чж. управлять	25	430
honin	honin	овца	34	144
hucihu	nūsi(h)an	мо. покрывать чж. пбжа	28	552
hubi	ubu	часть	53	263
hudalduhu	hudasa-mbi	торговать	40	418
hudurha	hujila	подхвостник	40	228
hulahhu	hūlhai niyalma	мо. красть чж. разбойник, вор	53	336

I	2	3	4	5
hutuh	hutor	благополучие	68	348
ima'at	imala	коза, козел	71	178
ine'egu	inje-mbi	смеяться	7	461
iregu	ileh	при-, входить	-	715
irge(n)	irge	крестьяне, народ	14	848
jida	gida	копье	31	234
jirhahu	jirha-mbi	радоваться	53	383
joba'ahu	jobun	мо. заботиться		
		чж. затруднение	47	844
jun	juwa	лето	70	74
ke'eli	hefeli	живот	61	508
kici'egu	kiče-mbi	стараться	66	847
mahałai	mahila	шапка	25	547
medegu	mejige	мо. знать, чж. слух	8	483
mingan	minggan	тысяча	25	664
mino	mini	я, мой	66	583
modun	mo	дерево	34	117
mohai	meihe	змея	20	165
mori(n)	morin	конь	62	138
munggu(n)	munggun	серебро	36	570
narin	narhun	тонкий, мелкий	57	672
noho'an	niogiyān	зеленый	45	616
surhu	sure	мо. учить, чж. умный	19	753
śing	śang	белый	16	619
taize	taidzu	принц	21	870
teme'en	temege	верблюд	33	137
tume(n)	tuman	десять тысяч	3	665
yabuhu	yabu-mbi	идти	12	422

Три слова в этой таблице повторяются в "Цзинь ши" и, следовательно, относятся не позднее чем к сер. XIV в. (antahai niyalma , honin , minggan), два (из четырех) отмечены В. Грубе как связанные с монгольским языком (bava , ileh), лишь одно слово явно китайского происхождения: мо. taize , чж. taidzu [I, табл. I, № 23], несколько чжурчженьских слов перешло в письменный маньчжурский: niogiyān , jirha-mbi , baiyang [I, табл. 2, №№ 12, 16, 31]. Вопрос о путях, которые привели к появлению этого, далеко не

полного, перечня слов, общих для обоих языков, представляет пищу для размышления лингвиста. С культурно-исторических позиций вероятно заимствование чжурчжэнями у монголов такого слова как *tame'en*, а монголами у чжурчжэней - таких терминов как *antahai niyalma*, *buda kuwai*, *ejen,elci*, *harin,irge*, *minggan*, *taidzu*, *tuman* и другие на стадии формирования из отдельных наречий древнемонгольского письменного языка, и допустимо образование фонда однокоренных слов как результат тесного культурного и языкового общения.

1 М.В.Воробьев, Словарный состав чжурчжэньского языка как этнографический источник, - Доклады отделений и комиссий ГО СССР, в. 5: Этнография, Л.,1968.

2 Н.Ц.Мункуев, "Краткие сведения о черных татарах" Пэн Да-и и Сяй Тина, - Проблемы востоковедения, М., 1960, № 5.

3 Г.Д.Санжеев, Маньчжуро-монгольские языковые параллели, ч.1-2, - Изв. АН СССР, отд. гуманитарных наук, 7-ая серия, М., 1980, № 8-9.

4 Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю, Л.,1975 -

5 W.Grube, *Die Sprache und Schrift der Jučen*, Leipzig,1896.

6 E.Haenisch. *Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an (Yüan-Ch'ao-Pi-Shi) Geheime Geschichte der Mongolen*, Wiesbaden, 1962.

7 G.Kara, *Le dictionnaire étymologique et la langue mongole*, Acta Orientalia Hungaricae, Budapest, T. XVIII, fasc.I, 1965.

8 P.Pelliot, *Sur quelques mots d'Asie Centrale attesté dans les textes chinois*, - Journal Asiatique, XI-e serie, Paris, T.I, 1913, mars-avril.

9 Yamaji Hiroaki, *A Jučen-Japanese-English Glossary with a List of Chinese Originals*, Tokyo, 1956.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДИКАТИВОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ
КАЧЕСТВА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ Ш-У вв.

Применив синтаксический критерий для классификации знаменательных слов китайского языка Ш-У вв., мы получили 6 разрядов, или классов, различающихся между собой по грамматическим признакам¹.

Предлагаемые заметки посвящены характеристике одного из шести полученных классов, а именно предикативам со значением качества.

В обследованном памятнике² выделилась группа предикативов, обозначающих качество и употребляющихся в следующих функциях³: бесовязочное сказуемое (сокращенное обозначение V), определение к подлежащему и дополнению (сокращенное обозначение A), определение к другому предикативу (сокращенное обозначение D), а также как дополнительный член 2-го типа (сокращенно Og.2)⁴. Предикативы этого класса могли также употребляться субстантивно (сокращенно N).

Примеры слов характеризуемого класса с указанием функций, в которых они отмечены в обследованном памятнике:

大 да 'большой', 少 шао 'мало', 正 чжэн 'правильный', 深 шэнь 'глубокий' (V, A, P);

白 бай 'белый' (V, A, Og.2);

貴 гуи 'дорогой', 'благородный' (V, A, N);

長 чан 'длинный', 廣 гуан 'широкий', 易 и 'легко' (V, D) и др.

В функции сказуемого слова рассматриваемого класса характеризуются двумя признаками: они не принимают дополнения, но могут иметь перед собой определение, указывающее на степень интенсивности признака (например, 甚 少 шэнь шао 'очень незначительно', 極好 哉и хао 'очень хороши', 最重 цзуй чжун 'самый тяжелый' и т.п.).

В функции определения типа A слова данного класса могут в свою очередь иметь перед собой определение со значением интенсивности качества (например, 最美 цзуй мяо 'самый прекрасный', 大富 да фу 'очень богатый').

Определительная и сказуемая функции слов рассматриваемого класса тесно связаны: от сочетания AN легко образуется со-

четание IV (А и V — предикатив рассматриваемого класса, N — какое-то существительное). В качестве примеров приводим встретившиеся в обследованном памятнике пары сочетаний, являющиеся своего рода трансформами:

V		A	
馬本黑		黑馬	
Ма бэнь хэй	'Лошадь была черной'.	Хэй ма	'Черная лошадь'.
鼻甚好		好鼻	
Би ньэнь хэо	'Нос очень красивый'.	Хэо би	'Красивый нос'.

Рассматриваемые предикативы могут выступать как определения к предиктивам со значением действия (например, 常在 чан цзай 'постоянно находиться').

Предикативы описываемого класса часто встречаются в функциях подлежащего и дополнения, т.е. употребляются субстантивно. В этом случае они обозначают отвлеченное название качества (на русский язык мы переводим их существительными, образованными от соответствующих прилагательных).

Употребляя субстантивно, эти предикативы могут сочетаться с предлогами (например, 以富為樂 и фу вэй лэ 'считают богатство радостью'), но в отличие от настоящих имен не принимают определений (за исключением отдельных примеров, которые подчиняются другим правилам).

Некоторые предикативы рассматриваемого класса употребляются как отвлеченное название качества так же часто, как в своих основных функциях. Это относится к словам, обозначающим моральные и умственные качества человека⁵. Примеры: 智 чи 'мудрый', 'мудрость', 善 шань 'совершенный', 'добро', 惡 э 'злой', 'зло', 勇健 юньцзянь 'храбрый', 'храбрость' и т.д.

Частота указанных слов в именных функциях дает определенные основания для выделения их в особый подкласс в составе рассматриваемого класса.

Отдельные предикативы интересующего нас класса могут выступать как первая часть сложного сказуемого, при котором подлежащее обозначает не субъект, а объект действия⁶. В указанной функции отмечены такие слова, как 易 и 'легко', 難 нань 'трудно', 可 кэ 'можно'. Примеры: 其難得 ци нань дэ 'Этого трудно достячь'; 以為易行 и вэй и син '...полагают, что будет легко в поступках'; 如何可殺 ? лухэ кэ ша? 'Разве можно его убивать?'

Отмеченная выше функция, характерная для некоторых предикативов рассматриваемого класса, дает основания считать эти предикативы подклассом в составе рассматриваемого класса.

В системе традиционных частей речи рассмотренному классу соответствует прилагательное.

Однако среди предикативов, отнесенных к описанному классу, выделяются слова, которые, кроме признаков, общих для всего класса, обладают некоторыми особенностями, о которых сказано выше, — мы имеем в виду предикативы, обозначающие умственные или моральные качества человека, и предикативы с пассивным значением, выступающие как первая часть сложного сказуемого.

I Принципы классификации и выполненные для этого операции описаны нами в статье: И.С.Гуревич, Опыт выделения классов слов в китайском языке III—V вв. с помощью синтаксического критерия (на материале сутры Бай юй цзин), — "Письменные памятники и проблемы истории культуры Народов Востока". X годовичная научная сессия ЛО ИВАН СССР, М., 1974, с.128—128.

2 Там же, с.127.

3 Более подробно о каждой функции см. там же.

4 Там же, с.125.

5 Подобно тому, как это было древнекитайским языке (см.: С.Е.Яхонтов, Древнекитайский язык, М., 1965, с.43).

6 Подобные предикативы в древнекитайском языке С.Е.Яхонтов считает модальными прилагательными (С.Е.Яхонтов, Ук.соч., с.51).

И.Т.Зюграф

СЧЕТ ПРЕДМЕТОВ В СРЕДНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Подобно тому, как количество какого-либо вещества невозможно выразить без наименования единицы измерения (一桶水 и тун шуй "ведро воды", 三盃酒 сань бэй цзю "три чашки вина", 十兩銀子 ши лян иньцзы "десять лян серебра" и т.п.), в современном китайском языке при счете предметов требуется включение между числительным и существительным, именующим исчисляемые предметы, специальных слов, характеризующих конкретный класс

таких предметов (三個人 саньгэ жэнь "три-штуки человека" 一頂轎兒 иди цзяоэр "одна = крыша паланкин" и т.п.). Та-ким образом, регулярная современная конструкция счета включает три компонента: 1) числительное, 2) существительное - название единицы измерения, 3) существительное - название измеряемого или исчисляемого. Числительное с единицей измерения составляет своего рода комплекс, обычное место которого перед существитель-ным-исчисляемым (-измеряемым)¹.

Непосредственно с числительным соединяется, следовательно, ограниченный круг существительных, представляющих собой различ-ного рода единицы измерения. Эти существительные разделяются на две группы. Первая включает так называемые "меры", употребляющие-ся при измерении веществ, и слова, которые используются при под-счете тех или иных совокупностей предметов; вторая - слова-клас-сификаторы (или "суффиксы-классификаторы" по А.А. Драгунову), ко-торые употребляются при подсчете индивидуальных предметов.²

В плане истории китайского языка наибольший интерес пред-ставляют последние - именно они варьируют от эпохи к эпохе,³ тогда как единицы измерения в собственном смысле этого слова ("меры") в общем остаются неизменными.

Современная конструкция "числительное + классификатор + существительное" начинает употребляться с III в. н.э. и получает сравнительно широкое распространение в языке периода Лючао; для классического древнекитайского эта конструкция не характерна.⁴ Позиция комплекса "числительное + классификатор" по отношению к существительному устанавливается не сразу - вплоть до танских текстов он может находиться как перед существительным, к которо-му он относится, так и после него.

Тексты танского, сунокского и юаньского времени⁵ представляют в этом отношении значительный интерес. Они показывают, как посте-пенно складывалась сама категория счетных слов и как шло закреп-ление за комплексом "числительное + классификатор" его современ-ного места перед существительным. На основании этих текстов мож-но сделать вывод, что та картина употребления счетных слов-клас-сификаторов, которая в целом характерна для современного языка, установилась только в эпоху Сун-Юань. Танские тексты (конкретно, дуньхуанские бяньвэни), напротив, обнаруживают существенные от-клонения от нее. Таким образом, употребление счетных слов может служить дополнительным аргументом в пользу периодизации, разделяю-щей эпохи Тан и Сун-Юань, как два последовательных этапа истории языка.⁶

Общая картина употребления счетных слов в танских текстах по существу мало отличается от той, которая наблюдается в текстах периода Лючао.⁷ При подсчете предметов наиболее распространенным вариантом конструкции является конструкция "числительное + существительное"; числительное, как правило, находится перед существительным. Реже можно встретить конструкцию, где после числительного употреблен классификатор, при этом числительное с классификатором не имеет фиксированного места — оно может стоять и перед существительным, к которому оно относится, и после него.

Различие между танскими текстами и текстами периода Лючао состоит в том, что в период Тан заметно увеличилось число классификаторов вообще и появился классификатор 個 гэ в частности (который в современном языке постепенно вытесняет другие слова-классификаторы⁸), правда, используется он еще сравнительно редко и преимущественно с одушевленными существительными (хотя возможен и перед неодушевленными существительными, конкретными и абстрактными). Числительное с классификатором гэ, так же, как и с другими классификаторами, может находиться и после существительного. Как и при других классификаторах, существительное опускается редко. Числительное — и "один" может опускаться при условии, что комплекс гэ + существительное не является подлежащим в начале предложения.

В танских текстах нам встретились следующие классификаторы:

個 гэ "штука" (нейтральный) — с сущ.: 人 хэнь "человек", 子 цзы "сын", 女子 нюйцзы "женщина", 姊妹 цзымай "сестра", 外甥 вайшэн "племянник", 老人 лаоэнь "старик", 高人 ганьэнь "купец", 鬼 гуй "черт", 笠子 лицзы "соломенная шляпа", 水碓 шуйпин "кувшин для воды", 問頭 вэньтоу "вопрос";

枚 мэй "штука" (для тонких или круглых предметов) — с сущ.: 釘 дин "гвоздь", 桃 тао "персик", 掉棹 чжаобэй "весло"; 隻 чжи "штука" (для продолговатых предметов) — с сущ.: 矢 ши "стрела", 船 чуань "лодка", 箭 цзянь "стрела", 腿 туй "нога";

領 лин "воротник" (для предметов одежды с воротом или цыновок) — с сущ.: 衫子 шаньцзы "рубашка", 氈 чжань "войлок"; 擘 (朵) до "гвоздь", "букет" (для цветов и некоторых других предметов) — с сущ.: 蓮華 ляньюа "лотос", 雲 внь "облако";

尺 пи "штука" (для тканей) и вм. 匹 пи "голова" (для лошади) - с сущ.: 絹 цзянь "тонкий шелк", 馬 ма "лошадь";

所 со "место" (для домов и построек и нек. др. предметов) - с сущ.: 宅 чай "жилище", 石 ши "камень";

口 коу "рот" (для домашних животных; для лезвий) - с сущ.: 羊 ян "баран", 劍 цзянь "меч";

條 (条) тяо "ветка" (для длинных предметов) - с сущ.: 杖 чжан "палка";

面 мянь "поверхность" (для предметов с плоской поверхностью) - с сущ. 鼓 гу "барабан";

紙 чи "бумага" (для писем и документов) - с сущ. 文狀 вэньчжуан "официальная бумага";

員 вань "чиновник" (для чиновников и командиров) - с сущ. 政官 чжэнгуань "чиновник";

道 дао "путь" (для длинных предметов; для указаний, руководств, приказов) - с сущ.: 皺皮 чжоу "морщина", 符 фу "знак";

頭 тоу "голова" (для скота; для дел, событий) - с сущ. 水牛 шуйни "буйвол";

間 цзянь "отсек" (для комнат) - с сущ. 房 фан "комната"; 根 гэнь "корень" (для длинных предметов) - с сущ. 棒 бан "дубинка";

片 пянь "часть", "кусок" - с сущ.: 心 синь "сердце", "чувство", 地 ди "земля";

匹 пи вм. 尺 пи "штука" (для тканей) - с сущ. 綵 цай "пестрый шелк";

番 фань "штука" - с сущ. 餅 бин "лепешка";

把 ба "рукоятка" (для предметов с ручкой) - с сущ. 火 хо "факел";

種 чжун "вид", "сорт" - с сущ. 事 ши "обстоятельство"; 寮 ко вм. 棵 ко "ствол дерева" (для растений) - с сущ.

牡丹 мудань "пион";

袂 (袂) чи "обложка" - с сущ. 文書 вэньшу "документ";

件 цзянь "предмет" (для платья; для дел, вещей) - с сущ. 袈裟 цзяша "каша" (монашеская одежда).⁹

Совершенно иначе обстоит дело в текстах сунского и ваньского времени. При подсчете индивидуальных предметов в этих текстах обычной является конструкция, где после числительного присутствует классификатор; числительное с классификатором, как правило, предшествует существительному. Числительное с классификатором

может находиться после существительного как будто в тех же случаях, что и в современном языке, то есть либо при перечислении, либо при эмфатическом выделении самого существительного. Число классификаторов в этот период значительно увеличилось по сравнению с предшествующим. Широко используется классификатор га.

В этом качестве здесь встречаются следующие слова:

個 га - с сущ.: 人 жэнь "человек", 兵 бин "воин", 字 цзы "слово", 月 юэ "месяц", 賊 цзэй "разбойник", 店 дянь "лавка", 廟 мяо "кумирня", 粽 цзун "треугольный пирожок", 院 юань "двор", 官 гуань "чиновник", 首 шоу "голова", 財 цай "богач", 相識 сяньши "знакомый", 道理 даоли "принцип", 明白 минбай "ясность", 媳婦 сифу "сноха", 笠子 лицзы "соломенная шляпа", 性命 синмин "жизнь", 客人 кэжэнь "гость", 燈籠 дэнлун "фонарь", 貪夫 таньфу "алчный человек", 屍首 шишоу "труп", 包裹 баого "узел", 公人 гунжэнь "чиновник", 妻室 цыши "жена" 萬福 ваньфу "всевозможное счастье", 養娘 яньнян "служанка", 伴當 баньдан "товариц", 酒保 цзюбао "кабатчик", 婦人 фужэнь "женщина", 緣故 ваньгу "причина", 丈夫 чжанфу "муж", 老兒 лаоэр "старик", 譯名 хуньмин "кличка", 旗兒 цияр "вывеска", 丫嬢 ячуань "служанка", 望子 ванцзы "вывеска", 箱籠 сянлун "ящик", 袋兒 дайэр "мешок", 證見 чжэнцзянь "свидетельство", 盒子 хэцзы "коробочка", 囚徒 цюту "ссылный", 頭陀 тоутэ "буддийский монах, еще не принявший пострижения" и др.;

條 тiao - с сущ.: 腿 туй "нога", 繩索 шэнсо "веревка", 大漢 дахань "рослый мужчина", 性命 синмин "жизнь", 朴刀 пудао "простой нож", 橋 цяо "мост", 計 цзи "план", 計策 цзэцэ "план", 麻索 масо "веревка", 板凳 баньдэн "скамейка", "лавка", 凳子 дэнцзы "скамейка", 棒 бан "дубинка", 臂膊 бипо "руки", 街 цзе "улица", 席子 сичзы "цыновка", 竹竿 чжугань "бамбуковая жердь", 麻線 матiao "шнур", 裹肚 гуду "пояс", 路 лу "дорога", 杖 чжан "палка", 絹 цзюань "тонкий шелк", 肚帶 дудай "пояс", 裙 цюнь "юбка";

隻 чжи - с самыми разными сущ.: 鵝 э "гусь", 鷄 цзи "курица", 鶴 хао "журавль", 羊 ян "баран", 碗 вань "чашка", 酒缸 цзюган "чан для вина", 脚 цяо "нога", 腿 туй "нога", 大蟲 дачун "тигр", 手 шоу "рука", 胳膊 гэбо "рука /до кисти/", 眼 янь "глаз", 般 чуань "лодка", 詞

цы "цы", 金釵 цзиньчай "золотая шпилька", 銀鍋 иньго "серебряный котел";

件 цзянь "с сущ.: 衣 и "одежда"; 絛衣 мяньи "ватная одежда", 衣裳 ишан "одежда", 戰袍 чжэньпао "халат воина", 絛團襖 мяньтуаньао "теплый халат", 事 ши "дело", 物 у "вещь", 法 фа "закон", 本事 бэньши "способности";

座 цзо "место" (для больших предметов) - с сущ.: 店 дянь "лавка", 樹林 шулинь "лес", 牌樓 пайлоу "мемориальная арка", 市井 шицзинь "рынок", 牌額 пайэ "вывеска", 鰲山 аошань "черепашья гора", 酒肆 цзюсян "винная лавка";

所 со - с сущ.: 屋 у "комната", "дом", 林子 линьцзы "лес";

把 ба - с сущ.: 交椅 цзяочи "кресло", 刀 дао "нож", "меч", 橈鉤 няогоу "ключок", 鎖 со "замок", 鐵杓 тешао "железный черпак", 刀子 даоцзы "нож", 旗 ци "флаг";

片 пянь - с сущ.: 衣襟 ицзинь "передняя пола халата", "отворот", 心 синь "сердце", "чувство", 好心 хэосинь "доброе отношение", 席頭 ситоу "цыновка", 碧玉 бийюй "яшма";

枝 чжи "ветвь" (для продолговатых предметов) - с сущ.: 畫燭 хуачжу "разрисованная свеча", 柯兒 кэр "ветка";

口 коу - с сущ.: 刀 дао "нож", "меч", 豬 чжу "свинья";

扇 шань "веер" (для дверей, окон, створок) - с сущ.: 門 мэнь "дверь", 籠子 лунцзы "корзина", "клетка";

匹 пи - с сущ. 馬 ма "лошадь";

塊 куай "кусок" - с сущ.: 石 ши "камень", 骨頭 гутоу "кость";

紙 чжи - с сущ.: 公文 гунвэнь "официальный документ", 書 шу "письмо", 狀 чжуан "документ", "бумага";

處 чу "место" (для построек, домов) - с сущ. 客店 кэдянь "постоялый двор", 賭坊 дуган "игорный дом", 兌坊 дуйфан "меняльная лавка";

根 гэн - с сущ.: 毛 мао "волосы", 鬚鬚 цзыжань "усы и бакенбарды", 鬚髮 суйфа "усы", 鬚鬚 хусюй "борода и усы";

句 цзюй "предложение" (для слов) - с сущ. 話 хуа "слово";

位 вэй "лицо", "персона" (для уважаемых лиц) - с сущ.: 長 чжанляо "настоятель", 郎 дан "молодой человек", 鄰 линь "сосед";

張 чжан "плоская поверхность" (для предметов с плоской поверхностью) - с сущ.: 度牒 дуде "монашеское свидетельство", 手榜 шобан "объявление";

領 дин - с сущ.: 布衫 бушань "верхняя рубашка", 戰袍 чжэньпао "халат воина", 直裰 чжидо "халат", 席 си "цыновка", 氈 (團) 襖 мяньтуаньбао "теплый халат";

朵 до - с сущ.: 桃花 таохуа "цветы персика", 紙花 чжихуа "бумажные цветы";

間 цзянь - с сущ.: 屋 у "комната", 屋兒 уэр "комната", 小房 сяофан "комнатка", 房屋 фаньу "комната", 房兒 фаньэр "комната", 耳房 эрфан "боковая комната";

頭 тоу - с сущ.: 親 цинь "невеста", 親事 циньши "свадьба";

員 мянь - с сущ. 神將 шэньцзян "дух";

檯 чжуан "стол" (для работы, дела) - с сущ.: 事 ши "дело",

戒原 цзюань "обет", 誓願 шиуань "клятва";

道 дао - с сущ.: 長釘 чандин "длинный гвоздь", 痕 хэнь "рубец", 度牒 дуде "монашеское свидетельство", 公文 гунвэнь "официальный документ";

封 фэн "пакет", "конверт" (для писем) - с сущ.: 柬帖 цзяньте "записка", 簡子 цзяньцзы "письмо", 書 шу "письмо", "послание";

首 шоу "голова" (для стихотворений) - с сущ.: 詞 цы "цы", 公頌 гунсун "ода";

面 мянь - с сущ.: 牌 пай "табличка", 招牌 чжаопай "вывеска";

身 шэнь "тело", "туловище", (для одежды и нек. понятий) с сущ.: 衣服 ифу "одежда", 本事 бэньши "способности";

顆 кэ "зерно", "зернышко" (для круглых предметов и деревьев) - с сущ.: 珠 чжу "жемчуг", 櫻桃 интао "вишня", 桃 тао "персик", 頭 тоу "голова";

頂 дин "верхушка", "крыша" (для головных уборов и паланкинов) - с сущ.: 頭巾 тоуцзинь "торбан", 帽兒 маоэр "шапка", 轎子 (兒) цзяоцзы (эр) "паланкин";

副 фу "комплект", "набор" - с сущ. 頭面 тоумянь "головной убор";

腔 цян "туловище", "туша" - с сущ. 羊 ян "баран";

具 цзюй "орудие", "инструмент", "посуда" (для инструментов и утвари) - с сущ. 棺材 гуаньцай "гроб";

帶 дай "пояс", "лента" - с сущ.: 頭髮 тоуфа "волосы", 欄干 ланьгань "перила";

宗 цзун "штука" - с сущ. 文卷 вэньцзянь "официальный документ";

車 輜 лян "пара колес" (для колесного транспорта) - с сущ.
 車 兒 чэр "повозка";
 尊 цзунь "чаша" (для орудий и статуй) - с сущ. 羅漢 ло-
хань "архат";
 株 чжу "ствол дерева" (для деревьев) - с сущ. 樹 шу
 "дерево";
 架 цзя "подставка" - с сущ. 箏 чжан "цифра";
 碗 (石碗) вань "чашка" - с сущ.: 官燈 гуаньдэн "фонарь",
 泡燈 паодэн "фонарь";
 車輪 лунь "диск" - с сущ. 月 юэ "луна".

I Как указывает А.А.Драгунов, постановка такого комплекса после исчисляемого существительного возможна только в двух случаях: I) когда дается перечисление предметов, 2) когда говорящий же- лает путем инверсии подчеркнуть, выделить существительное (см. А.А.Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка. М.-Л., 1952, с.44).

2 Там же, с.45.

3 Как отмечает А.А.Драгунов, они различаются также и в раз- ных современных диалектах, в разных стилях языка (там же, с.46).

4 И.С.Гуревич, Очерк грамматики китайского языка III-V вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литерату- ры). М., 1974, с.181.

5 Нами использованы следующие издания: 敦煌變文集, 王 重民, 王慶菽, 向達, 周一良, 啓功, 曾毅公 編, 北京, 1957 ("Собрание дуньхуанских бяньвэней", сост. Ван Чжун-минь и др.); 京本通俗小說, 上海, 1954 ("Популярные рассказы, изданные в столице"); 施耐菴, 水滸, 北京, 1953 (Ши Най-ань, "Речные заводы"); 元人雜劇選, 北京, 1959 ("Избранные вань- ские цзацзюй").

6 Не случайно Лю Ши-жу, посвятивший статьи и монографии счетным словам в эпоху Вэй, Цзинь, Северных и Южных династий, считает тип сочетания числительного с существительным в китай- ском языке одной из определяющих черт его синтаксиса и предла- гает опираться на это при периодизации истории китайского языка (см. 刘世儒, 論魏晉南北朝的量詞. - "中國語文", 1959, № II, с. 528-535; 刘世儒, 魏晉南北朝量詞研究. 北京, 1965). О необходимости исследования истории развития счетных слов, их определения и классификации говорит и Ота Тацуо в статье "Ис- тория счетных слов" (大田辰夫, 量詞の歴史 - "中国語学",

1959, № 9 (90), с.10-16).

7 И.С.Гуревич, Ук.соч., с.181-187.

8 А.А.Драгунов, Ук.соч., с.56.

9 К этому списку следует прибавить еще некоторые классификаторы, отмеченные Ота Тацуо в танских стихах (см. ук. соч.).

К.Б.Копинг

СОГЛАСОВАНИЕ ГЛАГОЛА В ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ

О. В статье "Лексические группы глаголов и субъектно-объектное согласование в тангутском языке"¹ мы выделили три приглагольных служебных слова, а именно $\text{𐰽𐰺𐰍} \text{ nga}^2$, $\text{𐰽𐰺} \text{ na}^2$ и $\text{𐰽𐰺} \text{ ni}^2$, и показали, что все они, являясь по своему происхождению личными местоимениями, в языке исследованных текстов² выполняют одну и ту же функцию - функцию согласования глагола в лице и числе с субъектом, а иногда и с объектом действия ($\text{𐰽𐰺𐰍} \text{ nga}^2$). Согласование глаголов то с субъектом, то с объектом действия мы связывали с принадлежностью глаголов соответственно к непереходным и переходным глаголам.

Однако наша дальнейшая работа показала, что 1) если непереходные глаголы всегда согласуются с субъектом, то переходные - в одних случаях согласуются с объектом, а в других - с агенсом действия, 2) не только $\text{𐰽𐰺𐰍} \text{ nga}^2$, но и $\text{𐰽𐰺} \text{ na}^2$ может согласовывать глагол с объектом действия.

Цель данной статьи - сформулировать правила согласования тангутского глагола, или иначе говоря, правила употребления служебных слов $\text{𐰽𐰺𐰍} \text{ nga}^2$, $\text{𐰽𐰺} \text{ na}^2$ и $\text{𐰽𐰺} \text{ ni}^2$.

I. Непереходные глаголы. При непереходных глаголах (v^{intr}) обычно имеется одно имя - это имя со значением субъекта действия (N^S): $N^S v^{intr}$. (Из-за отсутствия места оформление N^S мы здесь не рассматриваем).

v^{intr} при N^S , выраженном местоимением 3 л. ед./мн.ч., не получает никакого оформления, т.е. имеет нуль согласования (v^{intr}), однако в случае, если N^S выражено местоимением I или 2 л. ед.ч., после глагола могут ставиться служебные слова, соответственно $\text{𐰽𐰺𐰍} \text{ nga}^2$ и $\text{𐰽𐰺} \text{ na}^2$, согласующие глагол в лице с N^S . Если же N^S выражено местоимением I или 2 л. мн.ч., то

𐰚𐰣 ni^2 после глагола согласует его в числе с N^S .

Парадигма спряжения тангутского v^{intr} условно показана нами на восьми русских предложениях, различающихся в выражении N^S (это: местоимения - ед. и мн.ч., 1,2 и 3 лица и существительные - ед. и мн.ч.). После каждого предложения указано то служебное слово или нуль согласования (\emptyset), которое в тангутском соответствует этого типа предложения согласует v^{intr} с N^S :

1. Я умираю 𐰚𐰣 nga^2	4. Мы умираем 𐰚𐰣 ni^2
2. Ты умираешь 𐰚𐰣 na^2	5. Вы умираете 𐰚𐰣 ni
3. Он/она умирает \emptyset	6. Они умирают \emptyset
7. Человек умирает \emptyset	
8. Люди умирают \emptyset	

Как видим, местоимения 3 л. ед./мн.ч. и существительные ед./мн.ч. получают одинаковое (нуль согласования) отражение в v^{intr} .

Следует однако отметить, что служебные слова 𐰚𐰣 nga^2 , 𐰚𐰣 na^2 и 𐰚𐰣 ni^2 после v^{intr} факультативны.

2. Переходные глаголы. При переходных глаголах (v^{tr}) возможны два имени - одно со значением агенса действия (N^a), другое - объекта действия (N^o): $N^a N^o v^{tr}$. (Как и в случае с непереходными глаголами, оформление имен здесь не рассматривается).

Мы уже указывали выше, что в исследованных текстах v^{tr} согласуется то с N^a , то с N^o . Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, мы классифицировали тангутский материал следующим образом. Мы различаем: 1) местоимения 1,2,3 лица в обоих числах, 2) существительные ед./мн.ч. Так как в тангутском языке субъект и объект не могут быть выражены одним и тем же лицом (в случае их совпадения используется морфема 𐰚𐰣 in^1 , которая имеет возвратное значение и употребляется независимо от лица), мы заранее изъяли из таблицы те типы предложений, в которых субъект и объект совпадают (полностью или частично, например, "я - меня", "я - вас" и т.п.) за исключением тех случаев, когда субъект и объект выражены местоимением 3 л. ед./мн.ч. или существительным ед./мн.ч., например, "он - его" (не себя, а другого), "слуги - слуг" (не себя, а других) и т.п. Мы получили 56 типов предложений, каждый из которых ниже условно обозначен русским предложением с глаголом "бить". Некоторые типы в нашем материале не встретились, например, № 3 "Я бью вас, № 44 "Слуга бьет нас" и т.д.). Невстретившиеся нам типы в таблице опущены, однако единая нумерация предложений сохранена.

Ниже приводим таблицу типов предложений с v^{tr} . После каждого типа указано то служебное слово или нуль согласования, которое может быть употреблено в тангутском соответствии данного типа, а в предложении подчеркнуто то имя, с которым согласуется v^{tr} :

1. Я бью <u>тебя</u> \mathbb{R}_e na^2	27. Вы бьете <u>меня</u> $\mathbb{K}n\dot{e}$ nga^2
2. Я бью его/ее $\mathbb{K}n\dot{e}$ nga^2	31. Вы бьете слугу $\mathbb{Z}\dot{e}$ ni^2
5. Я бью слугу $\mathbb{K}n\dot{e}$ nga^2	32. Вы бьете слуг $\mathbb{Z}\dot{e}$ ni^2
7. Ты бьешь <u>меня</u> $\mathbb{K}n\dot{e}$ nga^2	39. Они бьют слугу \emptyset
8. Ты бьешь его/ее \mathbb{R}_e na^2	40. Они бьют слуг \emptyset
10. Ты бьешь их \mathbb{R}_e na^2	41. Слуга бьет <u>меня</u> $\mathbb{K}n\dot{e}$ nga^2
11. Ты бьешь слугу \mathbb{R}_e na^2	42. Слуга бьет <u>тебя</u> \mathbb{R}_e na^2
12. Ты бьешь слуг \mathbb{R}_e na^2	43. Слуга бьет его/ее \emptyset
14. Он/она бьет <u>тебя</u> \mathbb{R}_e na^2	47. Слуга бьет слугу \emptyset
19. Он/она бьет слугу \emptyset	48. Слуга бьет слуг \emptyset
20. Он/она бьет слуг \emptyset	49. Слуги бьют <u>меня</u> $\mathbb{K}n\dot{e}$ nga^2
21. Мы бьем <u>тебя</u> \mathbb{R}_e na^2	50. Слуги бьют <u>тебя</u> \mathbb{R}_e na^2
24. Мы бьем их $\mathbb{Z}\dot{e}$ ni^2	54. Слуги бьют их \emptyset
25. Мы бьем слугу $\mathbb{Z}\dot{e}$ ni^2	55. Слуги бьют слугу \emptyset
26. Мы бьем слуг $\mathbb{Z}\dot{e}$ ni^2	56. Слуги бьют слуг \emptyset

Исходя из таблицы, можно сформулировать следующие три правила:

1. Глагол никогда не согласуется с местоимением третьего лица ед./мн.ч. и существительным ед./мн.ч.

2. Если в предложении имеется одно местоимение I или 2 л. ед./мн.ч., то глагол согласуется с этим местоимением независимо от его функции в предложении.

3. Если в предложении имеются два местоимения I или 2 л. ед./мн.ч., то глагол согласуется с тем, которое выполняет функцию объекта.

Следует отметить, что, как и при v^{intr} , употребление служебных слов $\mathbb{K}n\dot{e}$ nga^2 , \mathbb{R}_e na^2 и $\mathbb{Z}\dot{e}$ ni^2 при v^{tr} факультативно.

В заключение раздела о переходных глаголах следует указать на особые условия, усложняющие применение основных правил согласования.

Во-первых, это глаголы давания-отнимания. При этих глаголах, кроме N^a и N^o , обычно бывает еще одно имя - имя со значением адресата действия (N^{adr}): $N^a N^o N^{adr} v^{tr}$.

Если N^{adr} является существительным или местоимением 3 л. ед./мн.ч., то V^{tr} согласуется с N^a . Но если N^{adr} - местоимение I или 2 л. ед.ч., то V^{tr} согласуется с N^{adr} , т.е. N^{adr} приравнивается к N^o других переходных глаголов.

В исследованных нами текстах встретились следующие типы предложений, содержащие глаголы давания-отнимания:

1. Я даю меч тебе $\text{ᠮᠡ} \text{ na}^2$	6. Ты даешь меч ему/ей $\text{ᠮᠡ} \text{ na}^2$
2. Я даю меч ему/ей $\text{ᠮᠡ} \text{ nga}^2$	7. Ты даешь меч им $\text{ᠮᠡ} \text{ na}^2$
3. Я даю меч им $\text{ᠮᠡ} \text{ nga}^2$	8. Ты даешь меч слуге $\text{ᠮᠡ} \text{ na}^2$
4. Я даю меч слугам $\text{ᠮᠡ} \text{ nga}^2$	9. Ты даешь меч слугам $\text{ᠮᠡ} \text{ na}^2$
5. Ты даешь меч мне $\text{ᠮᠡ} \text{ nga}^2$	10. Слуга дает меч слуге \emptyset

Нам не встретились тангутские предложения, в которых при глаголах давания-отнимания в качестве N^o выступали бы местоимения I или 2 л. ед./мн.ч. (например, "отдам тебя врагу"), поэтому мы не знаем, как происходит согласование в подобных случаях.

Во-вторых, если N^o (существительное) имеет при себе притяжательное определение I или 2 л. ед.ч. (например, "слуга бьет моего слугу"), то V^{tr} не получает нуль согласования, как ожидалось бы при N^a и N^o - существительных: такие предложения по согласованию приравниваются к предложениям типа № 49. "Слуга бьет меня", т.е. согласование в них происходит по притяжательному определению к объекту. Нам встретились следующие типы предложений, в которых N^o имеет притяжательное определение I или 2 л. ед.ч.:

1. Слуга бьет моего слугу $\text{ᠮᠡ} \text{ nga}^2$	4. Вы бьете моих слуг $\text{ᠮᠡ} \text{ nga}^2$
2. Слуга бьет твоего слугу $\text{ᠮᠡ} \text{ na}^2$	5. Слуга бьет его слугу \emptyset
3. Мы бьем твоих слуг $\text{ᠮᠡ} \text{ na}^2$	

Возможно, что значение множественности притяжательного определения также получало отражение в V^{tr} : нам встретилось предложение, которое можно отнести к типу "Вы бьете наших слуг", где после V^{tr} стоит служебное слово $\text{ᠮᠡ} \text{ ni}^2$. Однако это пример двусмысленный, так как неизвестно, на множественность чего N^a или N^o указывает служебное слово $\text{ᠮᠡ} \text{ ni}^2$.

Следует отметить, что в предложениях с таким притяжательным определением к N^o согласование не всегда идет по притяжательному определению к N^o , иногда V^{tr} может согласовываться и с N^a , т.е. предложения типа "Вы бьете моего слугу" по согласованию могут приравниваться к предложениям типа "Вы бьете слугу".

Однако, как и в других случаях, согласование с притяжательным определением к N^0 не обязательно.

К сожалению, за отсутствием места мы не можем привести тангутские примеры на выделенные нами типы предложений.

¹ К. Б. Кеплинг. Лексические группы глаголов и субъектно-объектное согласование в тангутском языке. - ПП и ПИКНВ, XI годовичная научная сессия ДО ИВ АН СССР (краткие сообщения и автоаннотации), II, М, 1975, с. 59-64.

² Материалом для данного исследования послужили светские китайские сочинения в тангутском переводе.

Н. И. Носова

О ДВУХ ТИПАХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Глаголы движения, известные своей семантической и синтаксической спецификой, до сих пор не описывались в существующих работах по бирманскому языку. Настоящее сообщение отражает предварительные результаты первой попытки изучения этого важного класса бирманских глаголов.

В термин "глаголы движения" мы вкладываем узкое значение, подразумевая глаголы, обозначающие перемещение тела в пространстве. Таким образом, к глаголам движения не относятся глаголы типа хлоу^4 "шевелить(ся)", тоун^2 "дрожать", так как они, передавая значение движения, не предполагают обязательное перемещение тела в пространстве.

Мы не различаем полное и частичное перемещение тела в пространстве. Поэтому глаголы тхайн^2 "садиться", хлэ^1 "поворачиваться" мы относим к глаголам движения, хотя они, в отличие от глаголов типа пэй^3 "бежать", обозначают перемещение в пространстве не всех точек данного тела.

С другой стороны, глаголы типа пэй^4 "бросать" мы не относим к глаголам движения, поскольку основная семантика этого глагола связана не с самим движением (здесь "лететь" или "падать"), а с его каузацией.

Полное описание глаголов движения предполагает описание их семантики, синтаксиса и соотношения семантики и синтаксиса. В описании семантики входит перечисление семантических актантов ситуации, называемой глаголом¹, а также элементарных смыслов, формирующих план содержания данного глагола. В качестве примеров семантических актантов можно привести значение "субъект" для ситуации, называемой всеми глаголами движения, значение "место" для глаголов типа схай⁴ "прибывать" (куда-либо). Примером элементарного смысла является значение "отнесенность/неотнесенность к ограниченному пространству", которое различает, например, глаголы тва³ "идти", "уходить", ла² "приходить" от глаголов тхвэ⁴ "выходить", вин² "входить".

В качестве синтаксических актантов можно принять традиционные члены предложения.

Глаголы движения обычно составляют довольно многочисленный класс.² Первое, что бросается в глаза при изучении глаголов движения бирманского языка, — это их относительная немногочисленность. По предварительным данным, в бирманском языке насчитывается лишь около ста глаголов движения. По-видимому, это объясняется следующим. Значительное число глаголов движения в таких языках как русский являются производными, т.е. продуктами словообразовательных процессов, ср. подпрыгнуть, перепрыгнуть, отпрыгнуть, недопрыгнуть, спрыгнуть — от прыгнуть (при том, что сам глагол прыгнуть — производный от прыгать). В бирманском языке словообразование развито слабо, поэтому те значения, которые в русском, например, языке выражаются производными глаголами, в бирманском передаются с л о в о с о ч е т а н и я м и глаголов с соответствующей семантикой.

Именно в связи с этим мы хотели бы обратить внимание на глагольные словосочетания бирманского языка, семантика которых включает в себя элементарный смысл "направленность / ненаправленность движения".

Если мы для простоты ограничимся сочетаниями, состоящими из двух глаголов, то можно будет сказать, что один из этих глаголов передает значение направленности, вне зависимости от характера движения, другой же — характер движения вне зависимости от его направленности. Таким образом, выделяются два класса глаголов движения: глаголы "чистого направления" (семантически аналогичные русским приставкам от-, при- и т.п.) и глаголы ненаправленного движения. Ср., например, глагольные сочетания кхоун²схин³ "спрыгнуть", кхоун² тэ⁴ "вспрыгнуть" (подняться прыж-

ком), кхоун²хлва³ "перепрыгнуть"; пйэй³вин² "вбежать", пйэй³тхвэ⁴ "выбежать". В каждом таком сочетании первый компонент представлен глаголом ненаправленного движения (кхоун² "прыгать", пйэй³ "бежать"), а второй – глаголом направленного движения (схин³ "спускаться", тэ⁴ "подниматься", хлва³ "перемещаться вверх, через что-либо").

Безразличность глаголов направленного движения к конкретному характеру самого движения видна из того, что они сочетаются с самыми разными глаголами. Безразличность же глаголов ненаправленного движения к значению направленности сказывается в том, что в определенных контекстах они могут передавать идеи направления, причем почти любого. Ср. например, ди²коу²мйан²мйан²пйэй³па² "Быстро беги сюда" и мин¹мэй⁴схвэй²а³коу³тоу¹ка¹пйэй³ча¹пий² "Все твои друзья-товарищи уже убежали". В обоих примерах употреблен глагол ненаправленного движения пйэй³ "бежать" (вне сочетания с глаголом направленного движения), но в первом случае он передает значение "бежать – приближаться", а во втором – "бежать – удаляться".

¹ См. А.А.Холодович, Залог. Определение. Исчисление, – сб. "Категория залога. Материалы конференции", Л., 1970, с.5–6.

² Так, в диссертации И.И.Басс, посвященной глаголам движения японского языка, исследуется 443 глагола движения (см. И.И.Басс, Семантика глаголов движения в современном японском языке, автореф. канд. диссертации, М., 1973).

А.С.Четверухин

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕГИПЕТСКОГО ИМЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ МОДЕЛИ "ИМЯ + УКАЗАТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ"

Вопрос о происхождении указанной модели, существовавшей на всем протяжении истории египетского языка, до сих пор не привлекал внимание исследователей. Аналогичные модели существуют и в семитских языках. И в семитских, и в египетском они имеют отличительную особенность – отсутствие глагола-связки. Значение модели: "Это (есть) то-то".

Для решения вопроса обратимся к данным староегипетского языка. Эта модель функционирует уже в Текстах пирамид¹ наравне с родственной ей моделью "имя + указательное местоимение + имя"². В качестве "имени" выступают: существительное³, прилагательное⁴, причастие⁵. В виде второго члена в большинстве случаев функционирует местоимение Ⲁ ⲛ, Ⲁ ⲓ "вот этот, ближайший"⁶.

Рассмотрение форм "имени" в данном случае ничего не дает, т.к. именная флексия, если и была⁷, то не видна из-за "консонантного" характера письменности⁸. Помимо того, "имя" широко функционировало вне этой модели, формируя, в частности, и односоставное предложение, что, будучи ясно само по себе, достаточно удостоверется материалом египетских имен собственных⁹.

Поэтому обратимся к употреблению вышеназванного указательного местоимения. Кроме перечисленных случаев оно функционирует в атрибутивных сочетаниях, супплетивно согласуясь с определяемым именем в роде и числе¹⁰. Оно же употребляется как дополнительное средство для усиления вокатива вместо и вместе с вокативными частицами¹¹.

Ясно, что между вышеназванными функциями этого местоимения существует связь, которая определяется самой сутью указательного местоимения.

Указательное местоимение в атрибутивном употреблении может выполнять различные функции¹², суть которых заключается в выделении предмета или явления, обозначаемого именем, к которому относится данное местоимение, из группы тождественных - или вообще из всей совокупности - предметов или явлений данной экстралингвистической ситуации¹³, т.е. в дополнительной конкретизации того или иного "фрагмента действительности" в соответствии с определенной коммуникативной задачей¹⁴.

Из этой главной функции данного атрибутивного указательного местоимения развились нижеследующие подфункции:

Подфункция конкретизации имени адресата при обращении. Имя лица - название одушевленного предмета, к которому обращались, часто сопровождается вышеназванным указательным местоимением, что, вероятно, восходит к такой речевой ситуации, когда говорящий, находясь среди группы слушающих, выделял из нее определенного адресата, либо, приближаясь к нему, либо путем прикосновения к нему, либо при помощи указательного жеста в его сторону, что в языке было подкреплено употреблением указательного местоимения в соответствии с его функцией.

Подфункция конкретизации имени в односоставном (назывном) предложении. Механизм этого явления можно понять, мысленно обратившись к речевой ситуации. Так, желая ответить собеседнику, задавшему вопрос "Что?" и указавшему жестом на незнакомый или плохо различимый предмет, говорящий мог сказать "Дом", "Река", "Пустыня" и т.д., но мог при этом употребить и указательное местоимение для дополнительной конкретизации денотата, что со временем могло нормализоваться, сосуществуя с исходным вариантом. Затем произошло переосмысление такого предложения в двусоставное¹⁵, о чем свидетельствует тенденция указательного местоимения к застыванию в форме м.р. ед.ч.¹⁶, равно как и факт вхождения данного местоимения в состав предложений "Что это?" и "Кто это?"¹⁷ на правах формального подлежащего.

И в заключение отметим, что вхождение этого местоимения в состав модели "имя + указательное местоимение + имя" мы объясняем конвергенцией двух моделей именного предложения - модели "имя + указательное местоимение" и "имя + имя", что в чем-то аналогично созданию гибридной модели "личное местоимение + личное местоимение (3 л. ед.ч.) + имя" из моделей "личное местоимение + личное местоимение" и "личное местоимение + имя" в арабском языке¹⁹.

Отметим, что употребление личного местоимения вместо "имени" в этой египетской конструкции мы считаем вторичным явлением - результатом действия закона выравнивания по аналогии.

Было бы явной ошибкой считать местоимение 𓆏 , 𓆑 исходным компонентом. Как показывает материал самого египетского языка, местоимение в этой модели могло меняться, равно как и морфологический облик имени²⁰. К тому же при сходстве моделей, и в семитских языках употребляются различные местоименные основы²¹.

Но принцип происхождения двусоставных именных предложений указанной модели из односоставных через промежуточный эмфатизированный вариант с указательным местоимением на основе атрибутивной конструкции с последующим переосмыслением всей конструкции, как мы полагаем, справедлив не только для египетского языка, но и для некоторых других афразийских языков, что, вероятно, подтверждается отсутствием глагола-связки в рассмотренной конструкции.

¹ Основное издание - К. Sethe, Die Altaegyptischen Pyramidentexte, Lpz., 1908-1922; систематизированное дополнение -

R.O. Faulkner, *The Ancient Egyptian Pyramid Texts*, Supplement, Oxford, 1969, Цитируется по параграфам. См. PT 439 b^T; 955 a^{MN}; II85c; I335a.

2 PT 439 b^W; 493a^{WPM}; 924 b^{PMN}; 930f^{PM}; 973 b; 1094a^{PMN}; 1094b^{PMN}; 1096a; 1097a^{PMN}; 1097b^{PMN}; 1097c^{PMN}; 1098a^{PMN}; 1161c^{PN}; 1216c; 1331a. Cf. Sethe, K., *Der Nominalsatz im Ägyptischen und Koptischen*, Lpz., 1916, S. 62-70, 77-84.

3 См. примеры прим. I.

4 Например, PT I279c.

5 См. прим. 4.

6 Sethe, op.cit., p.62-64, 66-68; A.Erman, *Ägyptische Grammatik*, 4-te Aufl., Bln., 1928, S., 62; A.H.Gardiner, *Egyptian Grammar*, 2-nd ed., L., 1950, p.85-87; E.Edel, *Altägyptische Grammatik*, I, "Analecta Orientalia" 34, Roma, 1955, S. 85-86; C.E.Sander-Hansen, *Studien zur Grammatik der Pyramidentexte*, København, 1956, S.6. То, что местоимение , первоначально означало "вот этот, ближайший" доказывается, на наш взгляд, его употреблением в качестве усилителя вокатива.

7 K.Sethe, *Die Vokalisation des Ägyptischen*, ZDMG 77 (N.F. 2), 1973, S.198-201.

8 См. сб. "Тайны древних письмен, Проблемы дешифровки", М., 1976, с.263-300, особ. 280.

9 H.Ranke, *Die ägyptischen Personennamen*, Bd. I, *Verzeichnis der Namen*, Glückstadt, 1935, passim.

10 Erman, op.cit., p.62; Gardiner, op.cit., p.86-87; Edel, op.cit., p.86.

11 Edel, loc.cit., Gardiner, loc.cit.

12 К.Е.Майтинская, *Местоимения в языках разных систем*, М., 1969, с.61-139; Е.М.Вольф, *Грамматика и семантика местоимений*, М., 1974, с.115-194.

13 Экстралингвистическая ситуация - это обозначаемый предложением отрезок действительности - В.Г.Гак, *К проблеме синтаксической семантики*, сб. "Инвариантные синтаксические значения и структура предложения", М., 1969, с.79.

14 Майтинская, ук.соч., с.61-63; "Как правило, указательное местоимение появляется тогда, когда контекста недостаточно для

идентификации его элементов и связь должна быть подкреплена формальными средствами". (Вольф, ук. соч., с.116). Это не единственный возможный случай. Оно может играть роль эмфазы.

15 См., например, Д.В.Бубрих, О возможности подлежащно-сказуемого предложения, Вестник Ленинградского университета, № 5, 1947, с.77-87.

16 Например, PT I2I6c; 5II ; I27c; I3I ; 308 и т.д.

17 Ср. E.Edel , *Altägyptische Grammatik* , II, "Analecta Orientalia", 34/39, Roma, 1955/1964, S. 517-518.

18 Edel , *op.cit.*, p.489-495; ср. А.И.Молотков, Трудные случаи лексико-грамматической характеристики слов "это" и "то" в русском языке, сб. "Вопросы грамматики", М.-Л., 1960, с.345-361.

19 Б.М.Гранде, Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении . М., 1963, с.466; ср. C.Steuernagel, *Hebräische Grammatik*, 4-te Aufl. , Bln., 1909, I2I.

20 Имеется ввиду замена *pw* на *p'j* в новоегипетском, появление артикля и отмирание суффиксальных морфем рода и числа.

21 Б.М.Гранде, Введение в сравнительное изучение семитских языков, М., 1972, с.204-205.

К. Л. Чижикова

ОНОМАТОПЕЯ В БЕНГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Ономатопозитические (звукоподражательные) слова составляют заметный слой бенгальской лексики. Следует оговорить, что в лингвистической литературе ономотопея трактуется шире, чем чистое звукоподражание. По мнению французского лингвиста Пьера Жиро^I ономотопы могут быть акустическими, т.е. подражающими тому или иному шуму, фоно-кинетическими, когда органы речи воспроизводят определенные имитационные движения, и фоно-метафорическими, когда те или иные шумы-звуки или движения используются для передачи формы, цвета, чувств.

По своей структуре подавляющая масса бенгальских ономотопозитических слов представляет собой редупликацию моносиллаби-

ческих основ. Нередуцированные звукоподражательные основы встречаются редко; они составили всего 23% от общего числа зарегистрированных нами оноματοпоэтических слов. Редуцированные образования строятся по следующей общей формуле: $C_1V_1C_2 + C_1V_1C_2$ или $C_1V_1C_2 + C_1V_1C_2$ (где C - согласный, V - гласный), например, $kā-kā$ - кар-кар, $khaṭ khaṭ$ - звук забивания твердого предмета. Редупликатор (наращиваемый слог) может отличаться от редупликанта (исходного слова) своим начальным согласным. Формула такого образования принимает следующий вид: $C_1V_1C_2 + C_3V_1C_2$, например, $khaṭmaṭ$ - топот, $nispiṣ$ - почесывание.

Оноματοпоэтические слова в бенгальском языке уже давно привлекали внимание лингвистов, но литература по этому вопросу весьма небогата. При этом многое в механизме их образования до сих пор не получило должного освещения. Из ранних работ, специально посвященных бенгальской ономастике, в первую очередь следует назвать статьи Р. Тагора "Звукоподражательные слова"² и "Символы языка".³ Р. Тагор собрал более 600 бенгальских оноματοпоэтических слов, систематизировал их и, на основе сравнения с английскими, показал, что в бенгали они более многочисленны и обладают более тонкой дифференциацией значений. При этом они отражают явления не только чисто звуковые. Р. Тагор выделил группы родственных по значению оноματοпоэтических слов, насчитывающих иногда десятки членов. Он приводит 12 таких слов, отражающих звуки, издаваемые при резании твердых или мягких предметов; 11 - передающих цвет; 18 - имитирующих различные виды движения и т.д. Состав бенгальских оноματοпоэтических слов и вопросы их классификации рассматривались также в работах Рамендра Сундара Триведи⁴, Бхабхарана Датта⁵ и Э. Димока⁶.

Предмет нашего исследования строго ограничен ономастами, имитирующими звуки окружающей природы. Поскольку означаемым в указанной группе ономастов является звук, в основу предлагаемой классификации ономастов положена соотносимость акустических характеристик фонем, входящих в состав бенгальских оноματοпоэтических слов, с соответствующими звуками окружающей среды.

Опираясь на классификацию, предложенную в работах С.В. Воронина⁷ и И.Б. Братусь⁸, по психоакустическим параметрам выделяем два качественно отличных класса звучаний: удар (мгновенные звуки) и неудар (длящиеся звуки).

Бенгальские ономотопы, обозначающие удар, построены по формуле $C_1VC_1(C_2) + C_1VC_1(C_2)$, где C_1 - смычный шумный, C_2 - дрожащий сонорный, V - гласный:

khat khat	- звук забивания твердого предмета;
khat mat	- топот, подражание стуку тяжелой обувью;
khur khur	- топ-топ; звук, издаваемый быстрыми, семенящими шагами;
gat gat	- звук твердых и быстрых шагов;
taktak, tiktik	- тик-так (о ходе часов), подражание тиканью часов;
tap tap	- стук дождя (в окно);
tup tap	- кап-кап;
thak thak	- стук в дверь;
thak thak	- звук падения чего-либо твердого;
thap thap	- глухой звук или удар.

Следует отметить, что в указанной структуре в инициальной и очень часто в финальной позиции представлен смычный шумный (взрывной), который является показателем удара. Он передает звуки отрывистые и внезапные. Таким образом, внеязыковой звук, представляющий удар, обозначается в бенгальском языке смычным шумным (взрывным).

Согласно классификации И.Б.Братусь⁹ среди неударов можно выделить следующие классы звучаний: 1) тон - звук, образованный периодическими колебаниями, 2) шум - звук, возникающий в результате неперидических колебаний.

Тон в бенгальском языке передается ономотопами структуры $C_1VC_3+C_1VC_3$, где C_1 - смычный шумный, C_3 - смычный сонорный (носовой), V - гласный:

krim krim	- звонок телефона;
khankhan	- подражание звону металла;
gun gun	- жужжание;
jham jham	- звон, звяканье (украшений);
tam tam, tum tum	- дзнь-дзнь, динь-дон (звон колокола или колокольчика);
tum tam	- дребезжание (соответствует англ. динь-дон);
tap tap	- звон металла;
tam tam	- подражание звону металла;
tun tun	- звон;
tham tham	- подражание звону при ударе о металлический сосуд;
than than	- звон;
dhan dhan	- звон от удара о полный сосуд.

Непременным элементом указанной структуры является смычный сонорный. Анализ произношения смычных сонорных (носовых) в разных языках свидетельствует, что основы со смычным сонорным (носовым) в конечной позиции передают высокие, звонкие, мелодичные звуки. Основным акустический признак смычных сонорных (носовых) - тон. Следовательно, тон в структуре бенгальского ономатопа передается смычным сонорным (носовым), который несет основную звукоизобразительную нагрузку.

Шум воспроизводится бенгальскими ономатопами, имеющими два варианта структуры: 1) $C_I(C_4)VC_4 + C_I(C_4)VC_4$ и 2) $C_3VC_4 + C_3VC_4$, где C_I - смычный шумный, C_3 - смычный сонорный (носовой), C_4 - щелевой шумный, V - гласный:

- khas khas* - шелест, шорох, шуршание (платья, бумаги);
- ghas ghas* - шарканье (ногами);
- nis pis* - почесывание;
- phis phis* - шепот, шушуканье;
- mas mas* - поскрипывание (ботинками);
- his his* - шипение (змеи);
- hus hus* - шипение, шум от хлопанья крыльев.

Обязательным элементом данных структур является, как мы видим, щелевой шумный (акустически - шум), который практически и несет основную звукоизобразительную нагрузку.

Однако помимо ономатопов, воспроизводящих "чистый" тоновой или "чистый" шумовой сигнал, в бенгальском языке имеется группа ономатопов, воспроизводящих "тоношумовой" сигнал. И.Б.Братусь в своей классификации называет их "тоношум". Структура их в бенгальском имеет вид $C_4VC_3 + C_4VC_3$ или $C_4\tilde{V} + C_4\tilde{V}$, где V (чистый) гласный, \tilde{V} назализованный гласный, C_3 - смычный сонорный (носовой), C_4 - щелевой шумный, например:

- śan śan* - подражание шуму ветра, звуку летящей пули, стрелы;
- śāśā, sōsō* - дуновение свежего ветра.

Обращает на себя внимание, что "тоношум" передается сочетанием двух типов фонем - щелевого шумного (акустически - шум) и носового сонорного или назализации гласного (акустически - тон).

Вслед за С.В.Ворониным¹⁰ мы считаем возможным выделить в особую группу ономатопы, обозначающие резкие, дрожащие звуки, т.е. "диссонансы" (треск, грохот, гром, дребезжание, скрип и др.). С.В.Воронин называет их также "прерывистыми шумами". В бен-

гальском языке "диссонансы" представляют довольно значительную группу ономатопоов. "Диссонанс" передают ономатопоы одной из следующих структур: 1) $C_1VC_5 + C_1VC_5$ 2) $C_3VC_5 + C_3VC_5$ 3) $C_4VC_5 + C_4VC_5$, где C_1 - смычный шумный, C_3 - смычный сонорный (носовой), C_4 - целевой шумный, C_5 - какуминальный одноударный /ɔ/, v - гласный.

- kar kar - скрежет;
 gar gar - грохот;
 ghar ghar - громыхание;
 mar mar - подражание треску, резкому звуку от чего-либо сломавшегося;
 mur mur - подражание скрипу (песка или снега под ногами);
 phar phar - треск;
 hur hur - треск, грохот.

Нетрудно заметить, что основным элементом фонетической структуры указанных ономатопоов является какуминальный одноударный согласный (акустически - диссонанс) в финальной части основы, который и служит показателем диссонанса.

Что касается гласных фонем, которые по своей акустической природе представляют собой музыкальные тоны, то и они играют существенную роль в акустическом ономатопое. Гласные фонемы представлены во всех указанных структурах и обозначают высоту и громкость означаемого. На акустическом уровне гласные бенгали соответствуют высокой тональности (гласные переднего ряда - i, e, æ) и низкой тональности (гласные - a, o, ɔ). Э.Димок^{II} указывает, что гласные фонемы /ɔ/, /u/ и /i/ часто встречаются в бенгальских ономатопоах в одном и том же фонетическом окружении, указывая тем самым на изменение качества воспроизводимого звука. Например:

- than than - удар о металл, thun thun - удар о стакан;
 thap thap - тяжелая походка (слона), thup thup - осторожный легкий шаг;
 mar mar - подражание треску, резкому звуку от чего-либо сломавшегося;

mur mur - подражание скрипу (песка или снега под ногами).

Таким образом очевидно, что фонемный состав бенгальских ономатопоов, имитирующих звуки окружающей природы, обусловлен типом передаваемого звучания, а звук означаемого находит отражение в структуре звукоподражательной основы.

^I P.Giraud, L'etymologie, Paris, 1969, p.102.

² Thākur, Dhvanyātmaśabda, - Ravīndra-racanāvalī, khaṇḍa 12, p.375-382.

³ Thākur, Bhaṣār īngita, - Ravīndra-racanāvalī, khaṇḍa 12, p.397 - 410.

⁴ Trivedī, Dhvani-vicār, - Rāmendra-racanāvalī, khaṇḍa 3, p.7-67.

⁵ Bhabataran Datta, Onomatopoeitics in modern Bengali, -BPSC, 1961, vol.2, p.84-103.

⁶ E.C.Dimock, Symbolic forms in Bengali, - BDCRI, 1957, vol.18, p.22-29.

⁷ С.В.Воронин, Английские ономотопы (типы и строение). Автореферат диссерт.кандидата филологич.наук, Л.,1969, 12 с.

⁸ И.Б.Братусь, Ономотопы обозначения удара и неударя в индонезийском языке, - Вестник ЛГУ, 1975, № 14, Вып.3, с.143-147.

⁹ Там же, с.145.

¹⁰ См. С.В.Воронин, с.5.

¹¹ См. E.C.Dimock, p.26.

З.А.Юсупова

ЭНКЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОИМЕННИЯ В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (На материале курдского языка)

Как известно, одной из специфических особенностей южного наречия курдского языка (сравнительно с северным) является наличие в нем энклитических местоимений, лексически соотносящихся с существующими в языке самостоятельными личными местоимениями. Сохраняя значения знаменательных слов, энклитические местоимения в предложении выполняют функции второстепенных членов - определения, дополнения (прямого, косвенного)¹.

Но помимо активного употребления как заместителя имени, местоименные энклитики широко используются и при построении предложения, образуя ряд особых конструкций, нуждающихся в специальном рассмотрении.

Как свидетельствует собранный нами материал,² большое распространение в южном наречии курдского языка имеет конструкция, своеобразие которой заключается в том, что один из ее компонентов (обычно стоящий в начале предложения) воспроизводится энклитическим местоимением³.

Судя по примерам, данная конструкция имеет несколько разновидностей, из которых наиболее продуктивной представляется посессивная конструкция, строящаяся по модели: субъект обладания + объект обладания + местоименная энклитика (воспроизводящая субъект обладания) + глагол (в форме 3 л. ед.ч.).

Для посессивной конструкции характерна сочетаемость со следующими группами глаголов:

1. Глаголы наличия, бытия, отождествления. 1. Глагол *hebdn* 'иметься, быть, существовать', отмеченный в формах: а) настоящего времени: *ême sê mirîşîk u kelêşêrêk-man heye* 'у нас есть три курицы и один петух' (букв.: мы - три курицы и петух у нас есть); *tirê gelê cor-f heye* 'виноград имеет много сортов'; *ew kabraye çenageyekî dirêj-f heye* 'у этого человека длинный подбородок'; б) прошедшего времени: *kabrayekî colâ jinêkî cwan-f hebd* 'у некого ткача была красивая жена'; *min sê kur-(i)m hebd* 'у меня было три сына'.

2. Глагол *bûn* 'быть, становиться', отмеченный в формах: а) настоящего-будущего времени (преимущественно): *to kurêk-(i)t ebê* 'у тебя будет сын'; *eger min kurêk-(i)m bibê* 'если у меня будет сын...'; б) прошедшего времени (реже): *min ta êsta hezar îq-(i)m bûwe* 'до настоящего времени у меня было тысяча дел'. Привлекает внимание частое употребление формы настоящего-будущего времени в значении прошедшего времени: *kabrayekî pîredafkêk-f ebê* 'у одного человека была старая мать'; *mela du jin-f ebê* 'у муллы было две жены'.

3. Глагол-связка (с предикативом, выраженным существительным, прилагательным, местоимением, наречием), отмеченный в формах: а) настоящего времени: *baxewanekeman naw-f Baîze* 'нашего садовника зовут Баизе'; *êwe mal-tan le kwêye?* 'где ваш дом?'; *min guhan-(i)m çiyê?* 'в чем моя вина?'; б) прошедшего времени: *min bawk-(i)m dewlêmend bû* 'мой отец был богат'; *mela çawîş-f kiz bû* 'у муллы еще и зрение было слабым'; *ew kabraye Şere-yu naw bû* 'того человека звали Шапа';

Выделенные глаголы образуют и отрицательные конструкции для: а) настоящих времен: *minalekanim hiç-yan nîye* 'у моих детей ничего нет', *bîştûme to mêrd-(i)t nîye* 'слышал я, нет у

тебя мужа'; min kur-im bibê u nebê be to çî 'будет у меня сын, или не будет, тебе-то что!'; б) прошедших времен: dafkim temen-f 30 sal ziyatir nebû 'моей матери было не больше 30 лет'; ewane le hewelêwe hîç ştek-yan nebû 'поначалу у них ничего не было'.

II. Глаголы состояния (всякого): min ser-(i)m êşê 'у меня болит голова'; kurdekan ser-yan xoş ewê 'курды любят собак'; min nek her dil-(i)m belku hemû endamî leş-(i)m lêda 'у меня не только сердце, но и все тело билось [от волнения]'; êwe asayişî êwe-man ewê 'мы желаем вашего благополучия'.

III. Разные глаголы и идиоматические выражения: şela jinekê-y nemirdibaye berellay ekîrd 'не умри у мурлы жена [все равно] он оставил бы ее', min îzgar-(i)m ebê 'я избеваю [от него]'; to dil-(i)t hîç neka 'ты не переживай'; to temen-(i)t le heştâ tereşîwe 'тебе перевалило за 80 [лет]'

В рассматриваемой конструкции субъект обладания (состояния) может быть опущен: belê du şahid-(i)m heye 'да, у меня есть два свидетеля'; kuşek-(i)t ebê 'у тебя будет сын'; şewê kareba-man nebû 'ночью у нас не было сзета'; ser-(i)m êşê 'у меня болит голова'.

При отсутствии объекта обладания местоименная энклитика стоит при глаголе (обычно это глагол hebûn) или примыкает к обстоятельству (если оно есть): ewîş heye-(t)-î 'и у него есть'; şiras bo xwa min he-ş-e 'благодарение богу, у меня есть [состояние]'; min zor-(i)m heye 'у меня много есть'.

Аналогично посессивной конструкции строится конструкция с воспроизведенным местоименной энклитикой косвенным дополнением, которое может быть: 1) беспредложным, 2) предложным.

Примеры беспредложного оформления: ragêz gan-f tşeken 'в загоне держат стадо' (букв. загон, стадо [в] него помещают); gom heta qdî bê mele-y xoşê (посл.) чем глубже озеро, тем приятнее в нем плавать'.

2. При предложном оформлении предлог стоит в постпозиции, следуя за прямым дополнением, к которому и примыкает местоименная энклитика. При отсутствии прямого дополнения энклитика присоединяется к предлогу. Отмечены следующие предлоги: 1) направительный предлог bo: goşken goşîş-f bo ekenin 'и могильщику роют могилу'; min marim , mar genc u cewahir-f bo çîue 'я змей, [в] зачем змею драгоценности'; 2) предлог re (со значением направления или средства действия): nûşîn qeler u kafez-f

pe ewê 'для письма нужна бумага и перо'; ewron cil-f pe
eşon 'мыльным корнем стирают белье'; radisa xwa kurêk-f pe da
 'бог даровал падишаху сына'; предлог pe, по нашим наблюдениям,
 нередко управляет косвенным дополнением, обозначающим субъект
 действия пассивной конструкции: niager u asinger be beagir
hiç-yan pe nakrê 'лудильщику и кузнецу без огня ничего не сде-
 лать' (букв.: лудильщик и кузнец без огня ничего ими не делает-
 ся); mam-Rostem hênde-y pe kira paroke firê bida u 'дядюшке
 Ростаму едва удалось швырнуть кусок хлеба и...'; 3) разные
 предлоги: lew cezîreda koşkêki zor berz-f lêye 'на том
 острове находится очень большой дворец'; sînyeke her carê stêk-
-f le serbû 'на этом подносе каждый раз что-то было; em çare
gelê danîştan-f têdaye 'в этом городе много институтов'.

Хоть и редко, но встречаются конструкции, в которых энкли-
 тика воспроизводит обстоятельство: ba lêre wuçanêk-f bo bideyn
 'давай здесь устроим стоянку'.

Рассмотренные в настоящей статье примеры далеко не исчерпы-
 вают все структурные разновидности конструкции с воспроизводящей
 местоименной энклитикой. Однако и приведенный материал достаточно
 убедительно свидетельствует о том, что эти конструкции широко
 используются в языке как одно из средств построения предложения,
 грамматическое содержание которого должно стать объектом тщатель-
 ного исследования.

¹ См. С. J. Edmonds, *Prepositions and personal affixes in Southern Kurdish*. - BSO(A)S. London, 1955, vol.17, part 3, с.490-502. К. К. Курдоев, Энклитические местоимения в курдском языке. ПП и ПИКНВ. Л., 1965, с.56-58,

² Примеры взяты из разных источников на курдском языке, изданных в Ираке.

³ Известно, что сходные конструкции встречаются во многих языках.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Г.С.Шрон

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РАБОТ СОТРУДНИКОВ ЛО ИВ АН СССР ЗА 1976 ГОД

1. Абусейтова М.Х. "Ахсан ат-таварих" Хасан-Бека Румму как источник по истории казахских ханств. - III и ПИКНВ, ХП/І. М., 1977, с.96-99.*
2. Айтберов Т. Еще раз о монгольском нашествии на Дагестан. - III и ПИКНВ, ХП/І. М., 1977, с.99-103.
3. Айтберов Т. Из ширвано-дагестанских торговых отношений (40-50-е годы ХУП в.) - В кн.: Бартольдские чтения 1976. Год 3-й. М., 1976, с.6-7.
4. Акимушкин О.Ф. и Иванов А.А. К чтению надписей с именами мастеров на мавзолеях Шах-и зинда. - В кн.: История и культура народов Средней Азии. (Древность и средние века). М., 1976, с.110-115.
5. Акимушкин О.Ф. "Продолжение" Искандара Мунши и "Краткая суть жизнеописаний" Мухаммад Ма^{(сума}. - В кн.: Иран. Экономика. История. Биография. Литература. (Сб.статей). М., 1976, с.96-109.
6. Акимушкин О.Ф. /Критич. текст, пер., предисл., коммент., иссл. и указ./: Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. Хроника. М., "Наука", Гл.ред. вост.лит., 1976. 405, 121 с. (ППВ, 45). Предисл.: с.12-22. Указатели: с.367-397. Рез. на англ.яз.: с.399-405.
7. Амосин И.Д. Кумранская реминисценция у Псевдо-Киприана? - В кн.: XIV Междунар. конфер. античников соц. стран. Тезисы докл. Ереван 1976. 18-23 мая. Ереван, 1976, с.7-9.

* В настоящую библиографию включены материалы XII годичной сессии ЛО ИВ АН СССР (1976 г.), опубликованные в сб. III и ПИКНВ, ХП, вышедшем в начале 1977 г.

8. Амусин И.Д. *Sākir* - наемный работник в древней Палестине. (I-я половина I тыс. до н.э.) (тезисы). - В кн.: История и филология древнего Востока. XI ГНС ЛО ИВ АН. М., 1976, с.73.

9. Бертельс Д.Е. Энциклопедия ислама. - СИЭ, т.16. М., 1976, с.555-556.

10. Богословский Е.С. Военные и художники в Египте XIV-X вв. до н.э. - В кн.: Тутанхамон и его время. М., 1976, с.84-95. Библиогр. в примеч. (с.92-95).

11. Богословский Е.С. Новая форма "всеобщего" эквивалента в древнеегипетской экономике. - В кн.: История и филология древнего Востока. XI ГНС ЛО ИВ АН. М., 1976, с.53-58.

12. Bogoslawski E.S. /Рец. на кн./: Aldred C. Tutankhamun's Egypt. London, /1972/. 104 S. mit 80 Abb., 8 farb. Abb.; 1. Karte. - OIZ, Jg.71, 1976, N 2, S.138-140.

13. Bogoslawski E.S. /Рец. на кн./: Harris J.R. The legacy of Egypt. 2-d ed. Oxford, Clarendon Pr. - London, Oxford Univ. Pr., 1971. XI, 510 S. mit 10 Abb.; Text, 25 Taf. - OIZ, Jg.71, 1976, N 2, S.130-132.

14. Богословский Е.С. /Рец. на кн./: Hieroglyphic texts from Egyptian stelae, etc. Pt.9, ed. by T.G.H. James (The British Museum). Publ. by The Trustees of the British Museum, London, 1970. 71 p.; 51 tab. - ВДИ, 1976, N 4, с.137-140.

15. Bogoslovsky E.S. /Аннотации работ советских египтологов за 1972 год/. "Annual Egypt. bibliogr. 1972". Leiden, 1976, p.22-23, 169.

16. Болдырева М.А. Амир Хамзах (1911-1946). - Хайрил Анвар. (1922-1949). - В кн.: Основные произведения иностранной художественной литературы. Лит. стран зарубеж. Востока. Лит.-библиогр. справочник. М., 1975, с.235-237.

17. Болдырева М.А. Творчество индонезийских поэтов XX в. Амира Хамзаха и Хейрила Анвара. М., "Наука", Гл.ред.вост.лит., 1976. 133 с. Библиогр.: с.131-132.

18. Большаков О.Г. Хронология восстания Мукадды. - В кн.: История и культура народов Средней Азии. (Древность и средние века). М., 1976, с.90-98.

19. Большаков О.Г. /Статьи в СИЭ/: Шейх. - СИЭ, т.16, М., 1976, с.239-240. Шейхо. - Там же, с.240-241.

20. Борщевский Ю.Е. /Пер. на англ.яз./: Адамова А. и Грек Т. Миниатюры кашмирских рукописей. / Miniatures from Kashmirian manuscripts. A. Adamova, T. Grek. Л., "Искусство", 1976. 238 с.; 77 ил. (Текст парал. на русск. и англ.яз.).

21. Борщевский Ю.Е. /Отв. ред./: Абу-л-Фазл Хубайш Тифлиси. Описание ремесел. (Байан Ас-Сана'Ат). Пер. с перс., введ. и коммент. Г.П. Михалевич. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1976. 256 с. (ППВ, 51).

22. Бурман А.Д. /Пер. с бирман./: Сказки бирманцев. - Сказки каренов. - В кн.: Сказки народов Бирмы. М., 1976, с. 217-281, 225-226, 236-237, 239-244, 252-256, 267-268; 270-272, 273-275, 276-283, 289-290, 291-293, 297-298, 301-302, 303-305, 390-394, 404-409, 413-426, 451-457, 467-494, 500-504.

23. Васильев К.В. Место "народа" (минь \bar{E}) в системе древнекитайских представлений о мире. - В кн.: УП науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. I. М., 1976, с. 25-32.

24. Васильева Е.И. Социально-экономическое положение Ардеванского княжества в первой половине XIX века. - ПП и ПИКНВ, ХП/1. М., 1977, с. 3-9.

25. Васильева Е.И. /Пер., предисл., примеч. и прилож./: Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлисй. Шараф-наме. Т.2. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1976, 350 с. (ППВ, 21/2). Предисл. с. 12-36. Списки лит.: с. 299-302 и в подстр. примеч. Указатели: с. 303-345. Рез. на англ. яз.: с. 347-350.

26. Вахтин Б.Б. Заметки о словаре Мэн Хао-жяня. - ТПИЛДВ, УП. М., 1976, с. 13-14.

27. Вахтин Б.Б. Культура и маоизм (некоторые аспекты проблемы). - В кн.: УП науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. Ш. М., 1976, с. 580-589.

28. Витол А.В. Из истории турецко-французских связей (посольство Йирмисекиз Челеби Мехмеда-эфенди во Францию в 1720-1721 гг.) - НАА, 1976, № 4, с. 123-128.

29. Витол А.В. О первых попытках создания новых военных и учебных учреждений в Османской империи в первой трети XVIII в. (иностранные проекты). - ПП и ПИКНВ, ХП/1. М., 1977, с. 9-12.

30. Воёвцкий И.Н. Система глагольных пород в южно-семитских языках. - В кн.: Актуальные проблемы развития языков и литератур Африки. Тезисы I-ой науч. конфер. вост. фак-та /ЛГУ/ по африканистике. Окт. 1975. Л., 1975, с. 11-12.

31. Волкова М.П. Некоторые особенности развития маньчжурской литературы. - ПП и ПИКНВ, ХП/1. М., 1977, с. 104-107.

32. Волкова М.П. Политика Абахая и первые опыты по созданию маньчжурской литературы. - В кн.: УП науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. I. М., 1976, с.197-206.

33. /Volkova M.P./ Manju syaman sin'ga. - Nišan saman i bithe, Transl. by Seong Baek - in. Seoul, 1974.

Пер. на кор. яз. книги: Нишань самани битхэ. (Предание о Нишанской шаманке). Изд. текста, пер. и предисл. М.П.Волковой. М., ИВЛ, 1961, 178 с. с ил.

34. /Volkova M.P./ Die mandschurische Sage von der Nišan-Schamanin. Übers. von W.Seuberlich. - "Fernöstliche Studien. Wolf-Haenisch-Festschrift", Marburg, 1975, S.197-240.

Пер. на нем. яз. книги: Нишань самани битхэ. (Предание о Нишанской шаманке). Изд. текста, пер. и предисл. М.П.Волковой. М., ИВЛ, 1961. 178 с. с ил.

35. Воробьев М.В. и Соколова Г.А. Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии. М., "Наука", Гл.ред. вост.лит., 1976. 231 с. с ил. (Культура нар. Вост.).

Список лит.: с.181-185. Указ.: с.188-196.

36. Воробьева-Десятовская М.И. Надписи письмом кхароитхи на золотых предметах из Дальверзин-тепе. - ВДИ, 1976, № I, с.72-79. Рез. на англ.яз.

37. Воробьева-Десятовская М.И. Надпись брахми из Дильберджина. - В кн.: Древняя Бактрия. Матер. Сов.-Афг. экспед. 1969-1973 гг. М., 1976, с.170-171. Рез. на франц. яз. (с.190).

38. Ворожейкина З.Н. Иредж-Мирза Джелал ал-Мемалек (1874-1926). - Ареф Казвини (1880-1933). - В кн.: Основные произведения иностранной художественной литературы. Литература стран зарубежного Востока. Лит.-биогр. справочник. М., 1975, с.269, 271.

39. Ворожейкина З.Н. К вопросу о странствующих четверостишиях. - ПП и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.149-155.

40. Ворожейкина З.Н. и др. /Сост. и ред./: Современная восточная новелла. Сб. переводов. Вып.2. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1975. 135 с. (Совм. с Ю.М.Осиповым, Е.М.Пинус и А.З.Розенфельд).

41. Гадкина Л.В. Стихотворение П.Верлена "Дождь в городе" и поэзия Ким Джонсика (Соволь) (1903-1934 гг.) - ПП и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.155-161.

42. Гафурова Н.Б. Кабир и его наследие. М., "Наука", 1976. 104 с.; 7 л. факс.

Список лит.: с.99-102 (107 назв.).

43. Гафурова Н.Б. Основные линии сходства двустыший Кабира и традициях дадупантхи и сикхской. - ПП и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.161-166.

44. Горегляд В.Н. Трансформация буддизма под влиянием местной культурной традиции в Японии IX-XIII вв. - ПП и ПМКНВ, ХП/1. М., 1977, с.59-63.

45. Горегляд В.Н. Философия дзэн-буддизма. - "Азия и Африка сегодня", 1976, № 10, с.57-60.

46. Goregliad V.N. Some aspects of Buddhist influence on Heian literature. - "Bull. of the Europ. Assoc. for Japanese stud.", 1976, N 8, p.29.

47. Гохман В.И. К истории расхождения тайских языков в Северном Индокитае. - ПП и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.228-234.

48. /Долинина А.А. и Грязневич П.А./ . Памяти В.И.Беллева. - НАА, 1976, № 6, с.268-269.

49. Гуревич И.С. Произведения буддийской литературы как источники для изучения китайского разговорного языка III-IX вв. - ТПИЛДВ, УП. М., 1976, с.25-26.

50. Гуревич И.С. Что считать словом в китайском языке III-У вв.? - ПП и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.239-244.

51. Дандамаев М.А. Политевма в ахеменидской Вавилонии. - В кн.: XIV Международ. конфер. античников соц. стран. Тезисы докл. Ереван 1976. 18-23 мая. Ереван, 1976, с.125.

52. Dandamaev M.A. Persien unter den ersten Achämeniden (6. Jahrhundert v. Chr.) Übers. von H.-D.Pohl. Wiesbaden, Reichert, 1976. XX, 270 S.; 8 ill. (Beiträge zur Iranistik, Bd.8). Bibliogr.: S.257-262.

53. Додхудоева Л.Н. Две рукописи "Хамсе" Низами из собрания ЛО ИВ АН СССР. - ПП и ПМКНВ, ХП/1. М., 1977, с.107-112.

54. Дулина Н.А. Англо-турецкий договор 1838 г. и его влияние на экономическое развитие Османской империи. - НАА, 1976, № 3, с.69-80. Рез. на англ.яз. (с.252).

55. Дулина Н.А. О программе реформ Мустафы Решида паши (1838-1858). - ПП и ПМКНВ, ХП /1. М., 1977, с.12-17.

56. Дулина Н.А. и Султанов Т.И. УП Тюркологическая конференция. - НАА, 1976, № 2, с.240-244.

57. Дулина Н.А., Медведева Л.Я., Насилов В.М., Ниязов Х.Г., Султанов Т.И., Тугушева Л.Ю. УП Тюркологическая конференция в Ленинграде. - СТ, 1976, № 5, с.107-117.

58. Дулина Н.А. и Медведева Л.Я. /Рец. на кн./: *Turcica. Revue d'études turques*. Т.5, 1973. Paris, 1975. - СТ, 1976, N 2, с.109-112.

59. Дунаевская И.М. Новые перспективы исследования хаттского языка.-В кн.: *История и филология древнего Востока. XI ГНС ЛО ИВ АН. М., 1976, с.12-19.*

60. Dunajevskaja I.M. /Рец. на кн./: Schuster H.-S. *Die hattisch-hethitischen Bilinguen. I. Einleitung. Texte und Kommentar, Teil 1.* Leiden, E.J.Brill, 1974. XVIII + 148 S. - *Визр, Яг.33, 1976, N 3/4, p.204-208.*

61. Дьяконов И.М. Древние письменности и древние языки. - В кн.: *История и филология древнего Востока. XI ГНС ЛО ИВ АН. М., 1976, с.4-8.*

62. Дьяконов И.М. Западносемитское письмо. - В кн.: *Тайны древних писмен. Проблемы дешифровки. М., 1976, с.261-262, табл.*

63. Дьяконов И.М. Место фригийского среди индоевропейских языков. (Тезисы). - В кн.: *Древний Восток. 2.* Ереван. 1976, с.158-164. Рец. на англ.яз. (с.295-300).

64. Дьяконов И.М. О методах дешифровки древних текстов. - В кн.: *Тайны древних писмен. Проблемы дешифровки. М., 1976, с.11-29.*

65. Дьяконов И.М. О паралидийском письме. - В кн.: *Тайны древних писмен. Проблемы дешифровки. М., 1976, с.318-319.*

66. Дьяконов И.М. Применим ли термин "свободный" в истории древней Месопотамии? /Кр. излож. выступл. на УП конфер. по др. Вост./ - ВДИ, 1976, № I, с.184-186.

67. Дьяконов И.М. Протошумерские иероглифы. - В кн.: *Тайны древних писмен. Проблемы дешифровки. М., 1976, с.569-571.*

68. Дьяконов И.М. /Сост., ред. и предисл./: *Тайны древних писмен. Проблемы дешифровки. Сб. статей. Пер. с англ., нем., франц. и итал. яз. М., "Прогресс", 1976. 591 с. с ил.*

Предисл.: с.5-9.

69. Diakonoff I.M. and Livshits V.A. *Parthian economic documents from Nisa.* Ed. by D.N. McKenzie. London, Lund Humphries, 1976-77. (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt.2. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of East. Iran and Central Asia. Vol.2. Parthian).

Plates I. 1976. 8 p.; 123 pl.

Plates II. 1977. 3 p.; pl.124-300.

Texts I. /1977/. 80 p.

70. Diakonoff I.M. /Рец. на кн./Het Gilgamesj epos. Nationaal Heldendicht van Babylonië, vertaald en toegelicht door dr. F.M. Th. de Liagre Böhl. Amsterdam, H.J. Paris, 1972. 192 p.; 24 24 pl. - ВiOr, Jg.32, 1975, N 3/4, p.224.

71. Diakonoff I.M. /Рец. на кн./: Salonen E. Die Waffen der alten Mesopotamier. Eine lexikal. und kulturgeschichtl. Untersuch. Helsinki, 1965. 216 p.; 36 pl. - Salonen E. Über das Erwerbsleben im Alten Mesopotamien. Untersuch. zu den akkad. Berufsamen. Teil 1. Ibid., 1970, 344 p.; 11 pl. - Salonen E. Über den Zehnten im Alten Mesopotamien. Ein Beitrag zur Geschichte der Besteuerung. Ibid., 1972. 65 p. - ВiOr, Jg.32, 1975, N 3/4, p.224-227.

72. Дьяконов И.М. /Пер. с нем./: Фалькенштейн А. Архаические тексты из Урука. - В кн.: Тайны древних писмен. Проблемы дешифровки. М., 1976, с.572-578.

73. Elanskaya A.I. ΣE en tant qu'indice d'irréalité en copte. - "Ägypten und Kusch", Berlin, 1976, S.126-129. (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients, Bd.13).

74. Elanskaja A.I. Zum Gedenken an P.V. Jernstedt (1890-1966). - Wiss. Z. Univ. Halle, XXVI, 1977, H.1, S.93-95.

75. Elanskaya A.I. /Рец. на кн./: Reymond E. A.E. and Barns J.W.B. Four martyrdoms from the Pierpont Morgan Coptic Codices. Oxford, Clarendon Pr., 1973. XII + 278 p. - ВiOr, Jg.33, 1976, N 3/4, p.188-191.

76. Елизарова М.М. О некоторых особенностях древней переводческой практики (на примере переводов "Премудростей Бен Сиры"). - В кн.: XIV Междунар. конфер. античников соц.стран. Тезисы докл. Ереван 1976. 18-23 мая. Ереван, 1976, с.141-142.

77. Елисеева Н.В. XI годичная сессия ЛО ИВ АН СССР. - НАА, 1976, № 6, с.251-253.

78. Елисеева Н.В. /Хроникальные заметки о научной жизни в ЛО ИВ АН СССР/. - НАА, 1976, № 5, с.214-215.

79. Ермаков М.Е. "Гао сан чжуань" и агиографическая традиция. - III и ПМКНВ, XII/I. М., 1977, с.112-118.

80. Жданова Л.В. Два стихотворения из цикла Чхве Чживона (857 - ?) "Воспеваю ветер и луну" (в связи с представлениями о пространстве, времени и личности). - ТПИЛДВ, УП. М., 1976, с.30-31.

81. Жданова Л.В. Стихотворения корейского поэта Чхве Чживона (857 - ?), написанные осенью-зимой 884 г. - весной 885 г.

(к структуре цикла). - ПП и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.166-173.

82. Желодовцев А.Н. и Кроть Ю.Л. Об этимологии и значении термина "бяньвэнь". - НАА, 1976, № 3, с.138-146.

83. Западова Е.А. Что празднуют в Бирме. - "Наука и религия", 1976, № 2, с.61-63.

84. Эислин М.Н. К вопросу о достоверности масоретской фонетической системы. - В кн.: История и филология древнего Востока. XI ГНС ЛО ИВ АН. М., 1976, с.38-43.

85. Зограф Г.А. Индоарийские языки. (Древние индоарийские языки. - Средние индоарийские языки. - Новые индоарийские языки. - Северноиндийские языки). - В кн.: Языки Азии и Африки. I. Индоевропейские языки. I. М., 1976, с.110-270.

86. Зограф Г.А. Морфологический строй новых индоарийских языков. (Опыт структурнотипол. анализа). М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1976. 368 с.; ил. Рез. на англ.яз. Список лит.: с.323-332. Указ.лекс.-граммат. яз. и диалектов: с.334-354.

87. Зограф Г.А. /Предисл. и примеч./: Сказки народов Индии. Пер. с инд. языков и англ. Л., "Худож. лит.", 1976. 357 с. Предисл.: с.3-19.

88. Зограф Г.А. /Пер. с хинди и англ./: Ворона. - Коварный шакал. - Тигр и заяц. - /И др. сказки/. - В кн.: Сказки народов Индии. Л., 1976, с.23-24, 34-35, 46-49, 63-65, 150-154, 156-160, 164-168, 211-213, 224-228, 242-250, 252-266, 270-274, 293-298, 299-305.

89. Зограф И.Т. "Юань-чао би-ши" и пекинский диалект юаньской эпохи. - ПП и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.244-248.

90. Кальянов В.И. /Пер. с санскрита, коммент. и послесл./: Махабхарата. Кн.5. Удьюгапарва или Книга о старании. Л., "Наука", Лен. отд-ние, 1976. 592 с. с ил. (АН СССР. Лит. памятники). Послесл.: с.381-398. Указатели: * с.557-590. Коммент.: с.428-556.

91. Кальянов В.И. Некоторые вопросы внешнеполитических воззрений в древнеиндийском эпосе, - В кн.: Махабхарата. Кн.5. Удьюгапарва или Книга о старании. Л., 1976, с.399-427.

92. Каплан Г.Х. Употребление видовых глагольных форм аккадского языка для выражения времен (среднеассирийский диалект). - В кн.: История и филология древнего Востока. XI ГНС ЛО ИВ АН. М., 1976, с.30-38.

* Указатели сост. И.С.Шарковой.

93. Кепинг К.Б. Выражение значения множественности в тангутском языке (имена). - III и ПИКНВ, ХП/2. М., 1977, с.248-256.

94. Keping K.B. Subject and object agreement in the Tibetan verb. - "Linguistics of the Tibeto-Burman area", Berkeley, Calif. vol.2, 1976, N 2, p.219-231.

95. Кник У.А. Художественное ремесло древнейшего Египта и сопредельных стран. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1976. 200 с. ил. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Список лит.: с.194-199.

96. Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и история культуры Центральной Азии. - В кн.: Всесоюзная тюркологическая конференция 27-29 сент. 1976 г. Секция 3. Этнические и историко-культурные связи тюркоязычных народов СССР. Тез. докл. и сообщ. Алма-Ата, 1976, с.52-54.

97. Кляшторный С.Г. К 70-летию акад. Андрея Николаевича Кононова. - ИАН СССР, СЛЯ, т.35, 1976, № 5, с.477-478 с портр.

98. /Кляшторный С.Г./ Андрей Николаевич Кононов. (К 70-летию со дня рождения). - СТ, 1976, № 3, с.123-124.

Основные труды акад. А.Н.Кононова, опубли. после 1966 г. - Там же, с.124-125.

99. Кляшторный С.Г. Представление о времени в древнетюркских памятниках. I. Системы исчисления времени. - III и ПИКНВ, ХП/1. М., 1977, с.63-65.

100. Кляшторный С.Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири. (Наскальные надписи Телсея и Турана). - СТ, 1976, № 1, с.66-70.

101. Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников). - В кн.: Turcologica. К 70-летию акад. А.Н.Кононова. Л., 1976, с.258-267.

102. Кляшторный С.Г. Эпиграфические исследования в Монголии. - В кн.: Археологические открытия 1975 года. М., 1976, с.580.

103. Гарипов Т.М. и Кляшторный С.Г. /Рец. на кн./: Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., "Наука", 1974. 572 + I с. + 4 вкл. - СТ, 1976, № 4, с.112-113.

104. Кляшторный С.Г. и Фадеева И.Е. /Рец. на кн./: Turcica. Revue d'études turques. T.4, 1972. Paris, 1974. - СТ, 1976, N 1, с.107-109.

См. также № 205.

105. Кобец В.Н. Проблема "Япония - Запад" в творчестве Фукудзава Юкити. - НАА, 1976, № 5, с.66-76.

106. Кобец В.Н. "Сясин ёрё" - моральный кодекс Фукудзава Юкити. (К вопросу о формировании буржуазной морали в Японии). -

ПШ и ПИКНВ, ХП/1. М., 1977, с.65-71.

107. Козина Е.М. Источники рабства в Китае (по документам периода династии Тан). - ПШ и ПИКНВ, ХП/1. М., 1977, с.18-22.

108. Козина Е.М. Основные категории лично несвободного населения в танском Китае. - В кн.: УП науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. I. М., 1976, с.93-101.

109. Колесников А.И. Договоры между мусульманами и покоренным населением в годы завоевания Ирана арабами (к постановке проблемы). - ПШ и ПИКНВ, ХП/1. М., 1977, с.23-30.

110. Кононов А.Н., Кенесбаев С.К. и Благова Г.Ф. Всесоюзная тюркологическая конференция. - СТ, 1976, № 3, с.3-9.

111. Кононов А.Н., Кенесбаев С. и Благова Г., Живая связь времен. /К Всесоюз. тюрколог. конфер. в Алма-Ате/. - "Казах. правда", Алма-Ата, 1976, 26 сент.

112. Кононов А.Н. О природе тюркской агглютинации. - ВЯ, 1976, № 4, с.3-17.

113. Кононов А.Н. и Иванов С.Н. О теоретическом изучении грамматики тюркских языков. - В кн.: Всесоюзная тюркологическая конференция 27-29 сент. 1976 г. Секция I. Сов. тюркология и разг. тюркских яз. в СССР. Тез. докл. и сообщ. Алма-Ата, 1976, с.30-32.

114. Кононов А.Н. Основные этапы формирования турецкого письменно-литературного языка. - В кн.: История и филология Турции. Тезисы докл. и сообщ. Окт. 1976 г. М., 1976, с.81-86.

115. Кононов А.Н. Очерк истории изучения турецкого языка. Л., "Наука", 1976, 119 с.

116. Кононов А.Н. Тюрко-русские этимологические этюды. - В кн.: Культурное наследие древней Русм. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с.256-260.

117. Кононов А.Н. /Участие в сост./: Программа /фак-та повыш. квалификации Ташк. гос. ун-та им. В.И.Ленина/. Специальность: узбекский язык. Ташкент, 1976, 41 с.

118. Кононов А.Н. /Отв. ред./: Ходжанди. Латафат-наме. Книга о красоте. Введ., транскр. текста, пер., глоссарий, граммат. указ. Э.И.Фазылова. Ташкент, "Фан", 1976, 200 с.

119. Кононов А.Н. /Ред./: Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, "Наука", 1976, 444 с.

120. Кравцова М.Е. Некоторые типы повторов в поэзии Шэнь Юэ (441-513). - ПШ и ПИКНВ, ХП/2. М., 1977, с.173-178.

121. Кроль Ю.Л. К характеристике экономических взглядов Сан Хун-яна. - ПШ и ПИКНВ, ХП/1. М., 1977, с.71-78.

122. Кроль Ю.Л. Представления древнекитайских мыслителей о времени. (По материалам трактата I в. до н.э. "Янь те лунь"). - В кн.: УП науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. I. М., 1976, с.147-158.

123. Кузнецов Б.И. /Пер. с маратхи/: Сын пандита. - Два дерева. - Паталипутра. - Откуда на луне заяц. - В кн.: Сказки народов Индии. Л., 1976, с.298-299, 310-317.

124. Куликова А.М. Первое путешествие И.П.Минаева на Восток в его переписке с А.Н.Веселовским. - ПИ и ПИКНВ, XII/I. М., 1977, с.118-124.

125. Куликова А.М. /Рец. на кн./: Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.). Казань, 1972, 255 с. - НАА, 1976, № 2, с.210-211.

126. Курдоев К.К. Еще раз о формах множественного числа имени в курдском языке. - ПИ и ПИКНВ, XII/2. М., 1977, с.256-259.

127. Курдоев К.К. Категория рода и объектная конструкция в зава. - В кн.: Иранское языковедение. (К 75-летию проф. В.И. Абаева). М., 1976, с.104-118.

128. Кушев В.В. Описание рукописей на языке папато Института востоковедения. М., "Наука", Гл. ред. вост.лит., 1976, 135 с. с ил. (АН СССР, Ин-т востоковед.). Указатели: с.105-113.

129. Кычанов Е.И. Изгнание (и-сян) в кодексе династии Тан (УП в.) - В кн.: УП науч.конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. I. М., 1976, с.102-107.

130. Кычанов Е.И. Новые материалы об этногенезе дунган. - ПИ и ПИКНВ, XII/I. М., 1977, с.31-38.

131. Kuchanov E.I. Monuments of Tangut legislation (12 th-13 th centuries). - В кн.: *Études tibétaines*. Paris, 1976, p.29-42. (Actes du XXIXe Congrès intern. des Orient. Paris, Juillet 1973).

132. Лившиц В.А. Надписи из Дильберджина. - В кн.: Древняя Бактрия. Матер. Сов-Афг. экспед. 1969-1973 гг. М., 1976, с.163-169. Рец. на франц.яз. (с.189).

133. Лившиц В.А. Происхождение древнетюркской рунической письменности. - В кн.: Всесоюзная тюркологическая конференция 27-29 сент. 1976 г. Секция 3. Этнические и историко-культурные связи тюркоязычных народов СССР. Тез. докл. и сообщ. Алма-Ата, 1976, с.62-70.

См. также № 69.

134. Лундин А.Г. Городская организация в древнем Емене. - В кн.: XIV Междунар. конфер. античников соц. стран. Тезисы докл. Ереван 1976. 18-23 мая. Ереван, 1976, с.245-247.
135. Лундин А.Г. Катабанская сакральная надпись RES 311. - ВДИ, 1976, № 3, с.19-32. Рез. на англ. яз.
136. Лундин А.Г. Катабанский эпонимат (тезисы). - В кн.: История и филология древнего Востока. XI ГНС ЛО ИВ АН. М., 1976, с.69-72.
137. Лундин А.Г. Новый тип катабанских посвячительных надписей. - ПП и ПМКНВ, ХП/1. М., 1977, с.124-129.
138. Курбатов Г.А., Лундин А.Г., Пайкова А.В. и Старкова К.Б. Нина Викторовна Пигулевская. - В кн.: Пигулевская Н.В. Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976, с.10-50.
139. Лундин А.Г. Предисловие. - В кн.: Пигулевская Н.В. Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976, с.3-9.
140. Лундин А.Г. и Мещерская Е.Н. Список печатных работ члена-корреспондента АН СССР Н.В.Пигулевской. - В кн.: Пигулевская Н.В. Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976, с.50-62.
141. Мартынов А.С. Девизы правлений китайских императоров (нянь-хао). - ПП и ПМКНВ, ХП/1. М., 1977, с.78-84.
142. Мартынов А.С. К характеристике официальной идеологии средневекового Китая. (По материалам политических текстов, содержащих устойчивые выражения типа "верх-низ"). - В кн.: УП науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. I. М., 1976, с.57-60.
143. Мартынов А.С. О некоторых параллелях в китайских философских, политических и художественных текстах. - ТПИЛДВ, УП. М., 1976, с.52-54.
144. Мартынецев А.Е. Об особенностях строфического оформления стихов Юнуса Эмре. - СТ, 1976, № 3, с.44-47.
145. Маслов А.В. Танские источники по биографии Цэнь Шэня (?14? - 770? гг. н.э.) - ПП и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.179-183.
Медведева Л.Я. см. № 56, 57.
146. Меньшиков Л.Н. Структура китайских восьмистиший "люй-ши". - ТПИЛДВ, УП, М., 1976, с.55-57.
Мещерская Е.Н. см. № 140.
147. Михайлова Ю.Д. Из истории "движения за свободу и народные права" (к оценке событий 1885 г. в Осака). - ПП и ПМКНВ, ХП/1. М., 1977, с.38-42.
148. Мокеев А.М. Некоторые вопросы политической истории Джунгарского ханства во второй половине ХУП в. - ПП и ПМКНВ,

ХП/І. М., 1977, с.42-46.

149. Мокеев А.М. Основные формы связи кочевников с городами Восточного Туркестана в ХУП - первой половине ХУШ в. - В кн.: Бартольдские чтения 1976. Год 3-й. М., 1976, с.64-65.

150. Мусаэлян Ж.С. Истоки сюжета курдской поэмы "Замбиль-фрощ". - ПП и ПИКНВ, ХП/2. М., 1977, с.183-186.

151. Невелева С.Л. Семантика древнеиндийских (эпических) сравнений (некоторые выводы). - ПП и ПИКНВ, ХП/2. М., 1977, с.186-191.

152. Никитина М.И. К пониманию двух древнекорейских поэтических произведений (хянга). - ПП и ПИКНВ, ХП/2. М., 1977, с.191-200.

153. Никитина М.И. Представления о времени, отраженные в корейской средневековой поэзии (сиджо). - ТПИЛДВ, УП. М., 1976, с.61-62.

154. Носова Н.И. Именные и квазиименные формы глаголов в бирманском языке. - ПП и ПИКНВ, ХП/2. М., 1977, с.259-262.

155. Носова Н.И. /Пер. с бирман./: Сказки чинов. - Сказки качинов.-Сказки каренов. - В кн.: Сказки народов Бирмы. М., 1976, с.61-140, 387-390, 394-404, 409-413, 426-451, 457-467, 497-500, 504-506.

156. **Оранский И.М.** Indo-Iranica. 1-4. - В кн.: Этимология 1974. М., 1976, с.158-171.

157. **Оранский И.М.** Об одной ирано-тюркской семантической параллели. - В кн.: Turcologica. К 70-летию акад. А.Н.Кононова. Л., 1976, с.121-125.

158. **Оранский И.М.** Тадж. kati/qati - осет. (диг.) хассă. - В кн.: Иранское языкознание. (К 75-летию проф. В.И.Абаева). М., 1976, с.148-159.

159. **Оранский И.М.** /Рец. на кн./: Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Das altiranische Namengut der Persepolis-Täfelchen. Unter Mitarbeit von J.Harmatta u.a. Wien, Verl. der Österreich. Akad. der Wiss., 1973. 358 S. - ВДИ, 1976, № I, с.153-158.

160. Павловская Л.К. Факт исторический и факт литературный (на материале "Заново составленного пинхуа по истории Пяти династий"). - ТПИЛДВ, УП. М., 1976, с.66-68.

Пайкова А.В. см. № 138.

161. Петросян Ю.А. Идея "европеизации" в общественно-политической жизни Османской империи эпохи нового времени. - В кн.: История и филология Турции. Тезисы докл. и сообщ. Окт. 1976 г. М., 1976, с.37-40.

162. Петросян Ю.А. Из истории турецкой публицистики в начале XX века. - В кн.: *Turcologica*. К 70-летию акад. А.Н.Коновова. Л., 1976, с.313-318.

163. Петросян Ю.А. Первая турецкая конституция (к столетию со дня провозглашения). - НАА, 1976, № 6, с.76-85.

См. также № 205.

164. Пигулевская Н.В. Ближний Восток, Византия. Славяне. Л., "Наука", 1976, 240 с.; 3 л.ил. и портр.(АН СССР. Отд-ние ист.).

165. Пиотровский М.Б. /О работе сессии арабистов в ЛО ИВ АН СССР, посвященной памяти И.Ю.Крачковского/. - НАА, 1976, № 6, с.262-264.

166. Полосин В.В. Славянский термин в сочинении средневекового путешественника-араба. - НАА, 1976, № 1, с.141-144.

167. Посова Т.К. Некоторые формальные характеристики индийской рукописи (XVI-XIX вв.) - ПИ и ПМКНВ, ХП/1. М., 1977, с.129-134.

168. Possova T.K. Der Hindu-Kommunalismus und die Arbeiterklasse Indiens (1960-1970). - В кн.: *Sozialstruktur und Arbeiterklasse in Asien und Africa. Teil 2*. Berlin, 1976, S.64-78. (Inst. für Gesellschaftwiss. beim Z K der SED. Themat. Inform. und Dokument. 8.5. Jg.).

169. Ромодин В.А. Контакты киргизов с другими народами в свете ранних записей эпоса "Манас". - В кн.: Всесоюзная тюркологическая конференция 27-29 сент. 1976 г. Секция 3. Этнические и историко-культурные связи тюркоязычных народов СССР. Тез. докл. и сообщ. Алма-Ата, 1976, с.90-92.

170. Ромодин В.А. Тайна сенсационной публикации Султан Мухаммад-хана. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып.18. М., 1976, с.116-124. Лит.: с.123-124.

171. Рудой В.И. Из истории абхидхармы. - ПИ и ПМКНВ, ХП/1. М., 1977, с.84-89.

172. Русинова Э.С. Положительный герой в романах Бхабани Бхаттачарии. - ПИ и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.200-204.

173. Rusinova E.S. /Рец. на кн./: Калининкова Е.Я. Англоязычная литература Индии. М., "Наука", 1974, 246 с. - "Asia and Africa today", 1976, N 4, p.59-60.

174. Савицкий Л.С. Лирическая поэзия Цаньбян-джамцо (XV в.) и тибетский фольклор (опыт формального анализа). - ПИ и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.204-209.

175. Savitsky L.S. Tibetan literature of the eighteenth century. (Transl. from the Russian by S.Frye). - "The Tibet Journ.". Dharamsala/ New Delhi, vol.1, 1976, N 2, p.43-46.

176. Саыкии А.Г. О периодизации переводческой деятельности ойратского Зая-пандиты. - ПП и ПМКНВ, ХП/1. М., 1977, с.134-140.

177. Саыкии А.Г. /Пер. с англ./: Диллячар А. Заметки о синтаксисе и грамматических функциях в турецком языке. - Мори М. Бёгю-каган и Поцэий. - В кн.: Turcologica. К 70-летию акад. А.Н.Кононова. Л., 1976, с.65-72; 284-290.

178. Свиридов Г.Г. Принцип "дхвани" в построении "Повествования, собранного в Удзи". - ПП и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.209-216.

179. Селиванова Т.П. Тантрины, эканги и дамары в Кашмире X в. - ПП и ПМКНВ, ХП/1. М., 1977, с.46-51.

180. Смирнова Л.П. Вспомогательная функция глагола гозагээн в современном персидском просторечии. - ПП и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.262-264.

181. Смирнова О.И. О древнетюркских монетах из Кувы (Фергана). (Предварительное сообщение). - ПП и ПМКНВ, ХП/1. М., 1977, с.51-57.

182. Сорокина О.С. "Нисая" и бирманский язык. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1976, 19 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.).

183. Спириин В.С. О философском содержании первого параграфа "Дао дэ цзиня" (предварительное замечание). - В кн.: УП науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. I. М., 1976, с.45-50.

184. Спириин В.С. Построение древнекитайских текстов. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1976. 231 с. с ил.; I л. ил. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Список лит.: с.220-222.

185. Спириин В.С. Теоретический аспект древнекитайского учения о "трех материалах". - ПП и ПМКНВ, ХП/1. М., 1977, с.90-95.
Старкова К.Б. см. № 138.

186. Гринберг А.Л. и Стеблин-Каменский И.М. Ваханский язык. Тексты, словарь, граммат. очерк, М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1976. 670 с. с ил. (Языки Восточного Гиндукуша).

187. Стеблин-Каменский И.М. Два ваханских топонима. - В кн.: Иранское языкознание. (К 75-летию проф. В.И.Абаева). М., 1976, с.182-185.

188. Гринберг А.Л. и Стеблин-Каменский И.М. /Сост. и коммент./: Сказки народов Памира. Пер. с памир. яз. Отв. ред. и авт. предисл.

А.Н.Болдырев. М., "Наука", Гл. ред. вост.лит., 1976, 536 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.).

189. Стеблин-Каменский И.М. /Хроникальные заметки о Семинаре ленинградских иранистов/. - НАА 1976, № 4, с.230-231; № 5, с.215.

190. Стеблин-Каменский И.М. /Пер. с англ./: Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., "Наука", Гл. ред. вост.лит., 1976, 336 с. (АН СССР, Ин-т востоковед.). /Доп. тираж/.

191. Струве В.В. Действительность культуры древнего Египта, (Вместо введения). - В кн.: Культура древнего Египта, М., 1976, с.5-13.

192. Стулова Э.С. К вопросу о структуре прозаических частей китайской песенно-повествовательной литературы. - ТПИЛДВ, УП. М., 1976, с.86-87.

193. Султанов Т.И. Известия мирзы Хайдара Дуглата и Сейфи Челеби о Тибете и тибетцах XVI в. - ПИ и ПМКНВ, ХП/1. М., 1977, с.140-145.

194. Султанов Т.И. К истории Казахстана 70-х годов XIX в. - ИАН Каз.ССР, СОН, 1976, № 5, с.47-52.

195. Султанов Т.И. Этнический состав казахов и казахско-узбекские межэтнические связи в XV- начале XVI вв. по письменным источникам. - В кн.: Всесоюзная тюркологическая конференция 27-29 сент. 1976 г. Секция 3. Этнические и историко-культурные связи тюркоязычных народов СССР. Тез. докл. и сообщ. Алма-Ата, 1976, с.96-97. См. также № 56, 57.

196. Терентьев-Катанский А.П. Легенда о "Белой земле". - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 18. М., 1976, с.209-212. Лит.: с.212.

197. Троцевич А.Ф. Им Дже (1549-1587). - Хо Гын (1569-1618). - Повесть о Чхунхян (XV в.). - Повесть о Симчхон (XV в.) - В кн.: Основные произведения иностранной художественной литературы. Лит. стран зарубеж. Востока. Лит.-библиогр. справочник. М., 1975, с.321-323, 325-326.

198. Троцевич А.Ф. "Конечное" и "бесконечное" в романе Ким Манджуна "Облачный сон девяти". - ТПИЛДВ, УП. М., 1976, с.90-93.

199. Тугушева Л.Ю. Некоторые аспекты изучения древнетюркских деловых документов. - В кн.: Всесоюзная тюркологическая конференция 27-29 сент. 1976 г. Секция 3. Этнические и историко-культурные связи тюркоязычных народов СССР. Тез. докл. и сообщ. Алма-Ата, 1976, с.103-105.

200. Тугужева Л.Ю. О лексико-семантической структуре субстантивно-атрибутивных словосочетаний в турецких языках. - В кн.: *Turcologica*. К 70-летию акад. А.Н.Кононова. Л., 1976, с.173-180.

201. Тугужева Л.Ю. Языковые и внеязыковые значения в дешифровке памятников древнеуйгурской письменности. - СТ, 1976, № 5, с.27-32.

202. Тугужева Л.Ю. /Пер. с нем./: Циме П. О второй главе сутры "Золотой блеск". - В кн.: *Turcologica*. К 70-летию акад. А.Н.Кононова. Л., 1976, с.341-347. См. также № 57.

203. Туманович Н.Н. История изучения архива В.В.Бартольда. - В кн.: Бартольдовские чтения 1976. Год 3-й. М., 1976, с.78-80.

204. Туманович Н.Н. Описание архива академика В.В.Бартольда. - В кн.: Умняков И.И. Аннотированная библиография трудов акад. В.В.Бартольда. - Туманович Н.Н. Описание архива акад. В.В.Бартольда. М., "Наука", 1976, с.231-467.

205. *Turcologica*. К 70-летию акад. А.Н.Кононова. /Отв. ред.: С.Г.Кляшторный, Ю.А.Петросян, Э.Р.Тенишев/. Л., "Наука", Лен. отд-ние, 1976. 364 с.; 1 л. портр. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. - Сов. комит. тюркологов. - Ин-т востоков. Лен.отд-ние).

206. Фадеева И.Е. Об одном источнике по истории и организации янычарского корпуса. - В кн.: История и филология Турции. Тезисы докл. и сообщ. Окт. 1976 г. М., 1976, с.47-49.

207. Фадеева И.Е. Редкая рукопись из собрания ЛО ИВ АН СССР о придворном этикете османских султанов (XVII в.) - III и ПИКНВ, ХП/1. М., 1977, с.145-148.

208. Фадеева И.Е. /Рец. на кн./: *Turcica. Revue d'études turques*. Т.6. Paris-Strasbourg, 1975. - СТ, 1976, N 4, с.116-118. См. также № 104.

209. Фихман И.Ф. Оксиринх - город папирусов. М., "Наука", Гл. ред. вост.лит., 1976. 343 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Списки лит.: с.298-308 и в подстроч. примеч. Предм. указ.: с.309-314. Рез. на франц.яз.

210. Фихман И.Ф. Патронатное движение в оксиринхских папирусах. - В кн.: XIV Междунар. конфер. античников соц. стран. Тезисы докл. Ереван 1976. 18-23 мая. Ереван, 1976, с.447-448.

211. Фихман И.Ф. Патроны и патронлируемые в позднеримском Египте. /Кр. излож. выступл. на УП конфер. по др. Вост./. - ВДИ, 1976, № 1, с.205-208.

212. Фихман О.Д. Гротеск и фантастика в "Станных историях Ляо Чжая" (на материале повести "Морской торг ракшей"). - ТПИЛДВ,

Уп. М., 1976, с.93-96.

213. Фийман О.Л. К проблеме "системного" изучения сборников "бицзи". - ПП и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.217-224.

214. Хайдары Дж. Первый рассказ - очерк на курдском языке. - ПП и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.225-227.

215. Халидов А.Б. Путешествие ал-Гарнати в Булгар. - "Казан утлары", Казань, 1976, № 6, с.148-157. (На татар. яз.).

216. Хачикян М.Л. Из старохурритских заклинаний. - В кн.: Древний Восток. 2. Ереван, 1976, с.251-264. Рез. на англ. яз. (с.303-304).

217. Хачикян М.Л. Хурритский диалект в угаритской версии словаря *ḥar-ra: ḥubullu*. - В кн.: История и филология древнего Востока. XI ГНС ЛО ИВ АН. М., 1976, с.20-21.

218. Цукерман И.И. К вопросу о возникновении и функционировании окказиональных форм (на материале хорасанского курманджи). - ПП и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.265-269.

219. Четверухин А.С. Вокализация именных морфологических показателей египетского языка старой и средней ступеней развития (общий обзор). - ПП и ПМКНВ, ХП/2. М., 1977, с.270-274.

220. Чугуевский Л.И. О крепостных крестьянах при буддийских монастырях в Дуньхуане (Уш-Х вв.). - В кн.: Уп науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. I. М., 1976, с.159-166.

221. /Шифман И.Ш./ Кораблев И.Ш. (псевд.) Ганнибал. М., "Наука", Гл. ред. вост.лит., 1976. 400 с. Список лит.: с.376-377. Указ.: с.380-399.

222. Шифман И.Ш. Еще раз о "царском дворце" Согдианы. - ПП и ПМКНВ, ХП/1. М., 1977, с.57-58.

223. Шифман И.Ш. "Люди ворот" и "отцы" в Угарите. - В кн.: История и филология древнего Востока. XI ГНС ЛО ИВ АН. М., 1976, с.49-52.

224. Шифман И.Ш. Nabateyское государство и его культура. Из истории культуры доисламской Аравии. Материалы и исследования. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1976. 163 с.; 15 л. ил. (Культ. нар. Востока). Список лит.: с.143-150 и в примеч. Указ.: с.151-158. Рез. на англ. яз.

225. Шифман И.Ш. Пальмирская государственность. (Империя Одената-Зенобии). - В кн.: XIУ Междунар. конфер. античников соц. стран. Тезисы докл. Ереван 1976. 18-23 мая. Ереван, 1976, с.569-510.

226. Шифман И.Ш. Социальная структура свободного населения Угарита. /Кр. излож. выступл. на УП конфер. по др. Вост./ - ВДИ, 1976, № I, с.196-197.

227. Schiffman I. Miscellanea Epigraphica Palmyrena. - ZAW, Bd.88, 1976, Ht.1, S.130.

Англ. рез. статьи "Заметки по эпиграфике Пальмиры". (ПС, вып.25 (88), 1974).

228. Schiffman I. Zur Interpretation der Inschriften IFPCO Sard.36 und 39 aus Sardinien. - "Rivista di studi fenici", vol.4, 1976, N 1, p.49-52.

229. Шрон Г.С. Материалы к библиографии работ сотрудников ИО ИВ АН СССР за 1975 г. - III и ПМКНВ, XII/2. М., 1977, с.280-297.

230. Шумовский Т.А. "Великие острова" в морской энциклопедии Ахмада ибн-Маджида (XV в.) - В кн.: Страны и народы Востока. Вып.18. М., 1976, с.173-179. Лит.; с.179.

231. Юзбашян К.Н. /Рец. на кн./: Константин Порфирородный. Пер. с оригинала, предисл. и примеч. Р.М.Бартикяна. XV + 368 с., 2 вкл. и 2 карт. Ереван, Изд. АН Арм.ССР, 1970 (на арм. яз.) - ВВ, т.37, 1976, с.263-268. Подпись: К.Ю.

232. Юзбашян К.Н. /Отв. ред./: Мурадян К.М. Василий Кесарийский и его "Шестоднев" в древнеармянской литературе. Ереван, Изд. АН Арм.ССР, 1976, 271 с.

233. Юсупова Э.А. Значение предлога "le" в курдском языке (сорани). - В кн.: Индийская и иранская филология. Вопр. грамматики. М., 1976, с.282-291.

234. Юсупова Э.А. Классы глаголов в сулеманийском диалекте курдского языка. - III и ПМКНВ, XII/2. М., 1977, с.275-279.

235. Якобсон В.А. "Свободные" в Ассирии. /Кр. излож. выступл. на УП конфер. по др. Вост./ - ВДИ, 1976, № I, с.194-196.

236. Якобсон В.А. /Рец. на кн./: Гиоргадзе Г.Г. Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства. Тбилиси, "Мецниереба", 1973. 310 с. - НАА, 1976, № I, с.190-193.

237. Jakobson V.A. /Рец. на кн./: Gesellschaftsklassen im alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten. XVIII Rencontre assyriologique internationale. München, 29. Juni bis 3. Juli 1970. Hrsg. von D.O. Edzard. München Verl. der BAW, 1972. 222 S. 10 Taf. - ВiOr, Jg.33, 1976, N 3/4, p.191-195.

Список сокращений

ВВ	- "Византийский временник".
ВДИ	- "Вестник древней истории".
ВЯ	- "Вопросы языкознания".
ГНС	- Годичная научная сессия.
ИАН КазССР. ООН.	- "Известия Академии наук Казахской ССР. Отделение общественных наук".
ИАН СССР. СЛЯ.	- "Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка".
НАА	- "Народы Азии и Африки".
ИП и ПИКНВ, XII,	- "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годовичная научная сессия ИО ИВ АН СССР. (Краткие сообщения)". Ч. I и 2. М., 1977.
СИЭ	- "Советская историческая энциклопедия".
СТ	- "Советская тюркология".
ТИИЛДВ, УП.	- "Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докладов УП научной конференции. Ленинград, 1976 г. М., 1976.
BAW	- Bayerische Akademie der Wissenschaft.
BiOr	- "Bibliotheca Orientalis".
OIZ	- "Orientalistische Literaturzeitung".
Wiss.Z.Univ.Halle-	- "Wissenschaftliche Zeitschrift Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg".
ZAW	- "Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft".

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

	Стр.
Витол А.В. К вопросу о значении института великих везиров в системе государственного управления Османской империи конца ХУП - начала ХУШ в.	3
Джафаров Ю.Р. К вопросу о хайландурах историка Еги- ше	6
Дулина Н.А. Первое светское уголовное уложение в Ос- манской империи (1840 г.)	II
Кляшторный С.Г. Образ кагана в Орхонских памятниках. I4	I4
Кобец В.Н. Фукудава Юкити о сущности цивилизации. . I7	I7
Козина Е.М. Положение зависимых людей "буцой" и "кэной" по документам периода Тан (УП-IX вв.).	2I
Кроль Ю.Л. Ханьский "декрет о пожаловании в удель- ные правители и награждении за военные заслуги"	25
Курдоев К.К., Мусаев Я.С. К изучению курдских пле- мен (по материалам XVI-XH вв.).	29
Кычанов Е.И. Тангутский гвон	35
Лундин А.Г. По поводу взаимоотношения царя, совета и народа в Катабана в IV - I вв. до н.э.	39
Мартынов А.С. О концепции применения оружия в импе- раторском Китае	44
Михайлова Ю.Д. О республиканских идеях в "движении за свободу и народные права" в Японии (1870-80-е гг.) . . 48	48
Петросян Ю.А. Антиимпериалистические идеи в системе взглядов турецких буржуазно-либеральных реформаторов серед. XIX - нач. XX вв.	52
Селиванова Т.П. Об одной форме принудительного тру- да в Кашмире	57
Спирин В.С. Психологическая сторона понятия "пря- мая вертикаль" (чи) в "Дуньне"	6I
Ханни Э.Я. Об идейно-психологическом компоненте дискриминации японских париев.	65

Шифман И.Ш. К истории пунийской исторической традиции в свете античного литературного предания.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Абусейтова М.Х. О ташкентском и ленинградском списках "Мусаххир ад-билад"	70
Айтберов Т.М. Материалы по истории горного Дагестана XV-XVI вв.	77
Амусин И.Д. Кумранский учитель праведности и апокриф "Завет Левия"	79
Доджудоева Л.Н. О двух стилях миниатюр "Хамсе" Низами (ПНС 370)	83
Кадырбаев А.Ш. Китайские источники эпохи Юань о карлуках	86
Куликова А.И. Новый документ о Сагите Хельфине. . .	90
Лившиц В.А. Парфянский теоним Сасан	98
Дужецкая Н.Л. Восточные источники о Читральском конфликте 1895 г.	98
Мокеев А.М. Эпос "Манас" как источник по этнической истории киргизов	102
Сезыкин А.Г. Суд Эрлиг-хана и социальные мотивы в многоязычной литературе "народного буддизма"	106
Смирнова О.И. Согдийские монеты с именем Фарнбага	110
Султанов Т.И. Туркские переводные позднесредневековые исторические сочинения	115
Темкин Э.Н. Комментарий Патанджали на сутру Панини У,33,99.	117
Фихмен И.Ф. Из истории папирологии в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР	121

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Акимушкин О.Ф. "Тути наме" Нахшаби и "Джавахир ад-асмар"	125

Ворожейкина Э.Н. Касыда "фахрийе" – самовосхваление средневекового поэта	128
Жданова Л.В. Образ моря в цикле Чхве Чживона "Воспевая ветер и луну" (884 г.)	131
Иванова Г.Д. Огай – переводчик	134
Никитина М.И. Представления об "облике" "старшего" в древней корейской поэзии (хянга) и пейзажная поэзия на корейском языке XV–XIII вв.	138
Свиридов Г.Г. О механизме художественного воздействия сэцува (на примере "Повествования, собранного в Удзи")	142
Хайдари Дж. Ахмед Мухтар Джаф – повесть "Проблема совести"	146
Цукерман И.И. Курдские пословицы на хорасанском курманджи	149

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Воробьев М.В. О ранних тюркско-монгольских языковых связях (к постановке проблемы)	154
Гуревич И.С. Некоторые особенности предикативов со значением качества в китайском языке III–V вв.	159
Зограф И.Т. Конструкция счета в среднекитайском языке	161
Кепинг К.Б. Согласование глагола в тангутском языке	169
Носова Н.И. О двух типах глаголов движения в бирманском языке	173
Четверухин А.С. Происхождение египетского именного предложения модели "имя + указательное местоимение" . . .	175
Чижикова К.Л. Ономастия в бенгальском языке.	179
Юсупова Э.А. Энклитические местоимения – в структуре предложения (на материале курдского языка)	184

БИБЛИОГРАФИЯ

Шрон Г.С. Материалы к библиографии работ сотрудников ЛО ИВ АН СССР за 1976 г.	188

Подписано к печати 15/IX-1977 г., А-02960
Объем 13,25 п.л. Уч.-изд. л. 11,35. Тир. 250 экз.
Зак. 333. Цена 1 руб. 10 коп.
Офсетное производство 3-й типографии
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

